

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ МИД РОССИИ

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В XXI ВЕКЕ: САНКЦИИ,
КОНФЛИКТЫ И ИМПЕРАТИВЫ
СОТРУДНИЧЕСТВА**

**Сборник материалов международной научно-практической
онлайн-конференции
1 декабря 2022 г.**

Москва
2023

УДК 327
ББК 66.4

Ответственный редактор:

Иванов О.П., доктор политических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Рудницкий А.Ю., доктор исторических наук;
Миронов С.И., кандидат военных наук;
Фаустова Н.А., кандидат филологических наук.

Трансформация международной безопасности в XXI веке: санкции, конфликты и императивы сотрудничества. Материалы международной научно-практической онлайн-конференции / отв. ред. О.П. Иванов; Дипломатическая академия МИД России. – Москва, 2023. – 262 с.

ISBN 978-5-604-8376-0-3

В сборник вошли материалы международной научно-практической онлайн-конференции «Трансформация международной безопасности в XXI веке: санкции, конфликты и императивы сотрудничества» (1 декабря 2022 г.). Организатор – кафедра международной и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России. В конференции приняли участие политологи, экономисты и историки из Австрии, Армении, Германии, Италии, Марокко, Польши, России, Румынии, Сербии, Турции, Франции, Швеции и Швейцарии. Обсуждались вопросы межгосударственных отношений по линии «Восток–Запад», международной и национальной безопасности, перспективы формирования нового мирового порядка.

ISBN 978-5-604-8376-0-3

© Коллектив авторов, 2023

© Дипломатическая академия МИД России, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Захарова М.В. Официальное открытие	7
РАЗДЕЛ I. Дихотомия «Восток–Запад» и международная безопасность: военные и экономические аспекты, культурно-цивилизационный контекст	11
Иванов О.П. Почему окончание холодной войны не стало началом «эры безопасности»?	11
Шаклеина Т.А. Дилемма формирования современного миропорядка	15
Батмаз В. Международный порядок: экуменический сценарий	20
Клауберг Р. Экономические кризисы в глобализирующемся мире и проблемы безопасности	29
РАЗДЕЛ 2. Вызовы безопасности и конфликты в современном мире	40
Андреев С.Б. «Талибан» и «Аль-Каида»: непростой брак по расчету	40
Гласер М.А. Вызовы гуманитарной безопасности на Африканском Роге	47
Сидорова Г.М. Конфликты в Африке и международная безопасность	58
Цветов П.Ю. Перспективы развития ситуации в Южно-Китайском море в свете решений XX съезда компартии Китая и китайско-американского соперничества	64
Меркулова Д.Г., Рыжов И.В. Последствия катарского дипломатического кризиса для региональной безопасности на Ближнем Востоке	73
Потемкина О.Ю. Украинские беженцы в Европе: новый миграционный кризис?	81
Рудницкий А.Ю. Об «украинском вопросе»: архивные документы и исторические параллели	87
РАЗДЕЛ 3. Новый мировой порядок: геополитические и геостратегические параметры	98
Фризен А., Быстрон П. Новый многополярный мировой порядок (экономика, безопасность, культура)	98
Морини М. Новая геополитическая эра в Европе: экономические и политические вызовы	109
Штоль В.В. На повестке дня новая система международной безопасности	112
Томанн П.-Э. Новая геополитическая конфигурация на глобальном уровне после начала конфликта на Украине: диагноз, перспективы и решения для Европы	119
Хохлышева О.О., Колобов О.А. Система международной безопасности и ее международно-правовое обеспечение	133
Гуселетов Б.П. Постсоветское пространство от Европы до Азии: проблемы и перспективы. гуманитарный аспект	145
Пиццоло П. Геополитическое значение инициативы «Троеморье»	151

Шамаров П.В. Актуализация концепции суверенной государственности России в условиях специальной военной операции на Украине	156
Шляхтунов А.Г. Гуманитарная безопасность как социальная направленность внутренней и внешней политики современной России	167
Вакарелу М. Экономическая безопасность в XXI веке: кто выживет	175
Офицеров-Бельский Д.В. Глобальные проблемы и «мягкая сила» в эпоху турбулентности	180
РАЗДЕЛ 4. Особенности обеспечения безопасности в современных условиях	186
Александров М.В. Коллапс системы международной безопасности и новая роль ядерного оружия в многополярном мире	186
Егоров В.Н. Система европейской безопасности. Что дальше?	189
Маслакова-Клауберг Н.И. Антироссийские санкции в дискурсе мировой истории и дипломатии	194
Румате Ф. Трансформация международной безопасности в эпоху искусственного интеллекта	200
Герасимов Е.И. Информационно-коммуникационные технологии в системе обеспечения глобальной и региональной безопасности: новые вызовы	205
Мионов С.И. Проблемные аспекты режима нераспространения ядерного оружия	212
Малов А.Ю. Современные вызовы безопасности и судьба режимов контроля над вооружениями (на примере Европы)	225
Деньщиков А.Л. Антитеррористический центр СНГ: 22 года на страже безопасности	237
Тимакова О.А. Отношения НАТО-ЕС: роль стран-членов	241
Сидорова Л.Н. Расширение НАТО на север: причины и последствия	247
Охотенко Р.В., Арабидзе И.Т. Динамика и перспективы международного чрезвычайного гуманитарного реагирования МЧС России в странах Африки	255

CONTENTS

Maria V. Zakharova. Official opening	5
PART I. East-West dichotomy and international security (military and economic issues, cultural and civilization context)	9
Oleg P. Ivanov. Why does not the end of “the post-cold war era bring security”?	9
Tatiana A. Shakleina. Dilemma of the formation of contemporary world order	13
Veysel Batmaz. Ecumenical proposal for the world order	18
Rolf Clauberg. Economic crises in an unsecure globalized world	27
PART 2. Security challenges and conflicts in the modern world	38
Sergei Andreyev. The Taliban and Al-Qaeda: strange bedfellows	38
Marina A. Glaser. Tigray war as the sample of “new wars”	45
Galina M. Sidorova. Conflicts in Africa and international security	56
Daria G. Merkulova, Igor V. Ryzhov. The consequences of the Qatari diplomatic crisis for regional security in the Middle East	
Olga Yu. Potemkina. Ukrainian refugees in Europe: a new migration crisis?	62
Artem Yu. Rudnitsky. On “Ukrainian issue”: archive documents and historical parallels	71
	79
PART 3. New world order: geopolitical and geostrategic dimensions	96
Anton Friesen, Petr Bystrov. The changing face of the world. Multipolar perspectives from India, China and Russia	96
Mara Morini. A new era of geopolitics in Europe: economic and political challenges	109
Vladimir V. Shtol. A new system of international security is on the agenda	112
Pierre-Emmanuel Thomann. The new geopolitical configuration resulting from the conflict in Ukraine: diagnosis-perspectives and solutions	119
Olga O. Khoklysheva, Oleg A. Kolobov. The system of international security and its legal support	133
Boris P. Guseletov. Post-Soviet space from Europe to Asia. Problems and prospects. Humanitarian aspect	145
Paolo Pizzolo. The geopolitical role of the “Three seas” initiative	151
Pavel V. Shamarov. Actualization the concept of Russia's sovereign statehood in the conditions of a special military operation in Ukraine	156
Andrey Shlyakhtunov. Humanitarian security as a social orientation of the domestic and foreign policy of modern Russia	167
Marius Vacarelu. Economic security in the 21 ST century: who will survive first?	175
Dimitry V. Ofitserov-Belsky. “Soft power” in a turbulent world	180

PART 4. Peculiarities of present security insurance	186
Mikhail V. Alexandrov. The collapse of the international security system and a new role of nuclear weapons in multipolar world	186
Viacheslav N. Egorov. European security system. What next?	189
Natalia I. Maslakova-Clauberg. Anti-Russian sanctions in the discourse of world history and diplomacy	194
Fatima Roumate. Transformation of international security in the era of artificial intelligence	200
Eugene I. Gerasimov. Information and communication technologies in the system of ensuring global and regional security: new challenges	205
Sergey I. Mironov. Problematic aspects of the nuclear non-proliferation regime	212
Andrey Yu. Malov. Non-proliferation issues, arms limitation and disarmament perspectives (on the example of Europe)	225
Alexander L. Denshchikov. Anti-terrorist center of the Commonwealth of Independent States: 22 years on guard for security	237
Olga A. Timakova. NATO-EU relations: member states role	241
Lidiia N. Sidorova. NATO's northward enlargement: causes and consequences	247
Roman V. Okhotenko, Irakliy T. Arabidze. EMERCOM of Russia emergency humanitarian response in Africa: dynamics and perspectives	255

ПРЕДИСЛОВИЕ

Официальное открытие

Захарова М.В.,

Директор Департамента информации и печати МИД России,
заведующий кафедрой международной и национальной безопасности,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Maria V. Zakharova,

Director of the Information and Press Department of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation,

Head of the Department of International and National Security,

Diplomatic Academy of the MFA of Russia, Moscow.

E-mail: dip@mid.ru

Colleagues,

Thank you for inviting me to speak at your conference. Today we will talk about the main avenues of change in the world order in the 21st century, but it is impossible to do this without due regard for the past processes which have led to the current crisis.

There were destructive processes in the past as well. It is believed that the bifurcation point was Operation Allied Force, which included the bombing of civilian buildings and other peaceful facilities of Yugoslavia's administrative infrastructure, including with depleted uranium bombs. Many studies have proved that the target was civilian infrastructure, but I would like to remind you of the minutes of a 1999 briefing by NATO Press Secretary Jamie Shea, a part of which I published on my Telegram account. He said openly that the alliance bombed water and electricity facilities in Serbia to force the Serbian leader, Slobodan Milosevic, to accept NATO's conditions.

Looking back at those events, we can conclude that nothing at all has changed in the manner, intentions or even in the smallest detail of Western diplomatic practice. There is a legend that US President Franklin D. Roosevelt, referring to the Nicaraguan dictator Antonio Somoza, once said: "Somoza may be a son of a bitch,

but he's our son of a bitch". I would not be surprised today, more than 80 years later, if Joe Biden said something of the sort.

Surprisingly, many people in our country regard the 1990s as a period of peace in the context of Moscow's foreign policy moves. But it never was anything of the kind. Just think about the humiliating agreements Moscow honoured in order to get the extortionate loans from the International Bank for Reconstruction and Development and the IMF and ensure the physical survival of our people. This did not stop the collective West from carrying on their subversive activities in the country. What did USAID do in Russia between 1992 and 2012 apart from sponsor the agencies which are now working to undermine the state? The United States allocated billions of dollars of accountable budgetary funds for that organisation alone, and it is difficult to imagine how much more was secretly allocated in Washington, London and Brussels for their agents of influence. And all the while they kept lecturing and criticising us. Moreover, they supported separatist terrorists. Akhmed Zakayev, Zelimkhan Yandarbiyev and the Dzhokhar Dudayev clan – the West has given refuge to terrorists who killed Russian people. So, can we describe the 1990s as a period of peace and harmony? I don't think so.

As you can see, the current situation is no different when it comes to the collective West's impudent manners, which have become even more brazen, while the NATO capitals have become even more impatient, irresponsible and unwilling to make compromises. But there are many other differences. In this connection, I would like to speak about what I know best, which is the mass media.

They have changed. Back in the 1990s, the main information source for people in this country and the rest of the world was not television but radio. Its place has now been taken by the internet. Back in the 1990s, the efficiency of reporting was measured in days or hours – the latter in the case of global breaking news. Today, modern media provide not only coverage of news but also of events in real time. Our mobile phones have not only turned us into newspaper subscribers, but also into journalists and intelligence operatives rolled into one, which certainly leaves its mark on international relations and international security.

Take sanctions, for example. Obviously, I do not need to explain again to this audience that sanctions, as an instrument of international communication and pressure, can be justified only if they are internationally agreed restrictions approved by the UN Security Council. The way the West is now putting pressure on our country and on Iran, its protectionist and discriminatory policies directed against the Chinese economy – those aren't just tools used for trade and economic war or political pressure, but also a very significant image-building mechanism. It's Western capitals' way of saying: sanctions are imposed against “unjust” regimes, so if sanctions are imposed against a country, it means that country is doing wrong. Global brainwashing of the entire population of the world has been launched to promote the selfish opportunistic interests of policy makers in a few states in just one region. And we know that Western diplomats are working around the world to win over neutral or wavering nations. Well, I am glad that a sound and pragmatic approach prevails in most of those countries, and they perceive this information and psychological pressure as nothing more than America's hegemonic attempt to impose its approach as a universal one. We are also conducting respective explanatory work with our partners on a regular basis.

Now, the conflicts. The media coverage of conflicts has actually become the main external component of this sad side of international relations. You have probably heard about the collection of essays published by the French philosopher Jean Baudrillard in 1991, *The Gulf War Did Not Take Place* (fr. *La Guerre du Golfe n'a pas eu lieu*). In Baudrillard's view, the US intervention in Iraq and Kuwait, the Gulf War, was not really a war, but rather a Western atrocity that masqueraded as a war. With an incomparably superior air force, the US in most cases avoided direct engagement with the Iraqi army, in fact, there have been practically no reports about Iraqi deaths. So, from a Western perspective, there was no action. Moreover, anything the public did learn about that war was the product of Western propaganda. The detailed accounts of the war provided by various media made it impossible to figure out what had happened in reality, and what was edited and selectively

distorted with the help of simulacra (“the heroism of American soldiers,” “Saddam's war crimes”, etc.).

Baudrillard wanted to draw public attention to the modern media phenomenon, where accounts of events are provided in real time. In fact, the picture they create replaces reality, making the real event unimportant, at least not as significant as the story about it.

That war took place more than 30 years ago; today, what Jean Baudrillard described has reached a global scale. Caesar had legions, Napoleon had regiments, the depersonalized West now has media conglomerates. Following political orders, their propaganda influences international relations and the global public. Unfortunately, and this must be admitted, life in the post-truth era has its own characteristics. But we will continue to convey objective information to all interested recipients. We will not stop asking the West uncomfortable questions – about Syria, about Iraq, about Libya, about the Skripals and Navalny, about Bucha and Izyum, about Nord Stream, about the Malaysian Boeing and other issues. History teaches us that the truth will prevail sooner or later.

And when it does, an era of mutually beneficial cooperation will come. Actually, what we are witnessing now is a mix of a rather unsightly agony of the old and dying “rules-based international order” and one single party trying to claim hegemonism, and the birth of a new and truly balanced polycentric world order. Historical processes are unfolding objectively – any accompanying factors, such as the information and communication component, can only strengthen and accelerate them.

Colleagues,

Thank you for your attention.

РАЗДЕЛ 1. ДИХОТОМИЯ «ВОСТОК-ЗАПАД» И МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ (ВОЕННЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ, КУЛЬТУРНО-ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ КОНТЕКСТ)

PART 1. EAST-WEST DICHOTOMY AND INTERNATIONAL SECURITY (MILITARY AND ECONOMIC ISSUES, CULTURAL AND CIVILIZATION CONTEXT)

Иванов О.П.,

доктор политических наук, профессор,
заместитель заведующего кафедрой
международной и национальной безопасности,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Oleg P. Ivanov,

Deputy Chair, International and National Security Department,
Diplomatic Academy of Ministry of Foreign Affairs of Russian Federation,
Moscow.

E-mail: oleg.ivanov@dipacademy.ru

ПОЧЕМУ ОКОНЧАНИЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ НЕ СТАЛО НАЧАЛОМ «ЭРЫ БЕЗОПАСНОСТИ»?

WHY DOES NOT THE END OF “THE POST-COLD WAR ERA BRING SECURITY”?

In 1929 Italian philosopher and politician Antonio Gramsci stated that the old world was dying, and the new world struggled to be born: that was the time of monsters. Are these days coming back? Is it possible that we may face the time of monsters after the end of “the Post-Cold War Era”?

The current international situation can be described as not only on-going transformation towards multipolarity. According to some policy-makers and experts, the situation had changed its nature by 2014. The US Secretary of State Blinken held that the post-Cold War era had ended. It means that the epoch of the unipolar world went down into history. Today one of the major trends can be characterized as an unfolding rivalry and widening split among great powers and Western and non-Western entities with a huge amount of states in between.

In some assessments since 2021 this trend has been called a strategic competition. It means that the most powerful countries of the collective West are aimed at pursuing a long-term and large-scale strategy to preserve its dominance and at the same time they are making an attempt to prevent non-Western countries from becoming more influential in the world affairs.

Some Western assessments depict the rivalry and the split as the fight between democracy and autocracy. This kind of approach is too simplistic and does not reflect the complexity of the current situation. The truth of matter is that the world process is multi facet, multilayer and non-linear in its evolvement. Non-Western world is so complex and diverse that it cannot just fit into the “paradigm democracy vs autocracy”.

In the process of enforcing this concept into international relations small and medium sized- states find themselves in a vulnerable situation when they are pulled by the West into confrontation with its opponents. In 2022 the permanent state secretary of the MFA of Cambodia Uch Borit held, “Geopolitical fault lines appear and small states have to take sides against their interests. We enter a new, full of uncertainty phase of multipolar divided world. The major state rivalry makes this trend worse” [2]. This trend is exacerbated by the block approach promoted by the US and its allies. AUKUS activity as well as NATO’s extension of its zone of responsibility to the Indo-Pacific raise tension and give a push to further split among states.

Next point has to do with diplomacy. Traditionally, diplomacy played a crucial role in resolving international problems. Today it is not the case anymore. How can diplomacy work if all Russian delegation including Foreign Minister Lavrov had trouble to receive the US entry visa to participate in the UN General assembly session in 2022? European security system is destroyed and diplomacy cannot work effectively as after mass expulsion of diplomats embassies cannot function properly. If diplomats cannot communicate with each other military will join the scene. It would be the worst case scenario.

Unfortunately, today diplomacy is replaced by sanctions. What we see now is a weaponization of economy and finance. Anti Russian sanctions backfired and hit the living standard of Europeans and Americans. Moreover, they affected non-Western

world. As a result, Western sanctions pushed non-Western countries far from the West. Some of them prefer to use their own currency in international trade rather than euro or dollar. Obviously, economic interdependence as a tool to coerce to cooperation does not work. Economic dependence on somebody began to be regarded as a vulnerability and to be exploited.

The rule of law is replaced by the world order based on the rules that were not agreed with non-Western countries and they feel discontent by being ignored. Another thing has to do with legitimacy. Today the property, finances of legal entities and physical persons have been confiscated by applying illegal means. Private property is not sacred anymore. Such policy sets a negative example to non-Western countries that illegal decisions can be made for political purposefulness.

This kind of Western policy widens the split between nations. Obviously, at the global level the strategic competition and the emerging split put an end to classical globalization. As a result, globalization is being transformed into the defragmentation that will affect international economy, international security and humanitarian sphere. The common challenge is how to accommodate the process to make the defragmentation less rough and confrontational to avoid a World War III between leading Western and non-Western states and entities. It is getting urgent as the potential for devastating conflict is increasing. Undoubtedly, an “Iron Curtain-2” that West is trying to build around Russia is not the proper tool to resolve problems that we face today. Another challenge is how to get going defragmented Western and non-Western entities avoiding clashes between them at present and in the future. Western dominance slowly gives way to non-Western world and this process should be free from violence.

What should be done under such circumstances in order to prevent unfolding strategic competition from turning into World War III that would be a disaster for the world community? First of all, diplomacy should have normal conditions for its work and play a crucial role in international relations rather than sanctions and other instruments of hard power. Second, as Russian Foreign Minister Lavrov held, “In the Indo-Pacific region as Westerners call it the course is taken to set up the block architecture against Russia and China. For this purpose mechanisms and formats of

cooperation on the principles of equality, search of consensus and balance of interests that had been created around ASEAN for decades have been consistently destroyed though it is not made public” [1]. The block approach as a long-term strategy leads us away from peace so it is vital to go back to the international law and to the UN as a principle forum to resolve international problems. The Western strive to ensure full security at the expense of the rest will end up by non Western states feeling insecure and relevant reciprocal measures.

It is indispensable to hold a dialogue between most powerful and influential countries to avoid misunderstanding and miscalculation. So far the most appropriate forum remains G-20. Strategic stability and arms control are important areas for interaction. It is necessary to maintain various channels of communication including public diplomacy. It is useful to focus more on areas where we can cooperate. Cooperation in humanitarian sphere including science, education, culture, health care can still work as the common ground to evade further confrontation. Person-to person contacts, tourism are also important factors to ease tension and distrust.

Today when the role of military power is increasing, it is advisable to remember the rule of instrument saying, if the only instrument that we have is a hammer all problems start looking like nails.

References

1. Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе пресс-конференции по итогам деятельности российской дипломатии в 2022 году, Москва, 18 января 2023 года. – URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1848395/ (accessed: 20.01.2023).
2. Саммит СВМДА в Астане под председательством Токаева // Informburo. – URL: <https://informburo.kz/novosti/sammit-svmda-v-astane-pod-predsedatelstvom-tokaeva-vse-vystupleniya-s-udobnym-soderzanie> (accessed: 15.11.2022).

Шаклеина Т.А.,

доктор политических наук,
заслуженный деятель науки РФ,
профессор,
МГИМО (У) МИД России, Москва.

Tatiana A. Shakleina,

Professor of Political Science,
Distinguished Scholar of the Russian Federation,
Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University),
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow.
E-mail: shakleina.t.a@inno.mgimo.ru.

ДИЛЕММА ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО МИРОПОРЯДКА

DILEMMA OF THE FORMATION OF CONTEMPORARY WORLD ORDER

Polycentric character of contemporary international system cannot be denied or neglected, however the United States continues to adhere to unipolar model of world order. Even if one accepts that periods of unipolarity did exist, we should acknowledge that they were very short. After the end of the Cold war followed by the dissolution of the Soviet Union, for some 5–6 years one could speak about unipolarity. But already in 1996 Russia declared that it will not stand American hegemony (any hegemony). By the end of 1990s Russia was demonstrating resolution to contradict American policy, and complete “return of Russia” as a decisive player was confirmed in the Foreign policy conception of 2000. The United States did not accept that, and continues to deter growth of influence of China and Russia, to make conditions for their development unfavorable, to deprive them of further progress, to prevent them from exerting visible influence on world and regional development [7, p. 61–76].

The mainstream approach to foreign policy in Russia is based on the neorealist tradition. American foreign policy is also de facto rather realist with neoliberal umbrella. Then what is the point of constant disagreement and mutual criticism between Russia and the US? American power projection is of “territorial” nature. American military bases are spreading all over the world; American soldiers are

fighting in many countries and regions; American companies also expand their presence and influence in various territories; American mass media conduct worldwide informational campaigns. American policy is of global character [1, p. 19–49; 109–145].

If we analyze official American rhetoric proclaiming “liberal order”, “American global leadership”, “America’s superiority, generosity and indispensability”, and then consider US actions to implement the declared global mission, the result is rather confusing. The way to the “American democratic paradise” is paved with conflicts, wars and disasters for many peoples, but not for Americans who live far from the lands where they experiment with regime changes and all kinds of revolutions and covert operations. Rather often American policy facilitates domestic instability and separatist movements, in some situations direct interference leads to collapse of nation states. The examples of “America hand” are – former Yugoslavia, Iraq, Libya, Egypt, Syria, Brazil, Ukraine, Venezuela, Kyrgyzstan, Georgia, Belarus, Armenia, etc. The United States changes the map of the world, tries to control or deter the rise of other countries, especially big powers.

However structural changes are not only the result of the American policy, it is a general trend in the 21st century – reconfiguration trend. The problem is how to make this trend more or less controlled and peaceful, without dramatic consequences for certain countries (civil war, growth of terrorism and instability), without destabilization of the regions and of the world in general [6, p. 21–40; 327–350].

It was rather easy to destroy or destabilize political and economic systems of small countries, but Russia is a different case. It is big, powerful, has a strong historic great power tradition and culture, and many times has defended its historic role and independence. The task to bring changes in and around Russia is clearly stated in American official documents and very well tracked in the US and its allies’ policy toward Russia. The impression is that the United States aims to weaken Russia, its economy, and great power role in world politics [4]. Whatever is being said in the

United States about Russia, is presented without any correct and objective analysis, with many omissions and a lot of lying and distortions of factual material.

The United States is not ready (and willing) to accommodate with great powers, wants to use its superpower status to obtain the best possible preferential terms for itself. Russia debated and put into question this special right for the superpower and its allies and client countries to interfere everywhere they want and to determine the present and future of peoples. In a globalized and interconnected world, such behavior cannot be accepted by members of international community, especially by great powers like Russia and China. Each one of them has the right to conduct an independent policy. It does not mean that they can do absolutely anything without restrictions and respect for international norms, but the arbiter should not be the US and NATO countries who violate existing norms of behavior in many cases. The United States uses norms selectively considering it has an exclusive right to do so.

A question emerges: are we working our way to a dictatorial international order with US or “US+” governance based on force and the complete subordination of all members of world community? This is the crucial question for those countries who understand the new international order as order based on the consensus between at least leading world powers, and not based on one ideology – the ideology of global American mission.

In 2004 S. Huntington wrote that Americans ask other peoples to change or give up their traditions, culture, values, we can add – independence, but do not view themselves critically, do not want to change. He foresaw contradictions between Americans and other peoples [5]. He was right. When the nation does not change, is obsessed with its superiority, ignores or defies other cultures, it becomes the obstacle to other countries and progressive world development. Power temptation and arrogance of power are dangerous for America itself, and the stubbornness of the mightiest country in the world prevents us from establishing a stable world order.

A famous Russian scholar Ed. Batalov wrote at the beginning of 21st century: “Liberal ideas and models on the basis of which British and American societies have been developing rather successfully for two centuries, have exhausted and cannot be

promoted as an example for other countries in absolutely new world situation” [2]. Criticizing American stubborn declaration about universal character of their liberal model Ed. Batalov wrote: “New world order can be established only as a result of collective efforts, and the United States, remaining one of the mightiest centers of power and influence, will not be the only one determining basics of new world order, but only part of the group of leading world powers who will establish new rules of the game” [3, p. 182–184].

Old institutions cannot continue playing the role of rule or agenda setters and observers. They should be substituted by new ones where new members will be not obsessed with liberal American rule, and will open a new stage in the formation of new polycentric world order. China, Russia, India and maybe some other countries should start thinking and acting to form a new global center of governance alternative to the West/America based one. It does not mean that they will try to destroy the United States. It means that the US and NATO countries will not be able to control all the processes in the world, will not be able to dictate and punish whoever they want. Western sanctions that bring civil wars, terrorism, economic degradation and sufferings of ordinary people should be repealed.

The glimpse of the future Eurasian center of power is already seen. Only collective non-Western center will balance ambitions of the United States and its European allies, bringing stability and justice to the world.

The so-called “Russian threat” is a myth which was invented as part of the general Western strategy against Russia. There is no Russian threat, there is the threat of the irresponsibility of some countries, which make international security hostage to egoistic interests and the desire to take revenge for historic events.

References

1. *Bacevich A.J.* Twilight of the American Century. – Notre Dame (Ind.): University of Notre Dame Press, 2018. – 492 p.
2. *Batalov Ed.* “Noviy mirovoy poriadok”: k metodologii analiza // Polis. – 2003. – No. 5. – Pp. 25–37.

3. *Batalov Ed.* Chelovek, mir, politika. – 2008. – M.: Nauchno-obrazovatelnyy forum. – 330 p.
4. *Cordesman A.H., Grace Hwang.* The Biden Transition and U.S. Competition with China and Russia: The Crisis-Driven Need to Change U.S. Strategy; *Cancian M.F.* Inflicting Surprise Gaining Competitive Advantage in Great Power Conflicts. January 2021 // CSIS. – URL: www.csis.org (accessed: 12.12.2022).
5. *Huntington S.* Dead Souls. The Denationalization of the American Elite // The National Interest. – 2004. – No. 75. – Pp. 5–18.
6. *Shakleina T., Baykov A.* (eds.) Megatrendi. Osnovniye traektorii evolutsii mirovogo poriadka v XXI veke [Megatrends. World Order Evolution in the 21st Century]. – 3d edition. – M.: Aspekt Press, 2022. – 536 p.
7. *Shakleina T.* Rossia i SSHA v Sovremennikh Mezhdunarodnikh Otnosheniakh. – M.: Aspekt Press, 2022. – 448 p.

Вейсел Батмаз,

доктор наук (политические исследования и коммуникации), профессор,
Университет Бейкент, Стамбул.

Veysel Batmaz,

SFHEA, Ph.D. (Political Science and Communication),
Beykent University, Istanbul.

E-mail: veyselbatmaz@beykent.edu.tr

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОРЯДОК: ЭКУМЕНИЧЕСКИЙ СЦЕНАРИЙ

ECUMENICAL PROPOSAL FOR THE WORLD ORDER

While the claim that the world is on the perpetual economic upheaval and experiencing a constant sharp turns in political level prevail within the political and academic spheres, did the “World Order” change in the last 400 years? My answer to this question is “No”.

Analyzing the political superstructure of the capitalist formation based on the conflicts among the nation-states is the founding ground of the impression of the ever changing world. This world evolves from confrontation or crisis to a balance or deterrence state and then comes back where it started, closing an historical cycle.

The names of countries are changing. The generations living in these political structures are changing. The political systems in those structures are named differently at every power change within the state. Technological infrastructures in those political systems are changing. The economical levels in each technological infrastructure are changing. Socialization and educational needs in these economies are changing. The positions of social class and social strata in each country have been changing. Ironically it seems everything is changing but my answer to the question is still “No”.

Starting from the end of the “30 year war” in Europe, the world order of the last 400 years has been the same. With the Westphalia Treaty among the European nations, the political formations all around Europe took a sharp turn which headed towards a new world which ended feudalist empires. Since then all levels of the

political and economic venues concentrated around capitalism and the international relations are mere conflictual encounters to pack up markets and raw materials including energy resources. This evolution is first called colonialism as if it has a similarity to Roman Empire and then imperialism and now globalism. Eurocentric and western-centric analyses call the changes cited above paragraph, as the “new world order” every time something happens in the realm of international crisis which in fact is a natural confrontation of the capitalist formation.

Technology and World Order

Although there has not been a “world order” change, when it is examined closely what had happened to make the world order as it is today, a very peculiar trend re-formed every 100 years with a very radical shift in the political realm that cumulatively a consequence of a technological invention which had changed the way social structures formed [3; 5].

Table 1

Technology	Event-World Order	Effect Pace
Printing Press 1450	Westphalian Sovereignty 1648	200 yrs
Steam Turbine 1550	Aachen Interstate Alliances 1748	200 yrs
Electric Bulb 1750	European Revolution-Nation States 1848	100 yrs
Automobile 1890	Interstate Military Alliance-NATO 1948	50 yrs
Turing Machine (IT) 1945-2000	Ecumenical Digital Society (DHGS) 2048	50 yrs

In Germany, around 1440, Johannes Gutenberg invented the movable-type printing press, which started the Printing Revolution.

In 1648 “Westphalian sovereignty” had started the “state/king’s rights” on the lands which later called countries. Before, the right of all-encompassing sovereignty belonged to God or the Pope.

A rudimentary steam turbine device was described by Taqi al-Din in Ottoman Egypt in 1551 and by Giovanni Branca in Italy in 1629.

In 1748 Aachen multilateral treaty provided grounds for long term “interstate alliances”. Before, it was bilateral peace treaties and alliances, sometimes emerging as multi-kingdom or multi-tribal agreements.

In 1761, Ebenezer Kinnersley demonstrated heating a wire to incandescence which evolved into electric bulb.

In 1848 the European Revolution, widely pronounce the assertion of “national self-determination” started and depicted the states as people’s organization, not the God’s or the Kings’. Before, the establishing political nature of the state was determined by the holy monarch’s deeds.

Automobiles were invented in 1886, when German inventor Carl Benz patented his Benz Patent-Motorwagen.

In 1948 “intergovernmental military alliance” as NATO (established early in 1949) divided the world into two poles of ideological frameworks. Before, there have been polarities depending upon geography and religion affiliation.

These are the four pillars of “modern world order” subsequent to four major inventions which shaped the social structures and the way of thought in terms of dependency and freedom. In the meanwhile many would be proposing «new world orders» but when observed closely the new is not new, only shifting priorities among the four pillars of established 400 year old world order.

According the 400 cycle, another world order can only surge in 2048 which will follow the digital revolution seeded by Alan Turing around 1945 [4].

Table 2

1945-2000	2048
Turing Machine-Digital Revolution (IT)	Ecumenical Digital Political Structures-Digital Hunter and Gatherer Society

The “World Order” seems still intact and will continue to be intact in coming years. My second question is when will it end? Because 2048 is about 25 years ahead, will 100 year cycle create its miracle closing the 100 year interval? Or a real change will end the 400 year old “world order” into its oblivion. What will it replaced with?

Jean-David Levitte, former Brookings Institute expert, nearsightedly asked this assertive question¹: “With the end of four centuries of Western dominance, what will the world order be in the 21st century?” He strengthens his position by asking three more inevitable questions: “Where do we come from?”, “Where are we going?” and finally, “What should we do?”

Although he did not dwell on the technological changes, Levitte’s questions are worth examining in the light of digital revolution. Most political scientists blinded by the current perceptions of “nation-state” and industrial “mode of production” are preoccupied with in the narrow framework of polarization as East-West or South-North but the main cause of change in the order of the world, 400 hundred years of capitalism (so called the “world order”) will come from the new “mode of consumption” (digital way of interaction socially and physically-which I label as Digital Hunter and Gatherer Social and Political Structures (DHGS)) which will erode old way of political and economic structures by the digital means of technology and communication.

Here, the technical and empirical side of technological determination of the international relations and mode of production are not discussed and accepted as in the framework of Innis and McLuhan.

The digitalized world within the current “world order” as it is seen as another episode of the extension of the nation-state/capitalism is treating the subject matter shallowly as the suggested technology-society interconnection above.

Ecumenical World order

It seems that in the global modernity where dimensions of the digitalized infrastructure in terms of connectedness will establish the grounds of ecumenical order [1; 8]. Thus Arif Dirlik’s proposal of “Ecumenical World Order” which is a very efficient political structure of ongoing realization of digital connectedness and communication is now becoming the reality in the future.

1... in 2019 in his speech given before the Academy of Moral and Political Sciences in France.

Arif Dirlik¹ states that the most obvious result of the global modernity we live in is that the mapping constructed by modernity can no longer be explained by the “nation-state” mechanism and the idea of “civilization” created or conceptualized by modernity itself. Concepts that conflict with terminological structures such as “culture”, “locality” and “tradition” theorized under modernity are no longer preparing the mental ground for the continuation of capital colonialism by rapidly “introducing” or spontaneously entering into nation state.

Post-modernism and post-structuralism have emerged as these ground-breaking intellectual bulldozers of modern structures. Liberal Left and culturalism by identities, which are used abundantly in world-wide political arena, were the tools of these false activisms against modernity and nation-state. According to Dirlik nation-state is not a rival but might be the accelerator of the Ecumenical World Order.

In global modernity, as in the modernist period, if a world in which all these upper and lower concepts/structures can coexist, at least the idea of the “nation-state” seems to have suffered a retreat, and since it is the most privileged structure of modernity, the defeat of it might end the modernity.

Arif Dirlik's proposal theorizes within the framework of the idea that we can unite and comprehend the world as much as we use (occupy, inhibit) the world with an ecumenical understanding, through the lens of political economy, by looking at this fragmentation of the current phase.

From this suggestion, our understanding of the world can only begin with dwelling, a place or an inhabitation. So that political and economic supra-structures are absolute. In fact most of the time, in today's “new world order” many nation-states go beyond the borders of other states making the supra-structure of that nation

¹About 15 years ago, Arif Dirlik's five-day series of articles translated by me, appeared in the leftist daily *Birgün* (18-22 July 2009) in Istanbul, with a very salient and important “ecumenical world perception” proposal which is highly relevant to understand the security threats and challenges in the modern world order and would be used in order to tease the tensions between states and application of digital way of social and political gatherings.

absolute. Most of them are hostile confrontations that are beyond the perceptual solution of collaborative experiences and encounters with the «other». Sanctions, invasions, border crossings to defend the life areas are all diminishing if not finishing the nation-state's power on a territory.

The core of the idea that when and where the extending of the settlers to other places beyond their own residences can only occur perceptual and cooperative, and that only a loose sympathy, that is, an “ecumenical” structure, should be established there.

The idea of being an “*ecumene*” is not just an idea, but a concrete fusion created by political economy and digital communication. Nation-state notion of world order destroys class relations in the whirlpool of post-modern discourse ecumenism is a meta-perceptual approach for those who have remained disjointed in the mappings of modernity, without extending to other geographies as colonial or imperial.

It is possible to go into a very detailed explanation of why such a perceptual solution is needed, but in short, it is not that national-states will disappear as easily as it is expressed in post-modern discourse. Rather than fighting against the nation-state is not a functional action and loosens physical boundaries which are easier to change in perception. This change is happening with the digital communication in all sorts of life experiences.

Within this framework, the proposal of “ecumenical understanding of the earth” has an empirical suggestion that the most efficient way to get rid of capital colonialism or militarily invasions by another state, especially in the Middle East, is through the virtual demarcation of regional unity and borders. Most importantly the “*ecumene*” has a meaning beyond regional unity or «limitlessness».

“*Ecumene*” (*æcumene, oikoumene, οικουμένη- oikéō*) means «inhabited place, the whole inhabited world». *Ecumene* is a term that shares a root (etymology) with economics (*oikonomia* = household-management). The Greeks and their neighbors considered as developed human society (as opposed to barbarian lands) as “the

Roman world". In contemporary usage, it is used to describe either the united Christian Church or "world civilization".

However, here in this article, it includes the suggestion that perhaps the idea of the understanding and acceptance of a crumbling national-unity/state structure can be destroyed by a paradigm shift of civilization, culture, tradition and the future.

This is not suggesting that national states will disappear easily. The national (originally tribal and racial-kinship) states are the product of modernity (and the "West") in themselves, without denying that they are institutionalized and consolidated in modernity. Dirlik's idea of "ecumenism" lays the paradigmatic basis for perceptually transforming the national state not abandoning it.

"Ecumenism" has found theoretical support with digital communication, the world that McLuhan described as a "global village" much earlier, at the end of 1960s. The world then had been turned into a "federation of virtual ecumenisms" by the technological tools of electronic communication such as television broadcasting.

Examples of Ecumens

Turkey's domestic example of ecumenism (and inter-ecumene warfare): the idea of reopening Heybeliada Seminary and the convergence of the Greek Orthodox Patriarchate with the Moscow Orthodoxy within the framework of "church-religious ecumenism".

In accordance with the Ancient Greek meaning of the word, in order to arrive at the idea of a new secular "ecumene earth", there are at least some prototypes of religious ecumenisms that can be copied.

Also as Dirlik points out that, in terms of production, China can be the starting point where this secular (social, economic, political) "ecumene globe" paradigm. As the "global factory of the world", China has created such a climate, both with its complex ethnic working class and its production potential that swept the globe. To be an *ecumene* requires complexity, as well as spreading mental and material production everywhere.

Perhaps the starting point of the new secular ecumenism is the Middle East, where (as far as we know archaeologically and topologically) Eurocentric textual-scriptural history had begun.

At this point, digitalization of the world can start a discussion to intricate alternatives that form the basis of the actual realization of the “ecumene earth-sphere” perception.

Already, in Porte-Alegre's social forum the global fight against the G-8; the ecumene world, that is, “we realize, claim and govern that we inhabit; we do not interfere with others; emerge as the current global empirical results of the idea of 'we don't let anyone else mix it'” [7].

All kinds of religions, from Buddhism to Christianity, Judaism and Muslim, etc. paradoxically are as a project of “counter-capitalist globalism” although are very useful tools of hegemony. They all share the concept of ecumenism that the idea of demolishing the racist and ethnic structures that formed the historical basis of capitalism, namely the nation-state.

A very similar type of ecumenism was once practiced by nation-statist (Soviet) socialism with place (settlement) national units, again within the nation-state but by destroying its determinism. This determinism is highly related to the 400 year old world order with the pillars of “Westphalian sovereignty”; “interstate alliances”; “national self-determination”; and “intergovernmental military alliance”. All of these principals belong to the old order and their corresponding technological levels.

Hypothesis: digital technology will bring about the ecumenic digital world order (the digital hunter and gathering society)¹.

Now with the digital communicative tools and infrastructure, the viability of all sorts of utopic revelations of ecumenism (even the Owen's “Lanark” or Fourier's

¹As McLuhan asserted in 1960s that the electronic technology turned us into a global village and a return to the middle Ages, I am just extending his views that digital technology will send us into the caves of Hunter and Gatherer Society.

production places: *Le Phalanstère*)¹ can be applicable instead of the four pillars of the past. Nevertheless, the application in this sense is not man made beforehand but culmination of all kinds of technological opportunities that digital world provides. Whether it is a new cycle of the Westphalian World or a development which will end the capitalist global modernity will be determined by the chaotic nature of digitalized social life and applications and shortcomings of the “new” old world.

References

1. *Bentley J.H.* Myths, Wagers, and Some Moral Implications of World History // *Journal of World History*. Published by: University of Hawai'i Press on behalf of World History Association. – Vol. 16. – No. 1 (Mar., 2005). – Pp. 51–82. – URL: <https://www.jstor.org/stable/20079304>.
2. *Costello T.* Robert Owen and Utopian Socialism // *Socialistalternative*. – <https://www.socialistalternative.org/2021/06/22/robert-owen-and-utopian-socialism/>
3. *Innis H.* *Empire and Communications*. – Oxford: Clarendon Press, 1950.
4. *Hodges A.* *Alan Turing: The Enigma*. – Princeton University Press, 1983.
5. *McLuhan M.* *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*, Routledge and Kegan Paul, 1967.
6. Phalanstère // Wikipedia. – URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Phalanst%C3%A8re>
7. Portoalegre2022. – URL: <http://www.portoalegre2002.org/homepage.html>
8. *Sachsenmaier D.* World History as Ecumenical History? // *Journal of World History*. Published by: University of Hawai'i Press on behalf of World History Association. – Vol. 18. – No. 4 (Dec., 2007). – Pp. 465–489. – URL: <https://www.jstor.org/stable/20079449>

¹This is of course another point of discussion which is only pointed out here in passing. But digitization opens wide opportunities for Lanark and/or *Le Phalanstère*. As the Utopian Socialism is becoming viable by digitalization and Scientific Socialism is very far from reality as its had been applied under the four pillars of Western World Order [6; 2].

Рольф Клауберг,

доктор естественных наук,

вице-президент Международной ассоциации межкультурного диалога и геостратегических исследований экономического кризиса и проблем безопасности в условиях мировой глобализации, Швейцария.

Rolf Clauberg,

Doctor in Natural Sciences (Dr. rer. nat.),

International Association of Intercultural Dialog and Geostrategic Studies,
Switzerland.

E-mail: rc@interculturalstudies.ch

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ КРИЗИСЫ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ И ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

ECONOMIC CRISES IN AN UNSECURE GLOBALISED WORLD

This article will first consider the evolution of international relations from the end of World War II up to today to understand the present global situation. Then it will look into the use of trade sanctions in so-called hybrid or total wars within an economically integrated global world.

After the second World War, the USA was the clear global economic power. This became visible in the founding of the World Bank Group [26] and the International Monetary Fund (IMF) [11] in July 1944 at the meeting in Bretton Woods, NH/USA. The headquarters of both international institutions were chosen in the capitol of the USA – Washington/DC. Also, based on an agreement, all presidents of the World Bank up to now have been from the USA and all managing directors of the IMF from Europe. In addition, at this Bretton Woods meeting, participant countries fixed their currencies to the US Dollar (with some room for adjustment) and the US Dollar was pegged to gold. This made the US Dollar practically to the reserve currency of the world. This agreement broke down in 1971 when the US government was no longer able to exchange all printed dollars against gold and US President Nixon abended the agreement. After the breakdown of the Soviet Union in December 1991 the USA also was the most influential political and military power globally. In 1997 Zbigniew Kazimierz Brzezinski (1966–1968

Counselor to US President Lyndon B. Johnson, and 1977–1981 Security advisor to US President Jimmy Carter) published his book “The Grand Chessboard – American Primacy and Its Geostrategic Imperatives” [1]. A book which describes a worldwide expansion strategy for American dominance, especially towards the Eurasian continent. Helmut Schmidt, chancellor of the Federal Republic of Germany from 1974 to 1982, published in 1998 a review of Brzezinski’s book which strongly criticized the authors conviction that what is good for the USA is good for the world [20], and that he refers to countries of Europe as if they were clients and dependents of the USA. According to Brzezinski, Europe is the United States' most reliable bridgehead in Eurasia. Schmidt especially cites Brzezinski’s statement “The principal geopolitical manifestation of US hegemony is Amerika’s unprecedented role on the Eurasian landmass”. Schmidt also warns that religious-cultural conflicts could turn violent unless the West avoids the impression of seeking hegemony over a billion Muslims, more than a billion Confucians, and several hundred million Hindus, and criticizes that Brzezinski significantly underestimates China’s future in world politics.

Let us now look into the evolution of China’s influence in the world. Changes in global trading patterns and economic relations in the last 20 years reveal a strong growth in the economic market power and global trading relations of China [28; 29]. The chart from the World Bank comparing the Gross Domestic Products (GDPs) of the USA, China, India and some other countries [29] shows a sharp increase in the value for China starting at about the year 2005 which substantially decreased the gap to the USA. But all the other countries in the chart – all with large populations – stay far below the values for the USA and China and also miss China’s sharp increase in GDP. China reached 77% of the GDP from the USA in 2021. Looking at the complete list of GDP data for all reported countries of the World Bank in 2021 [30], the third country in the list is Japan with just 21.5% of the value for the USA. So, with respect to GDP the USA and China are in a class of their own. If we look at the trade data (exports and imports) in [28] we see that China is the largest exporter and the USA the second largest, while it is exactly the other way around for import. In

total trade (export plus import) China is the largest trader in the world. Considering the importance as trading partner for other countries, the downloadable WITS data spreadsheets from the World Bank [28] for China and the USA show that e.g. for 1999 there were 191 countries listed with the USA as the more important trading partner and only 20 with China as more important partner. In 2018 we had a strongly reversed situation with 140 countries showing China as more important partner and only 85 showing the USA. There is a simulation available in the internet [9] which shows the evolution of trading partners over the time from 1980 to 2018. The simulation shows that in 2018 China is the more important trading partner for all of Asia and Australia, the largest part of South-Amerika and Africa while Europe is split between China and USA. Another source which reveals the important evolution of the international role of China is its role in the global supply or value chains. Fig. 1.15 in the “The Global Value Chain Development Report 2019” [27] by the World Bank and the World Trade Organization shows that between 2000 and 2017 China replaced Japan as the global supply hub for all of Asia in direct trade as well as in complex value chains.

Besides the direct economic evolution there are some other evolutions in China which were necessary to achieve the economic changes. This mainly is the evolution in science and technology, as well as the evolution of the education system which enabled the scientific and technological progress. One evidence for this is visible in China’s computer systems. In 2013 China’s Tianhe-2 computer was declared the fastest computer in the world [23]. This computer used a Chinese system to connect 260’000 Intel processors into a single entity. As a reaction to this announcement US President Obama banned the sale of these processors to China [15]. In 2016 the Chinese computer Sunway TaihuLight was declared the fastest computer in the world [24]. The new computer was built with Chinese processors in a completely Chinese system. Another point illustrating the evolution of Chinese technology is the operation of a Chinese spacecraft on the far side of the moon for more than 1000 days [14]. Taken all these points about the evolution in China together, we see clear and very significant improvements in GDP, the role in world trade, as well as science

and technology. China challenges the leadership role of the USA in all three areas. Clearly explaining the trade war, the USA has started against China.

Now we need to look at the relations of China and the USA to Russia, to understand the global game which we presently observe. Economically, Russia is no threat to the USA. In 2021 it only was ranked 11 in the GDP list, just after South-Korea. But Russia is extensively modernizing its military systems, especially its nuclear triad of sea- land- and air-based missiles. One goal of the military development of Russia is to guaranty that the Russian system still can completely destroy any attacking enemy, even if a large part of its military systems would be eliminated in a surprise attack. To achieve this its triad of sea-, land-, and air-based missiles is heavily automatized. The non-nuclear parts of Russia's modernized military were already used successfully to prohibit success of the USA's military plans in the middle east [2] and disturb the global expansion and dominance plans of the USA for Eurasia developed by Brzezinski [1]. Here, we also must consider the start of the Ukrainian crisis in 2014, which led to the Crimea joining Russia by a referendum which was recognized neither by the western countries nor the United Nations. In contrast to many other Western commentators professor of political science John J. Mearsheimer from the University of Chicago, a proponent of offensive neo-realism, assigned the responsibility of this start of the Ukrainian crises clearly to the West, since the expansion of the European Union and NATO to Ukraine would severely impact Russia's national security [17]. If we consider Mearsheimer's statement "For Putin, the illegal overthrow of Ukraine's democratically elected and pro-Russian president -- which he rightly labeled a 'coup' -- was the final straw", together with his complete analysis, then the reactions of Russia become fully understandable. And of course, it should be clear that China sees all these activities from a similar point of view. The policy of world expansion and dominance of the USA seen in the light of the events in 2014 makes it clear that China will be the next target of the USA after Russia. Accordingly, joint military maneuvers of Russia and China have already been reported in 2019 [13].

Already in 2014, the West reacted with sanctions against Russia, especially trade sanctions, in the hope to create an uproar against President Putin within Russia. After the start of Russian military actions in Ukraine in February 2022, a huge amount of new sanctions were added with the goal to destroy the Russian economy [5] and thereby force a surrender by Russia. It seems that this is not working. Let us consider first the basics of hybrid or total wars in which one side tries to destroy an enemy's economy and then look into the specific situation of Russia against the West. To be successful with trade sanctions, two aspects are relevant – firstly, the opponent must depend on trade, secondly, the trade sanctions must be enforceable. But even if both facts are given, the result may be even more damaging for the side which introduces the sanctions than for the opponent. An historic example for this is the so-called port blockade against Great Britain, introduced by Napoleon in 1806 and ended in 1814 [4; 7; 10]. This order prohibited all countries under Napoleon's control to trade with Great Britain. The action reduced trade between the European continent and Britain by about 25 to 50% and caused economic problems for Britain, but at the end Britain was stronger than before due to redirecting its trade with the European continent to overseas, while the continent was damaged by the missing trade with Britain. Britain's control of the open sea made the sanctions counterproductive. France and its partners were hit by the drop of trade with Britain, while Britain in the end had even increased its own trade by shifting trade to non-European countries. For Russia and the USA with its western-European allies, the situation looks similar to those of the Napoleonic war. On Russia's western side, the European countries can block trade with Russia, but on the eastern side the countries of Asia are not participating in the sanctions. 193 countries are members of the United Nations Organization, but only about one third of them supported the sanctions against Russia. The European Union alone presents already 27 of these countries, while the countries with the largest populations – China and India – are on the other side. The British journal "The Economist" on September 24th published an article [22] which contains in the section named "The pivot to Asia" a figure which shows the redirection of Russian seaborne crude-oil exports from Europe to

Asia around the date of the start of Russian military activities in Ukraine. Especially the exports to India soared extremely, but in total barrels per day China, starting from a much higher value, received even more crude-oil. In another edition The Economist publishes an article “In 2022 Russia kept the economic show on the road” [21] with the sub-heading “The world’s ninth-largest economy did a lot better than expected”. There are already two important points in the sub-heading. The first, it lists Russia as the ninth-largest economy, while the GDP data from 2021 [30] list Russia on rank 11, the second, it states that Russia’s economy did a lot better than expected. Does this mean that after starting the military activities in Ukraine Russia improved its position from the eleventh-largest economy to the ninth-largest? In the text, the first data-figure, shows that the exchange rate for Russian Rubles per US Dollars first rose strongly at the date of the start of Russian military activities in Ukraine, but immediately returned to somewhat lower than the starting value. The last figure in the article compares a current-activity indicator for Russia and the Euro area. The statement is that Russia’s economy is again in better shape than expected (the indicator has already recovered from negative values, i.e., recession) while Europe, weighed down by sky-high energy costs, is now falling into recession. So, this looks very much as if the sanctions against Russia damaged mainly Europe instead of Russia. The important question is why only the western countries support the sanctions against Russia. Here, we must read the report from the Bennett Institute for Public Policy of the University of Cambridge in the UK [8]. This report analysis changes in world attitudes towards China, Russia, and the USA based on 30 global survey projects that collectively span 137 countries representing 97% of the world population. It shows a division in the world between countries positive to the USA and those positive to Russia and China that has clearly deepened since the Ukrainian war. The report states that with respect to positive support China and Russia are ahead in the developing countries and that this support has grown over the last decade. Another report from the University of Cambridge [16] clearly identifies the group with strong inclinations towards the USA as those of the so-called developed nations (1.2 billion people or 16% of the world population) and the other group as

the so-called developing nations (6.3 billion people or 84% of the world population). The first group contains the 7 nations of the G7 group – USA, Japan, Germany, UK, France, Italy, and Canada – about 10% of world population and all countries of the West with Japan the only exception. Also, these are 7 of the 9 countries with the largest GDP [30]. Interestingly, China with the second-largest GDP and India with the sixth-largest have not been elected to the G7. Japan is the only Asian country of the G7 and there are no African or Latin-American countries in the G7. Considering the influence of the G7 group in world-politics and world-economics this is a blatant neglect of the countries representing 90% of the world-population. On the other hand, the second group – positive inclination towards China and Russia – contains the BRICS group (Brazil, Russia, India, China, and South Africa) which represents 40% of world-population, the members of the Shanghai Cooperation Organization (China, India, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia, Tajikistan, Pakistan, Uzbekistan and soon Iran), and many other countries. Therefore, the failure of the use of trade-sanctions against Russia is easily understandable.

There is a second important aspect to consider in connection with the hybrid- or total-war philosophy – the impact on the economies of the countries which follow this philosophy and that on neutral countries. The renowned economist Peter F. Drucker in 1997 wrote his article “The Global Economy and the Nation-State” [3] in which he described the total or hybrid war strategies, their successes in the past and problems in the modern world. The important aspect is the change from multinational companies in the past to transnational companies, also called globally integrated enterprises [18]. Multinational companies evolved from vertical integrated companies, creating complete copies of the home company in many other countries. These copies could be smaller than the home company, by limiting itself to a smaller range of final products, but they created all components of their final products internally. This was caused by the high transaction cost between different companies. When transaction costs between independent companies substantially decreased, transnational companies occurred in the 21st century. These companies base their locations and functions wherever cost, skills, and business environment

are best. This often creates companies which produce components for their final products at many different locations. Besides the evolution to transnational companies, the drop in transaction costs between companies together with the occurrence of digital markets led to global networks of independent companies which produce specific components for the final products of other companies. Such companies specialize on specific niche markets where they are the leader for specific components and sell to companies which integrate these parts into their products. Examples are companies which build e.g., braking systems for automobiles which they sell to different automobile companies. These companies, as well as transnational companies, strongly depend on global value chains and the corresponding supply chain networks [27]. Any disturbance of the supply chain networks can lead to complete production breakdowns in companies in any country because companies can't receive needed raw materials or components.

Russia is part of the complex global supply and value chain network. It is the world's top exporter of fertilizers [25], the third largest wheat producer (after China and India) [19], it approximately accounted for about 20% of the global wheat supply in the last years [12]. There clearly are serious food shortages already – caused by direct effects like trade route break downs due to war, as well as indirect effects due to missing fertilizers and supply chain distortions. Similar problems exist already in certain areas of high-tech industries caused by missing chemicals and rare-earth metals, as well as components created in areas with disturbed access. Also, many European countries depend strongly on gas and oil imports. Embargoing Russia in this area leads to significant supply issues for many countries.

In general, we can say that local disturbances of supply chains can cause a switch from an “economy of plenty”, where supply of goods fully covers demand, to a “shortage economy” where demand of goods substantially exceeds the corresponding supply. This latter fact of course leads to substantial increases in prices and henceforth to large inflation. We are seeing this now for the Euro Area [6] where the inflation of the consumer price index averaged 2.14 percent from 1991 until 2022, reached 5.1% in January 2022, then increased up to 10.6% in September

and then decreased to 9.2% in December 2022. Normally, when inflation increases because of printing too much money by a central bank, share prices related to real assets increase, since the asset values are unchanged, but the paper money lost value. Also, if money loses its value, there usually is a flight into real assets, including industrial shares. However, now we do not see this. The Nasdaq Composite share index reached a 5-year high on November 19, 2021, and then decreased by 36% up to January 5, 2023. In comparison, the broader S&P-500 index reached its maximum on December 23, 2021, then declined by 25%, and then again recovered to a loss of 19.5% against the peak from December 23, 2021. The Dow Jones Industrial Average shows a much weaker reaction than the technology heavy Nasdaq – maximum on December 31, 2021, then decrease by 21%, then recovery to a loss of only 0.75%. The timing of the share declines points to a reaction to the situation in Ukraine, but already before any rate hikes by the US Federal Reserve Bank or the European central bank. The stronger reaction of the technology heavy Nasdaq points to specific shortages in the technology sector, most likely raw materials. Hence, we see clear economic damage in the countries which enacted the sanctions, with the double effect of increasing inflation and falling share prices. The later rate hikes by the central banks to stop the inflation caused by supply issues to extend into core inflation may have increased the negative impact on share prices. Finally, the reaction may be a clear recession in Europe with economic and social crises.

References

1. *Brzezinski Z.* The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives / Z. Brzezinski. – Basic Books, 1997. – 256 p.
2. CTC at West Point, Russia's Battlefield Success in Syria: Will It Be a Pyrrhic Victory? – URL: <https://ctc.usma.edu/russias-battlefield-success-syria-will-pyrrhic-victory/> (accessed: 15.04.2021).
3. *Drucker P. F.* The Global Economy and the Nation-State // Foreign Affairs. – 1997. – № 5 (76). – P. 159–171.
4. Encyclopedia Britannica, Continental System. – URL: <https://www.britannica.com/event/Continental-System> (accessed: 05.01.2023).
5. European Council, EU sanctions against Russia explained - Consilium. –

- URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/sanctions/restrictive-measures-against-russia-over-ukraine/sanctions-against-russia-explained/> (accessed: 06.01.2023).
6. Eurostat, Euro Area Inflation Rate // Trading Economics. – URL: <https://tradingeconomics.com/euro-area/inflation-cpi>.
 7. *Fierro A., Palluel-Gillard A., Tulard J.* Histoire et dictionnaire du Consulat et de l'Empire / A. Fierro, A. Palluel-Gillard, J. Tulard, Robert Laffond. – 1995. – 1349 p.
 8. *Foa R.S.* [et al.]. A World Divided: Russia, China and the West - Bennett Institute for Public Policy // Centre for the Future of Democracy, University of Cambridge, UK. – URL: <https://www.bennettinstitute.cam.ac.uk/publications/a-world-divided/> (accessed: 05.01.2023).
 9. *Gosh I.* How China Overtook the U.S. as the World's Major Trading Partner // Visual Capitalist. – URL: <https://www.visualcapitalist.com/china-u-s-worlds-trading-partner/> (accessed: 05.01.2023).
 10. *Grab A.* Napoleon and the Transformation of Europe / A. Grab. – London: Macmillan Education UK, 2003. – 265 p.
 11. International Monetary Fund. Homepage. – URL: <https://www.imf.org/en/Home> (accessed: 05.01.2023).
 12. International Grains Council, Wheat Exports - Russia. – URL: <https://www.igc.int/en/markets/marketinfo-sd.aspx> (accessed: 07.01.2023).
 13. *Ivanov O.* Joint aircraft patrol boosts Russia-China strategic cooperation // Global Times. – URL: <https://www.globaltimes.cn/content/1159751.shtml> (accessed: 15.04.2021).
 14. *Jones A.* 1,000 days on the moon! China's Chang'e 4 lunar far side mission hits big milestone // Space. – URL: <https://www.space.com/china-chang-e-4-moon-far-side-1000-days> (accessed: 05.01.2023).
 15. *Kan M.* US blocks Intel from selling Xeon chips to Chinese supercomputer projects // PCWorld. – URL: <https://www.pcworld.com/article/426879/us-blocks-intel-from-selling-xeon-chips-to-chinese-supercomputer-projects.html> (accessed: 05.01.2023).
 16. *Lewsey F.* War in Ukraine widens global divide in public attitudes toward US, China and Russia. – University of Cambridge, UK. – URL: <https://www.cam.ac.uk/stories/worlddivided> (accessed: 05.01.2023).
 17. *Mearsheimer J.J.* Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault: The Liberal Delusions That Provoked Putin // Foreign Affairs. – 2014. – № 5 (93). – P.

77–89.

18. *Palmisano S. J.* The Globally Integrated Enterprise // Foreign Affairs. – 2006. – № 3 (85). – P. 127–136.
19. *Rastogi K., Ang C.* Visualizing Global Wheat Production by Country (2000-2020) // Visual Capitalist. – URL: <https://www.visualcapitalist.com/cp/visualizing-global-wheat-production-by-country/> (accessed: 07.01.2023).
20. *Schmidt H., Brzezinski Z.* The Grand Chessboard: American Primacy and Its Geostrategic Imperatives // Foreign Policy. – 1998. – № 110. – P. 179.
21. The Economist, In 2022 Russia kept the economic show on the road. – URL: <https://www.economist.com/finance-and-economics/2022/12/29/in-2022-russia-kept-the-economic-show-on-the-road> (accessed: 05.01.2023).
22. The Economist, The war in Ukraine has reshaped the world’s fuel markets. – URL: <https://www.economist.com/interactive/briefing/2022/09/24/war-in-ukraine-has-reshaped-worlds-fuel-markets> (accessed: 06.01.2023).
23. TOP500.org June 2013 // TOP500 List. – URL: <https://top500.org/lists/top500/2013/06/> (accessed: 05.01.2023).
24. TOP500.org June 2016 // TOP500 List. – URL: <https://www.top500.org/lists/top500/2016/06/> (accessed: 05.01.2023).
25. *Venditti B., Parker S.* 3 Reasons for the Fertilizer and Food Shortage // Visual Capitalist. – URL: <https://www.visualcapitalist.com/3-reasons-for-the-fertilizer-and-food-shortage/> (accessed: 07.01.2023).
26. World-Bank. – URL: <https://www.worldbank.org/en/home> (accessed: 05.01.2023).
27. World Bank, WTO, Global Value Chain Development Report 2019: Technological Innovation, Supply Chain Trade, and Workers in a Globalized World. – 2019.
28. Worldbank, World Integrated Trade Solution (WITS) | Data on Export, Import, Tariff, NTM. – URL: <https://wits.worldbank.org/> (accessed: 05.01.2023).
29. Worldbank, GDP (current US\$) - United States, China, India, Indonesia, South Africa, Brazil // Data. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=US-CN-IN-ID-ZA-BR> (accessed: 05.01.2023).
30. WorldBank, Gross domestik product 2021. – URL: <https://databankfiles.worldbank.org/data/download/GDP.pdf> (accessed: 05.01.2023).

РАЗДЕЛ 2. ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ И КОНФЛИКТЫ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

PART 2. SECURITY CHALLENGES AND CONFLICTS IN THE MODERN WORLD

Андреев С.Б.,

доктор наук (восточные исследования),

независимый исследователь.

Sergei Andreyev,

Dr. Phil (*Oxon*),

Independent Scholar.

E-mail: sandreyev@hotmail.com

«ТАЛИБАН» И «АЛЬ-КАИДА»: НЕПРОСТОЙ БРАК ПО РАСЧЕТУ

THE TALIBAN AND AL-QAEDA: STRANGE BEDFELLOWS

Afghanistan as a Failed State

The Fund for Peace's offers the following characteristics of a failed state:

1. Loss of control of its territory, or of the monopoly on the legitimate use of violence;
2. Erosion of legitimate authority to make collective decisions;
3. Inability to provide public services;
4. Inability to interact with other states as a full member of the international community.

In 2001–2021 with its elected Western-supported government Afghanistan unequivocally met the first and the second criteria and partially the third one [7, pp. 143–144]. Since August 2021 under the Taliban rule Afghanistan meets all of these criteria.

Political Challenges Facing the Taliban Regime

Current challenges:

- Pariah state status;
- Brain drain and human flight;
- Social protest in metropolitan areas;
- Ethnic resistance in non-Pashtun areas;

- Simmering armed conflict with the Islamic State;
- Lack of legitimacy;
- Endemic failure to run a state along the draconian Islamic lines.

Potential challenges:

Waning of Pashtun tribal support due to the attempted alteration of the traditional balance of power (cf. the situation at the beginning of the USA-led invasion in 2001 when following the centuries old pattern of tribal opposition to an Islamic coalition implicitly promoting faith actors' agenda at the expense of tribal supremacy the Pashtun tribes deserted the Taliban).

Humanitarian Challenges Facing the Taliban Regime

Even with a foreign assistance Afghanistan often found itself on the verge of food insecurity. That has deteriorated since the Western withdrawal.

The World Bank identifies the following overlapping drivers of the post-August 2021 complex economic crisis:

- i) cessation of aid (previously equal to 45 percent of GDP) driving a sharp fiscal contraction, leading to collapsing demand (total public spending is expected to have declined by around 60 %);
- ii) major disruption to basic services (including basic health and education), which had previously depended on international aid support;
- iii) a loss of hard-currency aid inflows, which had previously financed a very large trade deficit (equal to around 30 % of GDP);
- iv) loss of access to the overseas assets of the Central Bank (around US\$ 9.2 billion);
- v) the cessation of international payments by correspondent banks undermining the capacity of firms to pay for imports or receive payment for exports, disrupting remittance flows, and leaving international humanitarian organizations and NGOs unable to pay salaries or contractors within Afghanistan;
- vi) loss of Central Bank access to supplies of Afghani and USD banknotes creating a liquidity crisis in the banking system, therefore, constraining firms'

and households' access to working capital and savings held in commercial banks;

vii) rapid decline in investment confidence, given pervasive uncertainty;

viii) loss of human capital, as tens of thousands of highly-skilled Afghans fled the country and new restrictions were imposed on women's participation in the private and public sector [8].

The severe drought affecting most of the country since early 2021 has crippled crop production and livestock leading to critical food insecurity in both rural and urban areas. Every year Afghanistan needs more than 6 million tonnes of wheat with 4.5 million tonnes harvested in the country in a good year with the rest being imported [1] mainly from Kazakhstan and Russia.

As of May 2022, 22.8 million people in Afghanistan are acutely food insecure. The situation is compounded by the forecasted reduction of Humanitarian Food Assistance (HFA) after the month of May. HFA is expected to decrease from 38% of the population receiving rations to 8% due to lack of funding [2]. As of 24 June 2022 the United Nations has only received one-third of the \$4.4 billion it requires to meet humanitarian needs in Afghanistan in 2022. This shortage of funds is also complicated due to the formal banking system blocking transfers as stipulated by the UN and US sanctions with the Humanitarian Exchange Facility not yet fully operational and the Taliban attempting to channel aid to the groups they favour and interfere with humanitarian agencies budgeting, operations and hiring policies [6]. All of that is coupled with the religion-inspired overt rejection of developmental rationale [5, pp.65, 70].

The Taliban Historical Agenda

Declared goals: the establishment of a strict Sharia-based governance mechanism. Afghanistan-centric parochial approach.

Hidden agenda: preservation of the Pashtun domination of Afghanistan.

Implications: eventual governance failure, ethnic polarisation, further radicalisation (cf. the 1990's iteration) possibly coupled with the internationalisation

of the jihadi policies as the Taliban now consider their movement as spearheading the jihadi efforts of the global *umma* [5, pp. 66–67].

Afghanistan as a Rentier State

Since the reign of Emir Abdurrahman Khan (1880–1901), whose legacy still shapes the country, Afghanistan has been a rentier state relying on foreign aid to fill its coffers.

“Only 12 per cent of Afghanistan's total land area is arable. Due to acute scarcity of water for irrigation, only half of this arable land area is cultivated each year. In simple terms, Afghanistan has always lacked an indigenous economic basis for viable state formation. This external aid has given the Afghan state the coercive means to weld the heterogeneous tribal society together by distributing the foreign largesse and playing one tribe off against the other” [4, p. 785].

A Limited Range of External Sponsors

Therefore, in order to survive the Taliban need an external sponsor for their nation-building endeavour. With their almost universal pariah status they may only rely on non-state actors sympathetic to their harsh interpretation of Islam and draconian policies coupled with disregard for human rights. And those are radical Islamists of either militant jihadist persuasion or at least of a pretty obscurantist outlook. Due to an armed confrontation between the Taliban and the Islamic State al-Qaeda with its history of association with the Taliban is ideally positioned to fill the shoes of such a sponsor.

The Dynamics of the Taliban-al-Qaeda Symbiosis

There is a sustained historical pattern of the subordinate position of Muslim faith actors and outsiders in the Pashtun tribal environment (patron-client relationships). That notwithstanding, supra-tribal unification is spearheaded by jihadi faith actors who simultaneously attempt to undermine tribal governance structures to tip the power balance into their own favour. Tribes resist these encroachments and eventually withdraw their support of the faith actors-dominated Islamic coalitions (for more details on Islamic movements in the Pashtun environment see [3]).

Al-Qaeda fits this pattern as a client of the Taliban bent on dominating the movement through its direct sponsorship and facilitation of the international donors' support.

What the Future May Hold?

The format and the spirit of the 30 June – 2 July 2022 Kabul moot dominated by religious authorities rather than tribal representatives who constitute a traditional *jirga* indicate that the Taliban are not prepared to consider power-sharing and rather dispense even with nominal vestiges of democracy [5, p. 67].

A standard exercise in structured analysis identifies two mutually exclusive mid-and-long-term scenarios concerning violent militancy:

Scenario One: Power-sharing with non-Taliban actors (inclusive and non-radical government).

Impact: Critical

Likelihood: Unlikely

Risk of violent militancy: Low;

Scenario Two: Taliban carrying on alone in their radical *modus operandi*.

Impact: Critical

Likelihood: Very Likely

Risk of violent militancy: Critical.

The second scenario may fork into two sub-scenarios with both of them implying a high level of risk not only for the region but for the entire world.

Sub-scenario One (Jihadism): Safe haven for militant elements; an inspiration for global spoilers (historical similarities: the defeat of Russia by Japan in 1905; the defeat of the USA by communist Vietnam in 1975); an increase in drug trafficking.

Impact: Critical

Likelihood: Very likely

Risk of violent militancy: Critical

Sub-scenario Two (Fragmentation): Safe haven for militant elements, humanitarian catastrophe, mass scale refugee exodus; an increase in drugs trafficking (historical similarities: Afghanistan in 1992–2001; Somalia).

Impact: Severe

Likelihood: Very likely

Risk of violent militancy: High

Foreign sponsorship or lack thereof will be determinant for the unfolding of either of these sub-scenarios.

The Future of Taliban-ruled Afghanistan: Terrorists' Safe Haven or an Active Actor in the Global Jihad?

The al-Qaeda sponsorship will drive the Taliban towards the internationalisation of their initially parochial agenda. That may result in the push for an engineered spill over of Islamic militancy directly affecting Pakistan where its own Taliban movement is deeply entrenched and implicitly Central Asia and China whose radical Islamists had found a safe haven in Afghanistan. Pakistani security establishment will face a hard choice whether to stop their decades long support for Afghan Taliban; thus, compromising their strategic depth considerations or risk a further conflagration in the Pashtun-populated areas of their country.

There are already some worrying indicators that the Taliban may have already started to move in this direction; thus, the Taliban ruler Mawlawi Hibatullah Akhundzada was reportedly titled as caliph, and the movement pledged to fight their jihad until the Day of Judgement. That is an implied admission that they do not expect victory, viz., the global triumph of Islam; however, may be inclined to take the holy war beyond the borders of Afghanistan as they claim to control the entire country; however feeble this assertion may be, especially since no government ever controlled all corners of this pretty ungovernable world. Religion-inspired fervour nudged by foreign benefactors may obfuscate the risks associated with this extending. Moreover, some members of al-Qaeda have been appointed to government positions, not the top brass ones, but still.

Akhundzada's 1 July 2022 sermon-cum-political address at the Kabul gathering dominated by religious authorities points at the Taliban emerging global aspirations as opposed to their localised nativistic agenda of the 1990's (For more details on Akhundzada's speech see [5]).

What if There is No One to Help?

In case the Taliban fail to consolidate their grip on power (albeit temporally as no radical Islamist regime is likely to perdure long against the tribal backdrop), Afghanistan is likely to fragment once again with local politics and Hobbesian *bellum omnia contra omnes* dominating the tribal Pashtun South and the predominately non-Pashtun North revering to the Chingizid pattern of governance. The watersheds are likely to define parcellated necks of the woods with economic activities streaming along the valleys rather than across mountain ranges; therefore, gravitating towards foreign markets rather than the national one. Opium poppy is likely to remain a lucrative cash crop solidifying fragmentation as local powerbrokers will be disincentivised to share out their confined dominance.

References

1. Afganistan zainteresovan v zakupkakh zernovoi produkcii iz Rossii. – URL: <https://afghanistan.ru/doc/135370.html> (accessed: 01.02.2023).
2. Afghanistan: Drought – 2021–2023. – URL: <https://reliefweb.int/disaster/dr-2021-000022-afg> (accessed: 24.06.2022).
3. *Andreyev S.* Development Stages of Islamic Movements in the Pashtun Tribal Environment: The Case of the Rawshaniyya and Beyond // Iran and the Caucasus. – 2021. – Vol. 25. – P. 134–153.
4. *Bakshi G.D.* Afghanistan as a rentier state model: Lessons from the collapse // Strategic Analysis. – 1998. – Vol.22. – No. 5. – P. 783–797.
5. *Hakimi S., Fair C.C.* The Taliban’s Amir on the “Victory” in Afghanistan // Current Trends in Islamist Ideology. – 2022. – Vol. 31. – P. 63–73.
6. *Nichols M.* U.N. says Taliban interfering with aid, resisting cash plan. – URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/un-says-taliban-interfering-with-aid-resisting-cash-plan-2022-06-23/> (accessed: 23.06.2022).
7. *Piniugina E.* Afganistan: Kak sozdat’ sovremennoe gosudarstvo? // Politicheskaja nauka. – 2011. – Vol. 2. – P. 143–162.
8. The World Bank In Afghanistan. – URL: <https://www.worldbank.org/en/country/afghanistan/overview> (accessed: 22.06.2022).

Гласер М.А.,
доктор философских наук,
профессор,
НИУ ВШЭ, Москва.

Marina A. Glaser,
Doctor of Science (Social Philosophy),
HSE University, Moscow.
E-mail: mglaser@hse.ru

ВЫЗОВЫ ГУМАНИТАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА АФРИКАНСКОМ ПОРЕ

TIGRAY WAR AS THE SAMPLE OF “NEW WARS”

Introduction¹

The Federal Democratic Republic of Ethiopia (FDRE) is one of the few ethnic federations in the world where the problems of societal security primarily determine the parameters of political processes in the country. Ethnopolitical conflicts in the country cover almost all of its states. The Federal Government is unable to stop the massacre in the states of Oromia, Benshangul and Gumuz, Amhara, Somalia. But the scale of the war in northern Ethiopia in the state of Tigray has surpassed the conflicts in other parts of the country. The ethnopolitical conflict between local authorities and the federal government, which began almost two years ago, resulted in a most bloody war in Africa in recent times. The Tigray War was characterized by large-scale atrocities, violence against civilians, especially against women, led to a devastating humanitarian crisis. Before the war broke out in November 2020, Tigray was a stable state with a relatively strong economy and security system. Today, Tigray's economy is in ruins, it has lost administrative control over the disputed territories to Amhara, and its political, military and demographic situation is deplorable. In this article, using the example of Ethiopia, we want to explore how the unresolved problems of ensuring societal and human security in African

¹The article is supported by the RSF grant No. 23-28-01626 “Theology and war: traditional values and innovations in the context of post-secular changes”.

countries provoke humanitarian disasters and give rise to wars, which M. Kaldor called “new” [7]. The new wars are hybrid in nature. The term “war” is unambiguously associated with negative unlawful acts. This is intended to exert a corresponding influence on the rational and emotional perception of all warring parties of military-political reality. The *reasons* for the emergence of the phenomenon of “hybrid war» are: “*juridical*”: they are associated with a ban on the use of armed aggression to resolve interstate contradictions, (Article 2 of the UN Charter); “*military*”: connected with the actual military inefficiency of the global military- power confrontation, with the trans-nuclear nature of the use of nuclear missiles, forcing to seek indirect means of achieving ones dominance; “*technical*”: for the use means of non-violent confrontation, more relatively inexpensive and effective means have appeared than for the classical military-military confrontation, which is very expensive and technically complicated.. The financial difference between, for example, installation, deployment and maintenance of a missile defense system, on the one hand, and informational stuffing, on the other hand, is obvious. A new war is a *post-modern war*, it is informal, synthetic, distributed, discrete. It military and non-military components are coordinated, that are implemented with reliance on military force: the use of civilian means (economic, financial, informational). The realization of such methods is traditionally regarded as reconnaissance and subversive activities. In the situation of the post-pandemic and the Ukrainian crisis, this can lead to the transformation of these wars into fundamentally unresolvable conflicts with a radical asymmetry of the parties. Explanation, understanding and interpretation from the point of view of “new wars» of the features of the events taking place in society and the actions of their key actors helps to capture the true meaning of social phenomena and extrapolate it to the practice of real politics. The effectiveness of the latter depends on this, a reasonable choice of stakes on “the internal principle of consensus or on external humanitarian intervention” [14, p. 58]. *The key research question* is what factors led to the military

conflict and humanitarian crisis in the Tigray region, the total characteristics of which allow us to call the event an example of a “new war”.

Three turns of the political history of Ethiopia of the late XX–XXI centuries

At the time of the empire, there was a conflict between the ethnic groups of Ethiopia related to the demand of the political elite of that time, which mainly consisted of representatives of the Amhara and who considered their ethnic group to be the embodiment of the Ethiopian state, for assimilation of other ethnic groups with their culture, language and religion [10, p. 62]. Since 1941 Amharic was the language of instruction in primary schools, and Orthodoxy – the religion of Amharic – was declared the state religion, in contrast to the widespread Islam in the country. In November 1969, Walleign Mekonnen Kassa published an article in the student magazine “Struggle” entitled «On the question of nationalities in Ethiopia». In it, he challenged the very idea of Ethiopian national unity, stating that “Ethiopia was not a nation, but an Amhara-ruled dozen nationalities with their own languages, national dress, history, social organization and territory” [1, p. 62; 10]. The article became a reference book for ethnonationalists, it is interesting at the same time that Mekonnen considered himself to be a representative of Amharic. From the 1970s to the beginning of the XXI century, the national question became a key slogan in three significant political “turns” in the political history of Ethiopia at the end of the XX–XXI centuries. *The first of them* was the overthrow of the regime of Emperor Haile Selassie I in 1975 and the seizure of power by the military council of army officers – Derg. Under the emperor, the key conflict between the ethnic groups of Ethiopia was connected with the confrontation of the Amhara ethnic group, whose representatives mainly consisted of the political elite of that time, and other ethno-regional elites on a number of issues of the internal policy of the state. However, the official recognition of the Derg in 1976 of the rights of ethno-religious groups to self-determination did not lead to any significant changes for them, despite a number of important innovations, compared with the Constitutions of Ethiopia in 1931 and

1955. *The second turn* is the overthrow of the Derg regime in 1991 and the seizure of power by the The Ethiopian People's Revolutionary Democratic Front coalition party. It included four “rebel” parties, but the dominant role was played by the TPLF. The EPRDF revised the principles of government and established an ethno-federalist system of governance. In 1995, according to the adopted Constitution, the country was transformed into an ethnic federation. However, instead of solving the problem, the new principles of ethnic self-determination again caused a negative reaction of society and put the federation on the verge of collapse. The first reason is the discrepancy between the political intent of the Constitution, which is based on a primordial idea of ethnicity. The second reason is the desire of ethno–regional elites to make their power universally significant. Instead of transferring power to the regions and ethnic self-determination, the EPRDF strengthened control over the provinces. At the same time, the unitarians in the EPRDF rejected ethno-federalism as the principle of the organization of the Ethiopian state, securitized the national identity that had yet to be found. As a result, the stability of such a political system has reached its limit, attempts to govern the country from one center have been unsuccessful.

The third turn in the political history of Ethiopia of the XX century is the coming to power in April 2018 of Prime Minister Abiy Ahmed Ali and the hopes of society that the transition to a more open political system begins with him. In 2019, Abiy dissolved the EPRDF and implemented his plans to replace the Front with the Ethiopian Prosperity Party (PP), which, in addition to the three participants of the EPRDF, included six other parties, but not the NFLP. *The ruling Prosperity Party is based on the Amhara-Oromo alliance.* But as subsequent events have shown, the alliances that the new coalition relies on are more difficult to maintain than those that were the basis of the EPRDF.

In explaining the dynamics of the political and economic crisis in Ethiopia, many researchers have pointed and continue to point to *ethnicity* as the most important explanatory variable of this crisis. Religion has played and plays a smaller role in interethnic disputes. Ethiopia is a Christian state, with Christianity deeply

influenced by Judaism as well as local African contexts. Ethiopian Orthodox Church (EOC) “is part of the umbrella of what has been referred to as the Oriental Orthodox Churches, which includes Armenian, Coptic, Eritrean, Syrian, and Malankara/Indian” [16, p. 265]. EOC has been at the center of public life for centuries. It “constituted a link between the people and the state. The church taught its followers to respect their allegiance to the Ethiopian state and was, in effect, a school for national consciousness, using national symbols such as the flag in all religious and social events. No church ever conducted major ceremonies without hoisting the Ethiopian flag – an act also regularly observed in the Ethiopian army” [16, p. 300]. TPLF during EPRDF years considered (EOC) “as a force standing in the way of the TPLF but one that should be handled with caution” and collaborated with it on a number of important issues [16, p. 301]. Islam in Ethiopia has always had a cultural character, although in recent years “is giving way to a more aggressive and radical form of religion with a fundamentalist orientation” [16, p. 278]. As of 2021, there are almost 74.5 million Christians in Ethiopia, and 39,618 Muslims [11]. During the TPLF years and today, Muslims in Tigray are a minority. Compared to Christians, they are in a dependent position, however “the TPLF saw the long-oppressed Muslim community as a readily available ally in the struggle and invested time and effort in mobilizing them. To make the Muslim community feel that they were well-represented in the TPLF, many Christian combatants adopted Muslim names. Participation of Muslim youths in the army was also growing as the struggle progressed” [16, p. 304]. Therefore, there is no reason to believe that the religious factor was decisive in the outbreak of war. Although it cannot be completely discounted. In February 2021, Amnesty International stated in a report that in November 2020 the Eritrean military killed hundreds of unarmed civilians in the city of Aksum through indiscriminate shelling, extrajudicial killings and violent acts, which, according to the human rights organization, amounted to a crime against humanity. They used not only firearms, but machetes. Eritrean authorities deny Amnesty International's account, but video, photos and documented eyewitness

accounts are compelling. So in the CNN investigation, based on interviews with 12 eyewitnesses, more than 20 relatives of survivors and photographic evidence, one of the episodes of terror is described in detail: “A group of Eritrean soldiers opened fire on Maryam Dengelat church while hundreds of congregants were celebrating mass. The mayhem continued for three days, with soldiers slaughtering local residents, displaced people and pilgrims. the troops forbid them from burying bodies at the church, in line with Orthodox tradition, and forced them to make mass graves instead – a practice that has been described elsewhere in Tigray” [4]. We also want to draw attention to one more important detail – a *certain type of behavior*, normally characteristic of political elites in general – “striving for power”. We believe that the conflict between the federal government and the government of the state of Tigray, in addition to unresolved ethno-social problems, is inspired, among other things, by this feature. The turns of the political history of Ethiopia in the middle of the XX – beginning of the XXI centuries indicated by us, confirm this thesis. The idea of Ethiopian national unity often had rather speculative appeal for ethno-regional elites and correlated with their specific political activities, converting ethnic contradictions into power.

Abiy and the conflict with the TPLF 2020–2021

On July 8, 2018, Prime Minister of Ethiopia Abiy Ahmed and President of Eritrea Isaias Afwerki signed a declaration on peace and friendship, which declared the end of the state of war between the two countries, and also declared their readiness to cooperate in a number of areas, including in the economic and social fields. The problem is that Tigray borders Eritrea from the north, and after a long border war, the population of the state has left severe traumatic memories. But many Eritreans also believe that the TPLF has ambitions to create a “Greater Tigray” that includes all the Tigray-speaking areas of the Horn of Africa, which will eventually entail the absorption of Eritrea by Tigray. The historic rivalry between Tigray and Eritrea is one of the many long-standing hostilities between them that came to the fore in the Tigray War. This did not allow the TPLF to approve the conclusion of peace with Eritrea by Abiy.

Tigray borders Amhara State from the south, with which it has a long-standing conflict over agricultural land. Tigray calls them Western and Southern, Amhara people – Welkait and Raya respectively. The Amhara contend that these territories were unjustifiably incorporated into Tigray in the early 1990s during the formation of the Ethiopian Federal Republic, leading to the forced displacement of Amharis from the two regions. By strengthening the importance of the political elite of Amhara and contributing to its rise in the state, Abiy further aggravated the conflict with the TPLF, making the collision of the federal center with the almost TPLF inevitable. The federal government postponed the national parliamentary elections scheduled for August 2020 indefinitely due to the COVID-19 pandemic. Abiy himself undermined the foundation of the federal government by canceling the elections. As a result, he became an illegitimate leader, since at the time of the elections his PP party was not registered. And the TPLF held elections in its region in September 2020, thereby legitimizing itself, and its militants attacked the base of federal troops. Abiy decided to send troops to Tigray, and the tension between Tigray and the Center increased enormously. The political order in Ethiopia has collapsed.

Attempts by the international community to resolve the conflict

The international community is trying to resolve the conflict [11]. Western countries are directly interested in a speedy resolution, because if the parties to the conflict do not agree, the collapse of the Ethiopian state may occur, which means that such a migration crisis will begin, which will affect all European countries and not only the EU. The official representative of the Ministry of Foreign Affairs, Maria Zakharova, at the end of October 2021, called for a peaceful settlement of the conflict and an unconditional ceasefire to stabilize the difficult economic and humanitarian situation. She also confirmed that the Russian side is closely monitoring the development of the situation in Ethiopia in the Tigray, Afar and Amhara regions. Zakharova explained that the Russian position on this issue proceeds from the fact that “the preservation of unity and territorial integrity is an uncontested basis for resolving all disputed issues, including the settlement of the

internal Ethiopian conflict and the gradual stabilization of the situation of the country as a whole” [15]. Since then, the position of the Russian Foreign Ministry has not changed.

The Special Envoy of the African Union to Ethiopia Olusegun Obasanjo, made a lot of efforts to create the possibility of negotiations by contacting the leaders of both sides of the conflict. Thanks to his the efforts Tigray and Ethiopia agreed on peace talks in Kenya under the auspices of the AU and the UN. «Tigranyans demand an immediate cessation of hostilities, the resumption of humanitarian aid and the withdrawal of Eritrean troops. As a result, negotiations began in Pretoria on October 24, 2022. On November 12, the draft agreement was signed by both parties and Obasanjo says that “humanitarian access will begin immediately, the bulk of it will go by road, but we have also streamlined air transport for the same” [12]. However, there are fears that the deal could alienate Tigray society from the TPLF, which could create obstacles to the implementation of the peace agreement. In addition, the deal does not guarantee Tigray's right to hold an independence referendum, which some experts called a key precondition for ending the war. But secession is a right under the Ethiopian Constitution, subject to the establishment of a legitimate government in Tigray and the fulfillment of a number of procedural requirements. One of the most difficult issues is the withdrawal of Eritrean forces, as well as special forces and Amhara militias who fought on the side of the federal government during the war. However, the peace agreement leaves the Ethiopian military in control of the border with Eritrea, which should provide an effective buffer between Tigray and Eritrea. The creation of an African continental system of responsibility is extremely important for the prevention of future conflicts. For example, the ratification of the African Protocol, which gives the African Court of Human Rights the power to prosecute criminal offenses [3] and the potential encouragement of Ethiopia to join the International Criminal Court [8] “if the peace in Tigray holds, it would set an important precedent in shifting Ethiopia’s political tradition away from war and total victory, and toward reflection, consensus and compromise as viable political dispute-resolution mechanisms. In this sense, the brutal war in Tigray has

the potential to be “the war that ends all wars,” as well as setting the terms for a new kind of politics in Ethiopia” [2].

Conclusion

We investigated the causes of the crisis in the state of Tigray, which are a complex interaction of objective and subjective factors that were in an unstable equilibrium. Cumulative effect of several of them (administrative failures at the federal level, internal political crisis, lack of economic growth, cancellation of national parliamentary elections during the pandemic, alliance of the Abia with Amhara), was used by TPLF as an excuse to start an open struggle for the autonomy of its state. This interaction of factors is considered in a diachronic perspective, that is, in its temporal mobility and variability within the boundaries of the late XX – late XXI centuries. Of the three key factors that led to the military conflict and humanitarian crisis in the Tigray region – ethnicity, religion, a certain type of behavior – “striving for power” – the first one had the greatest weight. It is shown that the centrifugal tendencies of the federal structure of Ethiopia, essentially a regionalist state, led to the discrediting of the national political party in the eyes of the population of Tigray State, to the formation of a revolutionary situation in the state, which provoked a large-scale humanitarian crisis that significantly affected the countries bordering the state. This was the impetus for the subsequent development of events. Ethnic nationalism slows down the processes of forming a national consensus, provokes "new" wars that transform into fundamentally insoluble ethno-national conflicts, but, more importantly, humanitarian catastrophes.

References

1. *Adegehe A.K. Federalism and Ethnic Conflict in Ethiopia: A Comparative Study of the Somali and Benishangul-Gumuz Regions (Doctoral thesis).* – Department of Political Science, Faculty of Social and Behavioral Sciences, Leiden University. – 2009.
2. *Adem Kassie Abebe, Kassahun Molla Yilma. With the Guns Silenced, Ethiopia and Tigray Must Now Secure the Peace // World Politics Review.*

- 6 Dec 2022. – URL: <https://www.worldpoliticsreview.com/tplf-ethiopia-war-tigray-peace-agreement/> (accessed: 06.12.2022).
3. African Union, Protocol on Amendments to the Protocol on the Statute of the African Court of Justice and Human Rights. – URL: <https://au.int/en/treaties/protocol-amendments-protocol-statute-african-court-justice-and-human-rights> (accessed: 23.12.2022).
 4. *Arvanitidis B., Elbagir N., Bethlehem F., Mackintosh E., Mezzofiore, Polglase K.* Massacre in the mountains // CNN. – URL: <https://edition.cnn.com/2021/02/26/africa/ethiopia-tigray-dengelat-massacre-intl/index.html> (accessed: 23.12.2022).
 5. *Balsvik R.R. Haile Selassie's Students: The Intellectual and Social Background to Revolution, 1952-1974.* – Addis Ababa: Addis Ababa University Press, 2005.
 6. *Bedaso D.* Human Rights Crisis in Tigray Region of Ethiopia: The Extent of International Intervention and PM Abiy Ahmed's Denial of Humanitarian Access into the Region // *SSRN*. – 2021. DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3858886>
 7. *Kaldor M.* In Defence of New Wars // *Stability*. – 2(1): 4. – 2013. – Pp. 1–16. DOI: <http://dx.doi.org/10.5334/sta.at>
 8. *Kassahun Molla Yilma.* Accountability for atrocities – why Ethiopia should join the ICC. 2 February, 2021 // *Ethiopia Insight*. – URL: <https://www.ethiopia-insight.com/2021/02/02/accountability-for-atrocities-why-ethiopia-should-join-the-icc/#:~:text=By%20making%20Ethiopia%20a%20party,and%20future%20government%20in%20Ethiopia> (accessed: 23.12.2022).
 9. *Merera G.* Ethiopia: Competing Ethnic Nationalisms and the Quest for Democracy, 1960–2000 // *Ethiopian Journal of the Social Sciences and Humanities*. – 1(1). – 2003. – P. 62. DOI: 10.4314/ejossah.v1i1.29855.
 10. *Ranci re J.* Before and after September 11: a break in the symbolic order? // *World at War*. September 11, 2001 through the eyes of French intellectuals. Special issue of the journal "Lines". – M., *Pragmatics of culture*. 2003. – P. 47–57.
 11. Religions in Ethiopia from 1 AD to 2021 // Youtube. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=2ertKYh0M3E> (accessed: 23.12.2022).
 12. Talks between senior commanders of the Ethiopian National Defense Forces (ENDF) and TPLF to draw up a plan for the disarmament of the fighters and subsequent rehabilitation have reached a successful agreement after two sides signed an agreement for the cessation of hostilities // CGTN

- Africa. – 2022. – URL:
<https://mobile.twitter.com/cgtnafrica/status/1591460546406416385>
(accessed: 23.12.2022).
13. The African Union Commission and the AU Peace and Security Council Undertake a Fact Finding Mission to the Republic of Chad // African Union. – 2021. – URL: <https://au.int/en/pressreleases/20210429/auc-and-au-psc-undertake-fact-finding-mission-republic-chad> (accessed: 23.12.2022).
 14. The Chairperson of the AUC welcomes declaration of ceasefire in Tigray region // African Union. – 2021. – URL: <https://au.int/en/pressreleases/20210629/chairperson-auc-welcomes-declaration-ceasefire-tigray-region> (accessed: 23.12.2022).
 15. The Russian Foreign Ministry called on the parties to the conflict in Ethiopia for restraint and a cease-fire // Tass.ru. – URL: <https://tass.ru/politika/12726721> (accessed: 23.12.2022).
 16. *Tibebe E., Giorgis T.W.* The Ethiopian orthodox church Theology, doctrines, traditions, and practices // Bongmba, E.K. (Ed.) The Routledge Handbook Of African Theology. – Abingdon: Routledge. – 2020.

Сидорова Г.М.,

доктор политических наук,

профессор,

Дипломатическая академия МИД России,

профессор Московского государственного лингвистического университета,

ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, Москва.

Galina M. Sidorova,

Doctor of Political Sciences (Ph.D., Dr. Habil),

Professor,

Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Relations,

professor of the Moscow State Linguistic University, scientific associate of the

Institute for African Studies, Moscow.

E-mail: gal_sid@mail.ru

КОНФЛИКТЫ В АФРИКЕ И МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

CONFLICTS IN AFRICA AND INTERNATIONAL SECURITY

Африканская проблематика, как никогда, становится актуальной. 30 ноября 2022 года в Дипломатической академии МИД России состоялась международная конференция на тему: «Практические аспекты сотрудничества со странами Африки в новых условиях», посвященная второму саммиту «Россия–Африка», который должен состояться летом 2023 года. Первый, как известно, состоялся в Сочи в 2019 году и имел большой успех. После этого масштабного форума заметно оживились настроения африканских элит, которые решительно настроились на взаимодействие с Россией. В Институте Африки РАН также прошла конференция «XXI Школа молодых африканистов», проведенная совместными усилиями с Дипакадемией. Таким образом, Африка становится одной из важных повесток дня российских научных и учебных заведений.

И это не случайно. Страны Африканского континента приобретают все большую значимость в мировом политическом процессе. Стабилизация или дестабилизация обстановки в ряде государств континента отражается соответствующим образом как на национальной, так и региональной

безопасности. Международные организации, в первую очередь ООН, выражают обеспокоенность конфликтными ситуациями, в частности в Центральноафриканской Республике, ДР Конго, Мали и других государствах, и предпринимают попытки по снижению интенсивности конфликтов.

В настоящее время в странах Африки идут сложные процессы демократических преобразований. Чаще всего они проходят в обстановке вооруженных конфликтов, имеющих как локальный, так и межгосударственный формат, провоцирующих массовый исход населения и гуманитарные катастрофы. В Африке 54 государства, из которых более трети охвачены конфликтами [4]. Причиной перемещений могут быть различные мотивы: политические, вызванные отсутствием диалога с оппозицией, государственные перевороты, гражданские войны, сепаратистские вызовы, конституционная нестабильность, территориальные споры и многое другое.

По данным международной НПО Global Peace Index от 23 июня 2021 года, большинство государств Африки охвачены локальными войнами. Среди них Мали находится на 148-м месте по индексу человеческого развития (среди 178 стран), Нигерия занимает 146-е низовое место, Камерун – 145-е, Эфиопия – 139-е, Нигер – 137-е. Самая тяжелая ситуация с правами человека сложилась в Буркина-Фасо в связи с военным переворотом в 2022 году. За 2020 и 2021годы, согласно опросу, насилию подвергались 63% населения Намибии, 58% – ЮАР, 56% – Лесото, 55% – Либерии, 54% – Замбии [3].

Неспокойно и в зоне Сахеля. Там, как и во всем регионе бассейна озера Чад, Буркина-Фасо, Мали, Нигере и Нигерии, сохраняются угрозы терроризма и насильственного экстремизма, в частности от запрещенной в России группировки ИГИЛ. Кроме того, реальной угрозой для этого субрегиона остаются такие явления, как неконституционная смена власти, рост наркоторговли, а также межобщинные конфликты между земледельцами и скотоводами.

В нескольких странах региона Центральной Африки продолжают затяжные вооруженные конфликты, характеризующиеся, в частности,

деятельностью негосударственных вооруженных формирований (НВФ), напряженностью в связи с проведением выборов, гуманитарными кризисами, зачастую выходящими далеко за пределы национальных границ, отсутствием безопасности на море и террористической активностью, в том числе в Камеруне и Чаде. Трансграничная напряженность между Чадом и Центральноафриканской Республикой создает дополнительную угрозу для региональной стабильности.

Ситуация в ДР Конго оставалась нестабильной, особенно в восточной части страны, несмотря на активизацию боевых действий ВС ДРК против вооруженных группировок. По сведениям УВКБ на март 2022 года, ДР Конго стала страной-реципиентом беженцев, главным образом из Центральноафриканской Республики, Руанды, Бурунди и Южного Судана. Около 48% составляли мужчины и 52% – женщины. Большая часть (73%) из них проживала за пределами лагерей беженцев. Внутри самой ДР Конго наблюдалось перемещение 5,6 млн лиц, в основном на востоке страны. Более одного миллиона конголезцев из ДР Конго считались беженцами в различных странах Африки [2]. Извержение вулкана Ньирагонго вблизи Гомы еще больше усугубило и без того сложную гуманитарную обстановку.

В регионе Африканского Рога продолжали возникать проблемы, связанные с политическими преобразованиями. Ситуация в Сомали оставалась сложной, несмотря на достижение политическими субъектами договоренности о проведении непрямых выборов.

Продолжающийся конфликт в регионах Тыграй, Амхара и Афар в Эфиопии, события, связанные с Плотиной великого возрождения Эфиопии, и разногласия между Эфиопией и Суданом по поводу их общей границы создают реальную угрозу региональному миру и безопасности. Поиск консенсусного решения проблемы продолжается. В Судане переходное правительство продолжало содействовать продвижению переходного процесса, в том числе путем расширения демократического управления, активизации миротворческих усилий и проведения сложных экономических

реформ. Главным достижением стало подписание 3 октября 2020 года Джубского соглашения о мире в Судане между переходным правительством и рядом повстанческих движений. Несмотря на достигнутые успехи, в переходном процессе по-прежнему наблюдаются задержки, в том числе в связи с созданием Переходного законодательного совета.

Последствия вооруженных конфликтов катастрофичны. Наносится невосполнимый ущерб экономике, культуре, образованию, политической и гуманитарной сферам, деградирует экологическая система, растет беспризорность и преступность, ухудшается санитарная обстановка городов. Еще трагичнее – человеческие потери. Число беженцев в Африке достигло 7 млн человек. Перемещенных лиц, не покинувших свои страны, еще больше. Они потеряли свои жилища, работу, источники дохода, вынуждены были оставить на полях неубранные урожаи. Беженцы – проблема и для принимающих государств, поскольку реципиенты вынуждены выделять средства из собственного бюджета, чтобы обеспечить беженцам условия проживания. Их лагеря становятся не только очагами болезней, преступности, незаконной торговли оружием и наркотиками, но и нередко полем вооруженных столкновений с недовольным местным населением.

В этой связи хотелось бы отметить стратегическое партнерство ООН и Африканского союза (АС). Несмотря на негативное влияние пандемии COVID-19, ООН и АС продолжают активно взаимодействовать друг с другом для эффективного международного реагирования на социально-политическую ситуацию в Африке.

На своем юбилейном 1000-м заседании, состоявшемся 25 мая 2021 года, Совет мира и безопасности Афросоюза подчеркнул необходимость опережающих и стратегических действий для снижения интенсивности конфликтов. К членам АС прозвучало обращение принять и применить Континентальную рамочную программу Афросоюза по системному предотвращению конфликтов [1]. Констатировалось, что глубинными причинами структурных проблем, препятствующих достижению прочного

мира и безопасности в Африке, по-прежнему являются следующие факторы: политическая и экономическая эксклюзия и дискриминация многих групп, в частности гендерное неравенство; неэффективность органов управления, в том числе проблемы, связанные с обеспечением верховенства права, соблюдением прав человека, оказанием основных государственных услуг и справедливым управлением природными ресурсами; последствия изменения климата и отсутствия продовольственной безопасности. Эти слабые места в ряде контекстов усугубляются вмешательством извне и опосредованными конфликтами, насильственным экстремизмом и терроризмом, организованной преступностью, коррупцией и отсутствием эффективной государственной власти в некоторых областях ряда стран континента.

Таким образом, дестабилизация в ряде государств Африканского континента, массовый исход населения, в результате которого происходит наложение конфликтов, неизбежно отражаются и на международной безопасности. Страдают не только африканские страны, но и Европа, а также все регионы, куда мигрируют беженцы.

Сложность положения состоит в длительности пандемии коронавирусной инфекции, охватившей практически всю планету и тормозящей жизненно важные процессы, а также в нерешенности ряда «застарелых» конфликтов.

Литература

1. Доклад Генерального секретаря ООН. Укрепление партнерского взаимодействия между Организацией Объединенных Наций и Африканским союзом в вопросах мира и безопасности в Африке, в том числе в работе Отделения Организации Объединенных Наций при Африканском союзе // Документ СБ ООН S/2021/763. 30 August 2021.
2. L'Afrique en tête dans l'expérience vécue de la violence. – URL: <https://www.rfi.fr/fr/afrique/20210718-conflits-les-10-pays-les-moins-pacifi%C3%A9s-au-monde> (accessed: 12.12.2022).
3. Conflits: les 10 pays les moins pacifiés au monde. – URL: <https://www.rfi.fr/fr/afrique/20210718-conflits-les-10-pays-les-moins-pacifi%C3%A9s-au-monde> (accessed: 15.12.2022).

4. L'instabilité politique: cause majeure de l'afflux des réfugiés en Afrique. – URL:<https://repositories.lib.utexas.edu/bitstream/handle/2152/4173/3286.pdf>(accessed: 17.12.2022).

Цветов П.Ю.,

кандидат исторических наук,
Дипломатическая Академия МИД России, Москва.

Petr Yu. Tsvetov,

PhD (Historical Sciences),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: proviet99@mail.ru

**ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СИТУАЦИИ В ЮЖНО-
КИТАЙСКОМ МОРЕ В СВЕТЕ РЕШЕНИЙ XX СЪЕЗДА КОМПАРТИИ
КИТАЯ И КИТАЙСКО-АМЕРИКАНСКОГО СОПЕРНИЧЕСТВА**

**PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE SITUATION IN
THE SOUTH CHINA SEA IN THE LIGHT OF THE DISCUSSIONS OF
THE XX CONGRESS OF THE COMMUNIST PARTY OF CHINA AND
THE SINO-AMERICAN COMPETITION**

Ситуация в Южно-Китайском море (ЮКМ) уже несколько десятилетий рассматривается экспертами как напряженная, конфликтная, взрывоопасная. Основанием для этого является спор Китая, Вьетнама, Филиппин, Малайзии, Брунея и Тайваня по поводу государственной принадлежности архипелага Спратли и Парасельских островов, расположенных в Южно-Китайском море. Пекин заявляет о своих правах на все эти острова и направил в ООН карту, согласно которой 80% акватории Южно-Китайского моря должно принадлежать ему. Но фактически власти КНР контролируют весь архипелаг Параселы и 12 островов в архипелаге Спратли. Вьетнам также официально объявил, что все Парасельские острова и архипелаг Спратли – это его земля, хотя Ханой контролирует только 25 островов в архипелаге Спратли. У других стран контроль над островами архипелага Спратли в еще большей степени ограничен: у Филиппин – девять островов, у Малайзии – пять, у Тайваня – один [3, с. 30]. Бруней претендует на семь островов Спратли и 350-мильный континентальный шельф [4, с. 225].

Власти КНР, защищая свой суверенитет, давно ввели ряд мер в отношении водного и воздушного пространства Южно-Китайского моря. Суда иностранных государств должны информировать китайские власти о нахождении в этом пространстве. Ежегодно Пекин на несколько месяцев объявляет запрет на ловлю рыбы в акватории Южно-Китайского моря. Зачастую это приводит к конфликтам между рыбаками и пограничниками.

В научной и публицистической литературе за рубежом ЮКМ утвердился статус «горячей точки». Особенно мысль о возможности военного конфликта в этом районе высказывают американцы. У них уже с 1940-х годов в западной части Тихого океана присутствуют военные корабли 7-го флота, где сегодня они регулярно проводят операции в рамках их кампании «обеспечения свободы навигации», что якобы соответствует национальным интересам США. Вашингтон публично выражает недовольство поведением Пекина на островах Южно-Китайского моря и поддерживает антикитайские настроения в странах Юго-Восточной Азии. Западная пресса в унисон с Пентагоном регулярно сообщает о противостоянии военно-морских флотов США и КНР в Южно-Китайском море. Нет сомнений, что сегодня США используют ситуацию в ближайших с КНР морях, чтобы отвлечь китайское руководство от важных задач внутреннего экономического и научно-технологического развития страны.

На самом деле следует признать, что градус конфликтности в Южно-Китайском море не так уж и велик, особенно по сравнению с Ближним Востоком, где ежедневно гибнут люди, или Кашмиром, где операции индийских военных против террористов из Пакистана носят регулярный характер. Не так давно авторитетное гонконгское издание *South China Morning Post* опубликовало статью о столкновениях вьетнамских рыбаков с китайскими морскими патрулями. Оказалось, что за восемь последних лет, с 2014 года, китайцами были потоплены или повреждены 98 вьетнамских рыбацких лодок [12]. А военные суда США и КНР, приближаясь друг к другу, не решались перейти к боестолкновению.

Тем не менее территориальный спор Китая с соседями используется Вашингтоном для укрепления своих позиций в Южно-Китайском море в противостоянии Срединному государству. Как справедливо отмечает эксперт по международным отношениям в АТР Марк Валенсия, «общая политическая обстановка определяется американо-китайской борьбой за господство в регионе и, в частности, в Южно-Китайском море, где сходятся их стратегические траектории» [10].

Целый ряд событий прошлого года и начала нового 2023 года дает основания полагать, что в ситуации в Южно-Китайском море происходят определенные изменения. Прежде всего хотелось бы отметить во многом новый подход китайского руководства к проблеме территориального спора. В 2022 году министр иностранных дел КНР Ван И, общаясь с лидерами соседних стран в ходе своих официальных визитов в страны Юго-Восточной Азии или в кулуарах региональных форумов, настойчиво призывал отложить спорный вопрос принадлежности островов в долгий ящик и сосредоточиться на экономическом сотрудничестве [13].

Основополагающее значение имеют документы XX съезда КПК, который прошел 16–22 октября 2022 года в Пекине. В отчетном докладе Си Цзиньпина четко прослеживается установка на добрососедство и приверженность мирному развитию страны, подтверждена верность пяти принципам мирного сосуществования. В документах съезда говорилось: «Модернизация китайского типа – это такая модернизация, которая идет по мирному пути. Мы не пойдем по старому пути некоторых государств, которые осуществляют модернизацию посредством войн, колониализма, грабежа и других методов» [1].

Что касается отношений с соседними государствами (а под этим термином в Пекине понимают прежде всего страны Юго-Восточной Азии), то на съезде отмечалось, что Китай будет стремиться укреплять с ними дружественные связи и взаимное доверие. В Отчетном докладе съезду был затронут такой постулат древних китайских мудрецов, как «относиться к

соседям по-родственному, гуманно и по-доброму» [1]. Упоминание этой традиционной идеи в документах партийного съезда позволяет думать, что курс на добрососедство запланирован на длительную перспективу. На съезде генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин прямо заявил, что Китай не будет проводить политику гегемонизма и расширения своих границ.

Предвижу возражения, что и на прошлом XIX съезде КПК Си Цзиньпин заверял мир, что Китай не будет проводить политику экспансии и гегемонизма. Тем не менее стычки в Южно-Китайском море между китайцами, филиппинцами, вьетнамцами, индонезийцами имели место. Однако они не переросли в заметное военное столкновение, и Китай в эти годы никаких чужих территорий не захватывал.

Одновременно в докладе Си Цзиньпина была высказана решимость защищать территориальную целостность своей страны. Это значит, что в Пекине по-прежнему будут считать все острова, входящие в архипелаги Парасельские и Спратли своими, но в этом нет ничего неожиданного. Лидеру любой страны вряд ли удастся обеспечить себе общенациональную поддержку, если он не будет защищать границы и национальный суверенитет.

После XX съезда КПК пекинское руководство продолжило курс на улучшение отношений с государствами Юго-Восточной Азии, что также должно обеспечить безопасность КНР перед лицом угроз со стороны США. Особенно это заметно в отношении Вьетнама и Филиппин – двух главных антагонистов Пекина в Южно-Китайском море.

Историческим можно назвать визит в Пекин генерального секретаря ЦК Компартии Вьетнама Нгуен Фу Чонга. Визит состоялся с 30 октября по 2 ноября, то есть всего через семь дней после закрытия съезда. Нгуен Фу Чонг стал первым зарубежным лидером, который посетил Китай после съезда Компартии.

В ходе визита Нгуен Фу Чонгу был оказан особо теплый прием. Генеральный секретарь ЦК КПВ был награжден высоким китайским орденом – орденом Дружбы КНР (первый такой орден был вручен В.В. Путину в 2018

году, а всего им было награждено 10 иностранцев). В ходе визита было подписано 13 документов, которые предусматривают расширение сотрудничества между отделами ЦК двух коммунистических партий, рядом министерств и ведомств, столицами двух государств. Была разрешена проблема доставки свежих фруктов в Китай, которая омрачала отношения между странами в течение всего 2022 года (китайские пограничники не пропускали вьетнамские фуры с фруктами, обосновывая это мерами борьбы с пандемией Covid-19).

Но не это стало главным, а то, что вьетнамский лидер заявил, что спорные проблемы Южно-Китайского моря не должны влиять на общее развитие отношений между двумя странами. Более того, Чонг подтвердил верность своего государства политике «трех нет» (не вступать в военные блоки, не заключать военные союзы с какой-либо страной против третьей страны, не предоставлять свою территорию под военные базы иностранных государств). Таким образом он заверил китайского руководителя, что разговоры о каком-то военном альянсе Вьетнама и США против Китая не больше, чем выдумка [9]. В совместном коммюнике по итогам визита руководители СРВ и КНР заявили, что не позволят кому-либо мешать прогрессу их отношений. Это также можно рассматривать как сигнал Вашингтону.

Визит Нгуен Фу Чонга поднял вьетнамо-китайские отношения, которые официально квалифицируются как всеобъемлющее стратегическое партнерство, на новую высоту с новой перспективой. Можно добавить, что уверенность в таком позитивном векторе развития придают изменения, произошедшие в конце 2022 – начале 2023 года, когда из партийно-государственного руководства Вьетнама ушли президент Нгуен Суан Фук и первый вице-премьер Фам Бинь Минь, активно отстаивавшие линию на расширение связей со странами Запада. Симптоматично, что, несмотря на желание администрации Байдена провозгласить в 2022 году отношения двух стран стратегическим партнерством, этого не произошло из-за позиции Ханоя.

В отношении Филиппин пекинское руководство применяет схожий подход. 3–5 января 2023 года в Пекине с официальным визитом побывал новый президент Филиппин Фердинанд Маркос-младший. Визит прошел в весьма дружественной атмосфере. Главы двух государств договорились «совместно открыть новую главу всеобъемлющего стратегического партнерства». Были подписаны 17 документов, которые касались расширения торгово-экономических связей между двумя странами, включая выделение кредитов для Филиппин. Примечательно, что в ходе визита был подписан документ о намерении двух сторон создать систему оповещения о ракетных пусках и была достигнута договоренность установить прямую линию для переговоров на случай обострения ситуации в Южно-Китайском море. То есть стороны продемонстрировали стремление предотвращать возможные конфликты на ранней стадии, что полностью соответствует заявлениям лидеров обеих стран о том, что территориальный спор они будут решать мирным путем. Обращают на себя внимание звучавшие в те дни заявления филиппинских политиков, что «морские проблемы не определяют всю полноту наших отношений с Китаем» [7].

Позиция китайской дипломатии, нацеленной на то, чтобы настроить соседей на развитие экономического сотрудничества, открытость в торговых отношениях, мирное решение территориальных споров, заметно контрастирует с поведением американцев в регионе. В качестве яркого примера можно привести визит на Филиппины в ноябре 2022 года вице-президента США Камалы Харрис. Этот визит многими местными жителями был воспринят как провокационный не только потому, что в центре переговоров было оборонное сотрудничество двух стран, но и по таким мероприятиям в ходе визита, когда вице-президент США посетила рыбацкую деревню и базу пограничных катеров на острове Палаван, то есть то место, которое ближе всего расположено по отношению к спорным с Китаем водам Южно-Китайского моря. И ее заявления там иначе как подстрекательскими не назовешь. Вот ее слова: «Мы должны всегда повторять, что мы вместе с вами

защищаем международные правила и нормы, касающиеся Южно-Китайского моря. А вооруженное нападение на Филиппины, их вооруженные силы, гражданские суда или самолеты в Южно-Китайском море актуализирует обязательства США по взаимной обороне» [2].

Но эксперты на Филиппинах и за пределами этой страны все меньше верят в то, что США придут на помощь островной республике в случае ее конфликта с Китаем [11].

Подстрекательская политика США, направленная на создание хаоса и вражды в Южно-Китайском море, остается в стратегии Белого дома. И примирительный тон, видимость которого проявилась во время первой личной встречи Си Цзиньпина и Байдена 14 ноября 2022 года на индонезийском острове Бали, имеет мало общего с той линией, которую, очевидно, будет проводить Белый дом в Южно-Китайском море. Цель Вашингтона все та же – помешать возвышению Китая и обеспечить гегемонию США.

Поэтому, видимо, придется согласиться с прогнозом, появившимся в начале 2023 года в South China Morning Post: «Растущая напряженность в Азиатско-Тихоокеанском регионе, вероятно, сохранится в ближайшие месяцы, поскольку западные страны пытаются вмешаться в спор в Южно-Китайском море, чтобы сдержать напористость Китая» [8].

Литература

1. Круглый стол «XX съезд КПК» // Проблемы Дальнего Востока. – 2022. – №4. – URL: <https://pdv.jes.su/s013128120023532-6-1/> (дата обращения: 20.01.2023).
2. *Логина К.* К себе манила: вице-президент США настраивает Филиппины против Китая. – URL: <https://iz.ru/1429484/kseniialoginova/k-sebe-manila-vitce-prezident-ssha-nastrivaet-filippiny-protiv-kitaia> (дата обращения: 27.11.2022).
3. *Локшин Г.М.* Южно-Китайское море: трудный поиск согласия. – М.: ИДВ РАН, 2013. – 240 с.
4. *Милославская Т.П.* Бруней в территориальных спорах // Юго-Восточная Азия: Актуальные вопросы развития. – 2012. – №19. – С. 223–232.

5. Full Text of Xi Jinping's Speech at China's Party Congress. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2022-10-18/full-text-of-xi-jinping-s-speech-at-china-20th-party-congress-2022> (accessed: 20.10.2022).
6. Joint statement between the People's Republic of China and the Republic Philippines, 2023-01-05. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zxxx_662805/202301/t20230105_11001064.html (accessed: 08.01.2023).
7. *Ip Cyril*. China and Philippines agree on new channels to resolve South China Sea maritime disputes among their 14 new deals. – URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3205644/china-and-philippines-agree-new-channels-resolve-south-china-sea-maritime-disputes-among-their-14> (accessed: 10.01.2023).
8. *Muhammad Zulficar Rahmat*. China is building up its military. Can Indonesia step up to maintain regional security. – URL: https://www.scmp.com/week-asia/opinion/article/3206687/china-building-its-military-can-indonesia-step-maintain-regional-security?module=perpetual_scroll_0&pgtype=article&campaign=3206687 (accessed: 25.01.2023).
9. *Shi Jiangtao*. China, Vietnam vow closer ties to “manage” South China Sea dispute in joint focus on external challenges. – URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3198175/china-vietnam-vow-closer-ties-manage-south-china-sea-dispute-joint-focus-external-challenges> (accessed: 10.11.2022).
10. *Valencia Marc J*. South China Sea: expect more close calls, high tensions in 2023 amid military build-up. – URL: <https://www.scmp.com/comment/opinion/asia/article/3207306/south-china-sea-expect-more-close-calls-high-tension-2023-amid-military-build> (accessed: 25.01.2023).
11. *Valencia Marc J*. US military Support for Philippines in the South China Sea is no sure thing. – URL: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3203284/us-military-support-philippines-south-china-sea-no-sure-thing?module=live&pgtype=homepage> (accessed: 25.01.2023).
12. Vietnam fisherman recounts attacks by China coastguard in South China Sea. – URL: <https://www.scmp.com/news/asia/southeast-asia/article/3196026/vietnam-fisherman-recounts-attacks-china-coast-guard-south> (accessed: 26.11.2022).

13. *Wong Catherine*. South China Sea: focus on oil and gas? Not maritime dispute, Beijing urges Philippines. – URL:<https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3118173/south-china-sea-focus-oil-and-gas-not-maritime-dispute-beijing> (accessed: 20.11.2022).

Меркулова Д.Г.,

магистрант,

Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород.

Daria G. Merkulova,

Master's Student,

Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod.

E-mail:mrklv.dr@gmail.com

Рыжов И.В.,

доктор исторических наук,

профессор,

заведующий кафедрой истории и политики России,

Институт международных отношений и мировой истории, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород.

Igor V. Ryzhov,

Doctor of Historical Sciences,

Professor,

Head of the Department of History and Politics of Russia. National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod.

E-mail: ivr@imomi.unn.ru

ПОСЛЕДСТВИЯ КАТАРСКОГО ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО КРИЗИСА ДЛЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ

THE CONSEQUENCES OF THE QATARI DIPLOMATIC CRISIS FOR REGIONAL SECURITY IN THE MIDDLE EAST

Катарский кризис представляет собой дипломатический конфликт между Катаром, с одной стороны, и Саудовской Аравией, Египтом, ОАЭ, Бахрейном – с другой, вызванный заявлением в поддержку Ирана и ХАМАС на государственном катарском информационном сайте QNA в мае 2017 года. В публикации значилось, что заявление сделал правящий эмир Тамим бин Хамад Аль Тани, однако Доха назвала данное видео кибератакой с целью намеренного подрыва отношений Катара со странами Ближнего Востока. Данное событие дало повод к новому разрыву дипломатических отношений

между Саудовской Аравией, ОАЭ, Йеменом, Египтом, Бахрейном и Катаром, однако в начале января 2021 года арабские государства все же сняли дипломатическую блокаду Катара и подписали соглашение о примирении.

После начала катарского дипломатического кризиса в регионе Ближнего Востока активизировались внерегиональные акторы, такие как США, Великобритания, Франция, Россия.

Причины катарского дипломатического кризиса

1. Борьба за лидерство в регионе между тремя основными акторами – Саудовской Аравией, Египтом и Турцией [8], – открывшей свою первую военную базу на Ближнем Востоке, в непосредственной близости к Саудовской Аравии.

2. Наследный принц Мухаммед бен Салман, который также является министром обороны, проявляет себя ярким сторонником «сильного присутствия Саудовской Аравии в регионе» [8].

3. Турция планировала с помощью своей военной базы в Катаре стать тем государством, которое будет влиять на систему безопасности в регионе Персидского залива.

4. Турция поддержала Катар в блокаде не только политическими, но и гуманитарными методами.

5. Размещение турецких военнослужащих на базе в Катаре расценивалось Анкарой как оказание политической поддержки Дохе из-за сложившегося кризиса среди аравийских монархий. Турция неоднократно проводила совместные учения с Катаром, которые были направлены на повышение эффективной борьбы с экстремизмом и терроризмом [8].

Последствия катарского кризиса

Турция усилила военное присутствие в регионе, она расположила на территории Катара свою военную базу, что явно не устраивает Саудовскую Аравию по ряду причин. В 2014 году между Турцией и Катаром было подписано соглашение об укреплении двустороннего сотрудничества. Позже, уже в 2015 году, данное соглашение вступило в силу. «В октябре 2015

г. в Катаре были проведены турецко-катарские учения Nasr-2015. 100–150 турецких военнослужащих, которые приняли участие в учениях, не вернулись из Катара. В декабре 2015 г. было заявлено, что в Катаре будут размещены около 3 000 военнослужащих» [8]. Создание базы, являющейся частью соглашения, подписанного в 2014 году, усиливает партнерские отношения с Катаром в период существующей нестабильности в регионе. Данная база является первой заграничной военной базой Турции на Ближнем Востоке [8].

Присутствие Ирана в регионе Персидского залива обостряло ситуацию в катарской блокаде. Даже после окончания катарского кризиса Государство Катар не поменяло своего отношения к партнерству с Ираном.

Саудовская Аравия стремится к союзу стран «аравийской шестерки» под своим началом и ведению общей внешней политики. КСА активно использует это сегодня в свою пользу, объединяя против Ирана страны ССАГПЗ [8], внутри которого существует разобщенность. Оман является союзником Ирана и по-прежнему поддерживает хорошие отношения с ним. Разногласия внутри ССАГПЗ связаны еще и с географическими факторами. Они наглядно проявляются в позиции Омана, который теснее связан с Ираном, чем с Аравийским полуостровом [7, с. 10–13]. Именно Султанат Оман помог Ирану вести закулисные переговоры в верхах между самим Ираном и Западом, «заложившие основу для последующих переговоров группы «5+1» [7, с. 14–18].

Существует много противоречий, основывающихся на противостоянии Ирана с Королевством Саудовской Аравии, или так называемой ирано-саудовской холодной войне, во всем регионе Ближнего Востока. Катарский дипломатический кризис является не первопричиной напряженности в отношениях с Ираном, а, наоборот, следствием противостояния двух региональных держав – Ирана и Саудовской Аравии.

Так, по мнению В.В. Наумкина и В.А. Кузнецова, разрядка в ирано-саудовских отношениях заставила бы интенсивно искать компромиссы по целому ряду региональных проблем, включая конфликты в Сирии и Йемене,

ситуацию в Ираке и Ливане, что в сочетании с благоприятными условиями в этих странах могло бы привести к нормализации обстановки во всем регионе [3, с. 12–20]. Это возможно только в случае позитивного сценария развития. В противном случае ухудшение отношений в рамках ССАГПЗ, а именно между КСА, Бахрейном и ОАЭ, с одной стороны, и Катаром, с другой стороны, делает невозможным улучшение положения в странах Благодатного полумесяца [3, с. 12–20]. Это только усугубит ситуацию в Сирии, Ливане и Ираке, а также в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива.

Йемен был одним из государств, который также разорвал дипломатические отношения с Катаром 5 июня 2017 года. Катар, участвовавший в коалиции «Буря решимости», возглавляемой Саудовской Аравией, был исключен из йеменской компании. В воздушных операциях в Йемене были задействованы десять истребителей катарских ВВС, в наземной кампании участвовали порядка одной тысячи катарских солдат [2]. Йемен обвинил Катар в поддержке «Аль-Каиды» и ИГИЛ (террористические организации, деятельность которых запрещена в России), а также в сотрудничестве с повстанцами.

Саудовская Аравия и ее союзники истощают свои силы в коалиции против хуситов в Йемене. Иран все еще контролирует ситуацию в Йемене, несмотря на то что хуситы составляют меньшинство в стране и не имеют реальных возможностей [9]. Существует два пути предотвращения сильного иранского влияния. Первый путь состоит в том, что Саудовская Аравия начинает развивать и увеличивать свой военный потенциал для того, чтобы направить его против Ирана. Второй путь – продавливание идей через Оман. Йеменский конфликт не связан с Катаром и его выходом из коалиции, а основан на противостоянии Тегерана и Эр-Рияда [9]. Именно нестабильность в ирано-саудовских отношениях и продолжение конфликта в Йемене могут послужить причинами для развития негативного сценария не только в регионе Персидского залива, но и Благодатного полумесяца [3, с. 10–13].

Катарский дипломатический кризис привел к тому, что теперь регион Ближнего Востока, в частности субрегион Персидского залива, вызывает повышенный интерес со стороны внерегиональных акторов. Нельзя и приуменьшать *роль США*. Будучи главным союзником в области безопасности для всех участников Катарского дипломатического кризиса, США могли бы изменить ситуацию, а именно посадить Катар и страны «арабского квартета» за стол переговоров [4, с. 238].

5 января 2021 года в городе Эль-Ула состоялся 41-й ежегодный саммит стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива [9], в рамках которого было подписано так называемое заявление Эль-Уля о снятии дипломатической блокады Катара и примирении с ним, а также восстановлении отношений в рамках ССАГПЗ. Было предусмотрено открытие воздушных, сухопутных и морских границ с Государством Катар. В переговорах по восстановлению отношений участвовали страны «аравийской шестерки» и старший советник президента США Д. Трампа Джаред Кушнер, который способствовал сближению стран и смягчению требований монархий по отношению к Катару [6, с. 485].

Саммит проходил под председательством Мохаммеда бин Салмана, наследного принца, заместителя премьер-министра Королевства Саудовская Аравия.

В завершение саммита генеральный секретарь ССАГПЗ Фалах Аль-Хаджаф выразил благодарность монархам стран Персидского залива за их усилия по обеспечению успеха этого исторического саммита, продемонстрировав непоколебимую приверженность стран Персидского залива преодолению любых препятствий, мешающих его работе по развитию экономической интеграции и региона [6, с. 483–485].

Прогнозируя будущее Ближнего Востока в среднесрочной перспективе, мы можем выделить следующие противоречия, которые не позволят разрешить накопившиеся противоречия в первую очередь между мусульманскими государствами региона:

1. Саудовская Аравия терпит определенные неудачи по различным линиям фронта на Ближнем Востоке.

2. В Сирии большая часть вооруженной оппозиции, финансируемой странами ССАГПЗ, перешла под контроль Турции.

3. В Йемене бомбардировки хуситов привели к серьезной гуманитарной катастрофе и бедственному положению населения.

4. Турция продолжает укреплять свое влияние в регионе. Страна выступает против создания Курдистана, в данном вопросе позиции Анкары и Вашингтона полностью расходятся.

5. Если США будут увеличивать свое присутствие в регионе, это будет оказывать серьезное негативное влияние на отношения КСА и Ирана.

6. Подписанные договоренности в Эль-Уле о снятии дипломатической блокады в ближайшие годы не смогут восстановить прежний уровень доверия между странами ССАГПЗ.

7. КСА старается склонить Катар к антииранской коалиции и оказать сопротивление турецкому присутствию в регионе, но власти Катара не хотят рвать отношения с Турцией и Ираном.

Заключение

Катарский дипломатический кризис стал катализатором для многих событий на Ближнем Востоке. Существует много противоречий, которые так и не решены. Данная блокада стала следствием давнего противостояния Исламской Республики Иран и Саудовской Аравии, также в регионе появился новый игрок – Турция, что не устраивает саудовскую монархию.

Раскол внутри организации сделал ССАГПЗ, ранее самый продвинутый региональный блок арабского мира, дисфункциональным, о чем свидетельствует то, что еще в декабре 2018 года катарский эмир отказался от участия в ежегодном саммите глав государств ССАГПЗ в Саудовской Аравии.

Литература

1. *Габриелян А.* О судьбе турецкой базы в Катаре на фоне требований арабских стран // Институт Ближнего Востока. – URL: <http://www.iimes.ru/?p=35973> (дата обращения: 03.01.2023).
2. Катар вывел из Йемена свои части и авиацию после исключения эмирата из состава коалиции // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/4321148> (дата обращения: 03.01.2023).
3. *Наумкин В.В., Кузнецов В.А.* Ближний Восток: к архитектуре новой стабильности? // Международный дискуссионный клуб «Валдай». – М., 2020. – 20 с. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/files/31755/> (дата обращения: 02.01.2023).
4. *Рыжов И.В., Бородина М.Ю., Баранова Т.В.* Американская стратегия «достаточного присутствия» на Ближнем Востоке // Вестник МГИМО-Университета. – 2020. – 13(5). – С. 236–251. DOI 10.24833/2071-8160-2020-5-74-236-251
5. *Рыжов И.В., Бородина М.Ю., Савичева Е.М.* Основные проблемы региональной безопасности на Ближнем Востоке // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». – 2021. – Т. 7. – № 1. – С. 48–55. DOI: <https://doi.org/10.30914/2411-35222021-7-1-48-55>
6. *Рыжов И.В.* COVID-19 как фактор влияния на функционирование региональной подсистемы международных отношений на Ближнем Востоке в 2019–2022 гг. // *Via in tempore. История. Политология.* – 49 (2). – С. 479–488. DOI: 10.52575/2687-0967-2022-49-2-479-488
7. *Уэри Ф., Сокольский Р.* Концепция новой системы безопасности в Персидском заливе // Московский центр Карнеги. – 22 с. – URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Sokolsky_Wehrey_web_Rus2015.pdf (дата обращения: 02.06.2020).

8. Issy Ronald, How has holding a World Cup changed the way the world sees Qatar? // CNN. – URL: <https://amp.cnn.com/cnn/2022/12/17/football/> (датаобращения: 05.01.2023).
9. *Finn T.* Turkey to set up Qatar military base to face “common enemies” // Reuters. – URL: <https://www.reuters.com/article/us-qatar-turkey-military-idUSKBN0TZ17V20151216> (дата обращения: 05.01.2023).

Потемкина О.Ю.,
доктор политических наук,
Институт Европы РАН, Москва.
Olga Yu. Potemkina,
Doctor of Political Sciences,
Institute of Europe, RAS, Moscow
E-mail: olga_potemkina@mail.ru

УКРАИНСКИЕ БЕЖЕНЦЫ В ЕВРОПЕ: НОВЫЙ МИГРАЦИОННЫЙ КРИЗИС?

UKRAINIAN REFUGEES IN EUROPE: A NEW MIGRATION CRISIS?

После окончания миграционного кризиса 2015–2016 гг. Евросоюз начал усиленно готовиться к следующему. Предложенный Комиссией ЕС (далее – Комиссия) в сентябре 2020 года Пакт о миграции и убежище содержал необходимый раздел об инструментах, которые необходимо было согласовать в случае чрезвычайного миграционного притока. Но полтора года дискуссий в Совете ЕС (далее – Совет) не приблизили решение проблемы, хотя угроза нового наплыва ищущих убежище все это время была реальна. Массовый неконтролируемый приток из Афганистана после того, как страну покинули войска США и НАТО, в целом удалось предотвратить, но наплыв беженцев из Украины снова застал Евросоюз не вполне подготовленным.

По статистике УВКБ ООН, к началу 2023 года границы Евросоюза пересекли 17,7 млн человек из Украины, в обратном же направлении, из стран ЕС на Украину, выехали 9,6 млн человек. Пользуясь правом безвизового въезда в Шенгенскую зону на 90 дней, граждане Украины имеют возможность временно возвращаться на родину, а затем снова въезжать на территорию ЕС. В такой ситуации Комиссия вынуждена была в мае 2022 года признать, что не имеет четкого представления о числе беженцев из Украины, находящихся в настоящее время в ЕС. Многие из приехавших в приграничные страны двинулись вглубь Евросоюза, что впоследствии показали данные о получении

статуса «временной защиты». Прибывшие поначалу не демонстрировали большого стремления к регистрации и получению статуса «временной защиты» из опасения, что не смогут повторно въехать в ЕС, если вернуться на Украину. Все же к осени 2022 года ситуация прояснилась, появились данные о регистрации «временно защищенных». К январю 2023 года официально зарегистрировались в странах ЕС 4,94 млн человек со статусом «временной защиты», больше всего в Польше (1,56 млн), Германии (1 млн), Чешской Республике (481 тыс.), Италии (167 тыс.), Испании (161 тыс.), Болгарии (150 тыс.) [7].

Неравномерное распределение украинских беженцев вызывает серьезную обеспокоенность принимающих стран. Так, в июне 2022 года мэр Праги объявил о закрытии крупного регионального центра приема в столице, поскольку Прага перегружена. Городу пришлось прибегнуть к строительству палаточных городков, где беженцы живут в плохих условиях. Мэр города потребовал от правительства разработать систему переселения беженцев в менее перегруженные регионы страны. Чехия первой из стран ЕС запросила помощь в приеме украинских беженцев у Агентства ЕС по предоставлению убежища, полномочия и бюджет которого были увеличены с января 2022 года.

Масштабный миграционный приток в ЕС дал основание Совету по запросу Комиссии 3 марта принять решение об активации Директивы о временной защите, которая вступила в силу после опубликования в Официальном журнале ЕС 4 марта 2022 года [1, р.1–6]. Директива от 20 июля 2001 года о минимальных стандартах предоставления временной защиты в случае массового притока перемещенных лиц была разработана в ЕС в условиях массового приезда беженцев из бывшей Югославии в Германию в 1999 году, но никогда ранее не применялась. Статус «временной защиты» предоставляется претенденту незамедлительно на 6 месяцев с возможностью продления несколько раз в течение трех лет в исключительных случаях, когда «существует риск того, что система предоставления убежища государственных не справится с наплывом без последствий, которые препятствуют ее

надлежащему функционированию». Получившим «временную защиту» предоставляется социально-финансовая помощь, вид на жительство, они могут свободно передвигаться в пределах Шенгенской зоны, наделяются правом работать, возможностью пройти профессиональную подготовку, воспользоваться медицинским обслуживанием, а дети получают доступ к системе образования в государствах-членах. Таким образом, «временно защищенные» находятся в привилегированном положении в сравнении с другими категориями мигрантов, пользующихся международной защитой, так как им не надо проходить длительные, изнуряющие процедуры получения убежища. Данный статус позволяет его обладателю находиться в Евросоюзе в течение всего периода действия директивы и подать заявление об убежище. Вопреки предложению Комиссии о введении трехлетнего периода «временной защиты», Совет ЕС одобрил продление статуса до двух лет, сначала на полгода, затем в ожидании новой волны беженцев – до марта 2024 года.

На саммите в марте 2022 года главы государств и правительств вынуждены были признать, что новый кризис «представляет серьезную проблему для инфраструктуры и общественных услуг» государств – членов ЕС, особенно граничащих с Украиной. В Плане действий из 10 пунктов, в который вошли предложения по координации действий государств-членов, уделено много внимания противодействию торговле людьми. Комиссия и Совет опасаются, что преступные группы могут воспользоваться уязвимостью прибывших женщин и детей для сексуальной или трудовой эксплуатации. К теме торговли людьми неоднократно обращался Совет, предупреждая и о других видах угроз большого миграционного притока: проникновении преступников и террористов, которые могут использовать поддельные удостоверения личности, незаконном обороте оружия, ввозе украденных автомобилей и запчастей, росте наркотрафика – одним словом, попытках преступных организаций «воспользоваться обстоятельствами для расширения своей незаконной деятельности» [4]. О росте незаконных поставок оружия из Украины в ЕС и из стран Западных Балкан на Украину через ЕС докладывал

Ф. Леггери, тогдашний директор Агентства ЕС сухопутной и береговой охраны (Фронтекс) [3].

Проблемой для получения школьного и университетского образования украинскими беженцами становится языковой барьер. Чтобы преодолеть его, ЕС предоставляет образовательные онлайн-ресурсы на украинском языке через Портал школьного образования ЕС. Однако коммуникация между учениками и учителями все же затруднена. Согласно исследованию, проведенному Университетом Коменского (Братислава) среди более чем 6 тыс. словацких учителей, они приветствовали бы языковую поддержку в образовании, но не видят при этом заинтересованности со стороны украинских студентов к изучению словацкого языка [2].

Министры здравоохранения ЕС прилагают усилия для нейтрализации еще одной потенциальной угрозы – распространения серьезных заболеваний и эпидемий. Отдельная статья предстоящих расходов – вакцинация как от коронавируса, так и от таких серьезных заболеваний, как туберкулез, корь, полиомиелит, брюшной тиф и дифтерия. Через Европейский механизм гражданской защиты вакцины направляются в Чехию, Словакию и Молдавию.

В то же время в организации приема украинских мигрантов Комиссия преследует не только гуманитарные цели. В ЕС чрезвычайно актуальна проблема старения и сокращения трудоспособного населения. Ощущается и нехватка квалифицированных специалистов, необходимых для осуществления «зеленого перехода», курса на цифровизацию экономики, глобального лидерства в области здравоохранения. Масштабный приток беженцев, среди которых много специалистов в различных областях, помогает государствам-членам решить проблему нехватки квалифицированной рабочей силы и предоставляет возможность протестировать новый инструмент ЕС, разработанный для привлечения легальных мигрантов, – «Пул талантов» (кадровый резерв).

Осознавая, что государства-члены нуждаются в финансовой поддержке для решения как неотложных, так и долгосрочных задач по приему и

обустройству получивших временную защиту, Совет в апреле 2022 года принял поправки к действующему законодательству, что позволило государствам-членам перенаправлять на помощь беженцам из Украины средства, оставшиеся не истраченными по программам на 2014–2020 гг. из Фондов сплочения и внутренних дел. Был также выделен транш в рамках макрофинансового пакета+ в размере до 18 млрд евро на 2023 год [5, p. 1–5].

Проблема заключается в том, что средства из европейских фондов направляются местным органам власти и ассоциациям, которые организуют прием, но часто не доходят или идут очень долго из-за сложной бюрократической процедуры выделения средств: сначала Комиссия объявляет тендер, потом выбирает победителей – все это происходит очень медленно. В результате местные власти вынуждены опираться на собственные бюджеты, которых явно не хватает на жилье, школы, социальные выплаты, и, таким образом, отказываться частично от своих обязательств по приему украинцев. Растет недовольство как европейцев, страдающих от урезания социальной помощи и перегруженности инфраструктур, так и беженцев, ожидания которых не оправдываются.

Миграционный приток из Украины несет серьезные проблемы как Евросоюзу, так и всей Европе. Пока рано говорить о миграционном кризисе, так как Евросоюз и государства-члены справляются с ситуацией. Но он может набрать обороты по мере ощутимого недостатка средств и инфраструктуры для приема мигрантов, ищущих убежище и временно защищенных, роста преступности и активизации сетей торговли людьми и оружием. Солидарность государств-членов по приему ищущих убежище и временно защищенных остается под вопросом.

Организация приема украинских беженцев показывает, что вполне реально создать легальные каналы приезда мигрантов даже в чрезвычайных ситуациях, чего Евросоюзу не удавалось сделать в прошлом. Но при этом многие европейские политики поспешили приветствовать тех, кого они называют «настоящими беженцами». При этом несколько международных

организаций уже выразили озабоченность в связи с документально подтвержденными случаями дискриминации и расизма по отношению к африканцам, индийцам, пакистанцам и выходцам с Ближнего Востока – «ненастоящим» беженцам, которых стало принято называть «инструментом гибридных угроз». Дискриминацию все чаще ощущают и сами украинцы, о чем уже сообщалось в некоторых государствах – членах ЕС [6, р. 32]. Дискриминация мигрантов, которая вызывает протесты политиков и общественности, может стать еще одним фактором дестабилизации европейского общества.

Литература

1. Council Implementing Decision (EU) 2022/382 establishing the existence of a mass influx of displaced persons from Ukraine // Official Journal, L 7. – 4.3.2022. – p. 1–6.
2. European Commission. Slovakia: Challenges in the education of refugee children from Ukraine Flag of Slovakia. 21.06.2022. – URL: https://ec.europa.eu/migrant-integration/news/slovakia-challenges-education-refugee-children-ukraine_en (accessed 21.03.2023).
3. Frontex. Fabrice Leggeri: We are concerned about human trafficking and gun smuggling. 06.04.2022. – URL: <https://frontex.europa.eu/media-centre/news/news-release/fabrice-leggeri-we-are-concerned-about-human-trafficking-and-gun-smuggling--ZU83Tk> (accessed 21.03.2023).
4. Global assessment of the criminal threat in the context of the war in Ukraine // Council of the EU. 31.03.2022. – URL: <https://eur.europa.eu/f/13n> (accessed 20.01.2023).
5. Regulation (EU) 2022/562 of the European Parliament and of the Council of 6 April 2022 as regards Cohesion's Action for Refugees in Europe (CARE) // Official Journal, L 109. – 8.04.2022. – p. 1–5.
6. The EU grants temporary protection for people fleeing war in Ukraine // CEPS Policy Insights. – 09.03.2022. – No 202. – 33 P. UNHCR. Ukraine refugee situation/ 17.01.2023. – URL: <https://data2.unhcr.org/en/situations/ukraine> (accessed 20.01.2023).

Рудницкий А.Ю.,

доктор исторических наук,
профессор кафедры международной и национальной безопасности,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Artem Yu. Rudnitsky,

Doctor of Historical Science, Professor,
Department of International and National Security,
Diplomatic Academy, MFA of Russia, Moscow.
E-mail: artem-rud55@yandex.ru

**ОБ «УКРАИНСКОМ ВОПРОСЕ»:
АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ**

**ON “UKRAINIAN ISSUE”: ARCHIVE DOCUMENTS AND
HISTORICAL PARALLELS**

В основу статьи положены материалы архивов МИД России, которые характеризуют украинский национализм и стремление западных держав использовать его для ослабления России.

Вторая половина XIX – начало XX века были отмечены подъемом украинского национального движения. В российской политической лексике получили широкое хождение такие термины, как «украинство», «украинский вопрос» и «самостийники». Первый подразумевал всю совокупность культурно-этнических особенностей и социально-политических чаяний жителей юго-западной России (Малороссии). Второй – увесистую связку противоречий, возникших в связи с резко негативной реакцией официального Петербурга на национальное самоутверждение украинцев. Третий – приверженцев самостоятельности (самостийности) Украины.

Вместо того чтобы попытаться инкорпорировать «украинство» в общественную жизнь империи социально-экономическими и гуманитарными, «мягкими» средствами, правительство окрестило это явление «новым мазепианством» и взяло курс на его искоренение диктатом и репрессиями. Результат оказался обратным желаемому. Национализм окреп при поддержке Австро-Венгрии и Германии.

В Первую мировую войну украинские вооруженные формирования сражались против русской армии, появились националистические организации, не видевшие иного пути, кроме конфронтации с Россией. Украинский националистический деятель В.Я. Степанковский заявлял: «Украинские организации <...> стояли и до сих пор стоят на точке зрения, что Россия является непримиримым врагом наизыментарнейших культурных потребностей украинской нации, государством, которое неспособно искренне пойти навстречу вековым стремлениям украинцев к автономной национальной жизни, государством <...> которое должно быть ослаблено и, наконец, разбито для блага не одних украинцев, а всех живущих на его границах народов <...> для блага всей Европы, для которой дальнейший рост России являлся бы страшной угрозой уже в течение ближайших лет» [1, 4–4 об].

После революции проект самостийной Украины получил практическое воплощение в виде государственных образований, которые могли существовать лишь благодаря иностранной поддержке и оказались недолговечными. Вместо них была создана Украинская Советская Социалистическая Республика. Но украинский национализм не утратил своего влияния, напротив, набрал силу, бросив вызов теперь уже большевистской России и по-прежнему опираясь на ее противников.

16 марта 1922 года в письме в Политбюро ЦК РКП(б) нарком по иностранным делам Г.В. Чичерин резюмировал: «Западные государства уже неоднократно обнаруживали стремление сепаратно заигрывать с Украиной <...> и вообще с окраинными государствами и разыгрывать их против РСФСР». Обращая внимание на то, что «национально-демократическая стихия чрезвычайно сильна в окраинных государствах», Чичерин указывал на попытки западников «влиять» на украинских представителей, «развивать в них великодержавные и сепаратистские тенденции, вносить рознь между ними и Россией» [2, с. 3].

Материалы, посвященные переговорам между РСФСР и Украиной в мае – октябре 1918 года, показывают, что Киев, опираясь на поддержку Германии, оказывал жесткое давление на советскую делегацию (ее возглавлял Х.Г. Раковский) и стремился добиться от нее максимума территориальных уступок. Украинцы не хотели довольствоваться той территорией, которая передавалась им немцами (и была занята германской армией), и старались продвинуть ее еще больше на север и восток. Раковский констатировал, что предлагавшаяся граница «совершенно не соответствует демаркационным линиям, разработанным при честных перемириях». На севере она «идет вплоть до самого Курска и почти до Воронежа на Востоке» и «заходит на десятки верст за теперешние позиции германской армии». На юге эта граница следовала по реке Донцу, оставляя за немцами Батайск, затем от Луганска заворачивала к Азовскому морю [3, с. 6]. Самостийники планировали включить в «Великую Украину» Курскую и Воронежскую губернию, Ростов и часть Таганрогского уезда [3, с. 38].

Но и этого было мало. Раковский докладывал в Центр, что украинцы готовились предъявить претензии «чуть ли не на часть Сибири, ссылаясь на то, что там есть двести тысяч украинцев и что Сибирь нужно рассматривать как колонию по отношению к метрополии» [3, с. 11].

Одним из камней преткновения был вопрос о Крыме, который украинцы собирались включить в состав своего государства [3, с. 11]. Однако немцы не собирались во всем потакать самостийникам и слишком антагонизировать Москву. Германский посол при правительстве П.П. Скоропадского А. фон Мумм делился с Раковским имевшейся у него информацией. Он сообщал, что украинцы «сильно желают его (Крым – А.Ю.) получить», что «вопрос трудный», и рекомендовал Советской России «поскорее заявить о сохранении ее прав» [3, с. 11].

Раковский успел понять, что Берлин относился к украинской самостоятельности достаточно скептически, цинично [3, с. 11] и использовал ее как карту в собственной геополитической игре.

После краха «Украинской державы» Скоропадского пришло время петлюровцев, которые буквально залили кровью Украину. Характерно, что еврейские погромы, массовые убийства и насилие происходили при попустительстве и прямом поощрении со стороны французских интервентов, которые в конце 1918 года высадились в Одессе, Николаеве, Севастополе, Херсоне и Новороссийске. В официальной ноте от 14 марта 1919 года, подписанной Раковским (в то время – Председатель Совета народных комиссаров и Народного комиссариата по иностранным делам Украины) и адресованной Министерству иностранных дел Франции, детально перечислялись зверства интервентов и опекаемых ими националистов. Наиболее известный эпизод – еврейский погром в Проскурове 19 февраля 1919 года.

С изгнанием петлюровцев, завершением Гражданской войны, советско-польской войны и других потрясений, через которые прошла Украина, наиболее радикальные сторонники самостоятельности отправились в эмиграцию, обосновавшись, в частности, в Польше. Там разрабатывались планы дальнейшей борьбы с Советской Россией, а потом и с СССР.

В апреле 1920 года правительство УНР (Украинской Народной Республики), базировавшееся в Польше, заключило военную конвенцию с Русским политическим комитетом Б.В. Савинкова. Архив МИД России располагает полным текстом Конвенции. В числе совместно поставленных задач значились освобождение Украины «от большевистской оккупации» и создание независимого украинского государства во главе «с головным атаманом Симоном Петлюрой» [4, с. 1]. Вооруженные силы савинковцев пополнялись петлюровскими частями в количестве 18 тыс. бойцов [4, с. 1].

Одновременно правительство УНР подписало тайную политическую и военную конвенцию с польскими властями (была предана огласке только в 1926 году). В ходе советско-польской войны украинские войска должны были принимать участие в боевых действиях под польским командованием. Ко всем украинским частям и штабам приставлялись польские офицеры. Взамен

Варшава признавала украинскую «самостийность» под предводительством Петлюры [5, с. 47–60].

Сохранилось немало свидетельств того, как петлюровские банды, базировавшиеся в Польше, переходили границу Украины, устраивая там грабежи, поджоги, расстрелы мирного населения, еврейские погромы [6, с. 6–7].

В 1920–1930-е годы украинские националисты активно сотрудничали с польскими властями, несмотря на то что последние проводили политику полонизации на восточных территориях страны. К 1927 году там было закрыто 2 000 украинских народных школ, 500 православных церквей [6, с. 6].

Националисты открыто подчеркивали, что выступают как против СССР, так и России. На съезде украинской эмиграции в Кракове в 1927 году они «заклеймили коварную политику советского правительства», объявив, что оно «стремится к воскрешению "единой и неделимой России", эксплуатируя во всех отношениях жизненные силы украинского народа в пользу чуждого его духу московского центра» [6, с. 2].

25 декабря 1927 года на собрании украинской колонии в Париже выступил генерал В.П. Сальский, один из участников польского похода на Киев. По его словам, «возрождение России в прежних границах было бы вредно и опасно для политического равновесия на Востоке». Поскольку предотвратить эту угрозу сами украинцы были не в состоянии, Сальский призывал искать помощи Запада, который «должен начать активную защиту от СССР и его влияний». Указывалось, что «простейшим путем, ведущим к этому, является поддержка "процесса раздробления России на отдельные национальные организмы"». Этот процесс «ярко выявил себя в 1917 г., когда украинский народ объявил себя независимым». Особые надежды Сальский, по всей видимости, возлагал на нацистов и говорил, что «Украина, являющаяся главной опорой могущества России, став независимой, была бы первым условием нацификации Востока и основой нового положения вещей, в котором заинтересована не только Украина, но и ряд европейских держав».

Еще один пример националистических настроений взят из статьи, опубликованной в эмигрантской прессе 25 февраля 1927 года: «...Его (украинского народа – А.Ю.) огромные богатства являются фундаментом существования наиболее дикого образования под солнцем, каким является Россия...». Автор призывал Польшу и другие западные государства поскорее разделаться с Москвой, и тогда «над жизнью Европы перестанет тяготеть русский идол, бросающийся постоянно на своих глиняных ногах на ее культуру и являющийся рассадником наиболее дикого разрушительного возбуждения...» [6, с. 14].

Западных экспертов вполне устраивал подобный подход. В архиве сохранился служебный перевод статьи из британского журнала *National Review* (декабрь 1929 года), посвященной украинской проблеме. В ней говорилось: «Одним из аргументов в пользу независимой Украины является тот факт, что по свидетельству истории, пока она принадлежит России, до тех пор Россия является угрозой для всеобщего мира. Украина была основой ее экспансионистской политики в отношении Польши, Черного моря и Балкан...». Кроме того, как подчеркивал автор статьи, отнять у России Украину важно и для того, чтобы лишить ее значительных экономических ресурсов. Констатировалось: «Дайте независимость Украине и нанесете вернейший удар в самое сердце советского строя» [7, с. 62].

Украинские националисты акцентировали свою русофобию, но при этом старались лишней раз не афишировать свою ненависть к национальным меньшинствам, проживавшим на территории Украины. Тем не менее полностью скрыть свои чувства не удавалось. В резолюцию уже упомянутого съезда в Кракове был включен следующий пункт: «Национальные меньшинства на Украине, которые без оговорок встали на сторону оккупантов и были авангардом Московских государственных политических и социальных идеалов, доказали еще раз украинскому народу, что им чужды его стремления к независимой жизни. На это украинский народ должен обратить внимание при строительстве своего государства» [7, с. 2].

Так и произошло спустя 14 лет, когда подразделения украинских националистов вместе с гитлеровцами вторглись на территорию СССР. Они «обратили внимание» на евреев и поляков, уничтожая их еще более жестоко и изощренно, чем немцы.

Усердствуя в своем национализме и расовом высокомерии, самостийники презирали и унижали чуть ли не все славянские народы. «Не повезло» даже белорусам. «Разве можно поставить на одном уровне бедную, недифференцированную, темную Белоруссию, в которой самосознание выступает как нечто негативное <...> почти не имеющую ни одного большого города, и Украину?», – риторически вопрошали националисты [7, с. 25].

В архивных материалах сохранились свидетельства тесных связей главаря основанной в 1929 году Организации украинских националистов (ОУН) Е.М. Коновальца с немецким военным командованием. Впервые этот «единственный вождем нации» упоминается в документах, относящихся к периоду после 1926 года, как «организатор боевых фашистских организаций». К тому же времени относятся данные о том, что он получал финансовые средства от германского министерства обороны [8, с. 88].

С приходом к власти Гитлера поддержка ОУН существенно расширилась и приняла системный характер. Советский дипломат С.С. Александровский, работавший в начале 1930-х годов в полпредстве в Германии, писал 2 июля 1932 года, что нацисты отводят украинским националистам заметное место в своих агрессивных планах. Отмечалось, что советские ведомства «слишком недооценили работу с украинской эмиграцией за границей», «ничего не противопоставляют» активности националистов, что может иметь весьма негативные последствия. Резюмировалось: «Украинский вопрос сейчас всплывает. В обстановке непосредственной угрозы войны, и тем более в случае войны он будет приобретать все большее и большее значение, и мы не должны будем удивляться, если только столкнемся с ним в недалеком будущем в таких формах решений, которые могут обойтись нам чрезвычайно

дорого. К этому нужно было бы подготовиться и подготовку провести самым радикальным образом» [9, с. 95–96].

Эти слова оказались провидческими. Та подготовка, к которой призывал дипломат, в полной мере так и не была осуществлена. С началом Великой Отечественной войны советские люди действительно столкнулись с украинским национализмом «в таких формах решений», которые обошлись им «чрезвычайно дорого». Пожалуй, намного дороже, чем мог предположить Александровский в 1932 году.

Организации украинских националистов поддерживали захватническую политику как Германии, так и Японии, рассчитывая, что она позволит им реализовать свои самостоятельные планы. Когда в 1931 году японцы оккупировали Маньчжурию, украинская радикальная эмиграция занялась вербовкой добровольцев для отправки на Дальний Восток. Предполагалось с японской помощью отторгнуть часть советской территории, населенной преимущественно украинцами (в служебных материалах НКВД отмечалось, что в Приамурье было «сосредоточено до 600 тыс. украинцев» [10, с. 67]), включая Никольско-Уссурийский край, т.н. Зеленый клин, и создать там «Украинскую дальневосточную республику» [11, с. 222]. Таким образом, националисты как бы возвращались к проектам режима Скоропадского, рассчитывавшего прибрать к рукам Сибирь.

Нужно сказать, что массовой вербовки волонтеров не получилось: не хватило ни средств, ни организационных ресурсов. Тем не менее несколько подготовленных в Германии инструкторов ОУН все же выехали на Дальний Восток «для проведения работы среди тамошних украинцев и на предмет формирования военных отрядов для борьбы с СССР» [12, с. 216].

ОУН не скрывала антипольской направленности своей деятельности. В ходе беседы в 1934 году с советским генконсулом во Львове Свитневым это подтвердил один из функционеров этой организации. Он откровенно признался: «К полякам отношение рядовых членов нашей организации и населения враждебное. Если бы хоть на короткий период вернулось время

1918 и 1919 г., то прямо страшно подумать, что сделало бы население с поляками на наших землях, особенно, конечно, с теми, кто имеет то или иное отношение к власти» [12, с. 213]. События Второй мировой войны подтвердили правоту его слов. Боевики ОУН и УПА (Украинская повстанческая армия, военное крыло УПА) самым жестоким образом расправлялись с польскими жителями, включая тех, кто никакого отношения к власти не имел, – с женщинами, детьми и стариками.

Тем не менее, как подтверждал тот же функционер, при всей своей ненависти к полякам главным своим врагом ОУН все же считала Советский Союз и Россию. По его словам, это не раз подчеркивало руководство ОУН во главе с Коновальцем. «На наших периодических совещаниях представители Коновальца всегда подвергали осуждению наши террористические акты в Польше, заявляя, что надо вести борьбу против основного, главного врага – СССР, а территорию Польши использовать для подготовки кадров» [12, с. 213].

Об этом говорилось и в «Краткой записке об украинских эмигрантах, проживающих в Германии», которую советское посольство в Берлине направило в Центр 6 июня 1941 года, за две с небольшим недели до нападения гитлеровцев на СССР. Отмечалось, что на специальном совещании по украинскому вопросу генерал-губернатор оккупированной Польши Ганс Франк сообщил о том, что Гитлер лично «интересовался у него тем, готова ли украинская организация к предстоящим большим событиям» [13, с. 125].

«Украинская организация» (то есть ОУН – А.Ю.) находилась в полной боеготовности, в отличие от советского командования. По сути, эта записка посольства была предупреждением о германской агрессии, и таких предупреждений, переданных в Москву посольством в Берлине в первой половине 1941 года, было более 50.

Впоследствии гитлеровская Германия и ее союзники были разгромлены, однако полностью искоренить фашизм, нацизм и национализм не удалось. Это относилось и к украинскому национализму. Причины необыкновенной

живучести этого явления многообразны. Одна из них (не главная, но существенная) заключается в том, что ни Российская империя, ни СССР, ни современная Россия не сумели выработать эффективной контрполитики «мягкой силы». И по мере неконтролируемого обострения ситуации на первый план вышло применение уже не «мягких», а вполне «жестких» методов, в том числе в формате СВО, начатой 24 февраля 2022 года.

Хотелось бы выделить следующее:

1. Нынешнюю кризисную, конфликтную ситуацию на Украине нельзя рассматривать обособленно. Это очередной этап противостояния сторон, но гораздо более острый, принявший формы масштабных боевых действий.
2. События, развернувшиеся в настоящее время на украинском треке, подтвердили, с одной стороны, слабость украинской государственности, а с другой – силу и ожесточенность украинского национализма.
3. Ни украинская государственность, ни украинский национализм в полной мере не самостоятельны. В споре с Россией они всегда опирались на поддержку внешних держав.
4. Внешние державы традиционно использовали украинский фактор в своих собственных интересах, но часто случалось, что «хвост начинал вертеть собакой». И эти внешние игроки оказывались в своего рода украинской ловушке.
5. Со стороны России, в каких бы ипостасях она не выступала (Российская империя, СССР или Российская Федерация»), всегда просматривалась недостаточная эффективность мер в формате «мягкой силы», направленных на усиление своего влияния на Украине, завоевание симпатий украинского общества, насколько это вообще реально.
6. Исторический опыт показывает, что достижение взаимоприемлемого политического урегулирования конфликта все же возможно, но лишь при согласии на это внешних сил (США, НАТО, ЕС), которые используют украинский фактор в своих интересах и от которых полностью зависит

украинское государство. Для этого как минимум необходимо осознание контрпродуктивности и бессмысленности конфронтационного подхода.

Литература

1. АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474, д. 22.
2. АВП РФ, ф. 04, оп. 52, п. 342 «а», д. 55322.
3. АВП РФ, ф. 04, оп. 51, п. 338, д.5 5180.
4. АВП РФ, ф. 04, оп. 22, п. 437, д. 62283.
5. АВП РФ, ф. 0122, оп. 10, п. 120, д. 1.
6. АВП РФ, ф. 04, оп. 32, п. 210, д. 52495.
7. АВП РФ, ф. 04, оп. 13, п. 148а, д. 549.
8. АВП РФ, ф. 0122, оп. 10, п. 126, д. 43.
9. АВП РФ, ф. 0122, оп. 16, п. 163, д. 36.
10. АВП РФ, ф. 0122, оп. 16, п. 163, д. 36.
11. АВП РФ, ф. 0122, оп. 16, п. 161, д. 18.
12. АВП РФ, ф. 01222, оп. 18, п. 169, д. 17.
13. АВП РФ, ф. 06, оп. 3, п. 12, д. 138.

РАЗДЕЛ 3. НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК: ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГЕОСТРАТЕГИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ

PART 3. NEW WORD ORDER: GEOPOLITICAL AND GEOSTRATEGIC DIMENSIONS

Антон Фризен,
доктор наук (политические исследования),
партийная группа АдГ в бундестаге,
член Комитета по международным делам.

Anton Friesen,
Doctor of Political Sciences,
Scientific Assistant, International Relations,
AfD parliamentary group.

Петр Быстрон,
член парламента,
спикер по внешней политике,
партийная группа АдГ в бундестаге,

Petr Bystron,
Dipl.sc.pol.Univ. (Member of Parliament, Foreign Policy Speaker, AfD
parliamentary group)
E-mail: anton.friesen@afdbundestag.de

НОВЫЙ МНОГОПОЛЯРНЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК (ЭКОНОМИКА, БЕЗОПАСНОСТЬ, КУЛЬТУРА)

THE CHANGING FACE OF THE WORLD. MULTIPOLAR PERSPECTIVES FROM INDIA, CHINA AND RUSSIA

Ushered in by the collapse of the Eastern bloc when the Warsaw Pact and Comecom were dissolved, the era of the United States' dominance as a sole hegemon is at an end. Though the shift in the global balance of power has spanned many years, there is a document and a date that put the seal on the end of that era, namely the Russia-China agreement of 4 February 2022. What scenarios are likely or conceivable when it comes to the development of a new world order? In the context of the war in Ukraine, that question is more urgent than ever. The conflict is a

symptom of the changes sweeping world politics; the war is not itself the sea change, but the geopolitical sea change is what has made the war possible.

The following paper is intended to set out various perspectives from leading think tanks in India, China and Russia.

The think tanks were selected according to their level of influence, including their rankings in think-tank league tables [6].

A brief depiction of the geopolitical and geo-economic circumstances will be followed by an outline of the (world) views of the leading think tanks, which will be rounded up in a concluding summary.

The geopolitical and geo-economic circumstances

The birth of a multipolar world

The multipolar world has been a reality for some time. In geopolitical and geo-economic terms, various centres of power exist and a new balance of power is emerging, which is associated with corresponding military and economic conflicts. As the EU as a whole, like its constituent members, has neither the strength nor the ambition to counter the United States' claim to hegemony, that confederation does not (yet) rank among the country's geopolitical rivals. That role is assumed by China and Russia, supplemented by their BRICS partners, India, Brazil and South Africa. The term 'BRIC(S)' was coined more than 20 years ago by the renowned economics expert Jim O'Neill.

The BRIC countries – Brazil, Russia, India and China – met for the first time in 2006, on the fringes of the G8 summit. The first BRIC summit proper took place in 2009. One year later, South Africa was added as a member of this rising group of emerging economies.

The BRICS countries represent

- four continents,
- 41 percent of the global population,
- 29 percent of the land area of the Earth,
- 24 percent of global GDP and
- 16 percent of global trade [1].

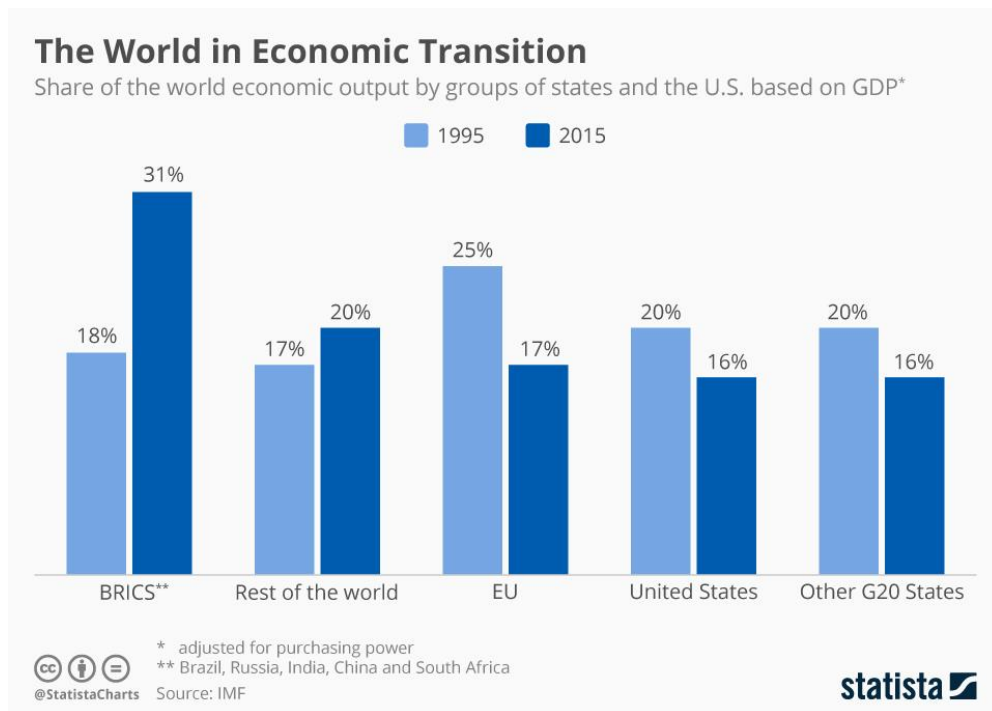

Figure 1. The world in Economic Transition

For comparison, the G7 countries today are responsible for 45 percent of global economic output – down from 65 percent just over 20 years ago. These statistics document the growing significance of the economies within the group. Economists consider China and India in particular to be emerging as global economic powers. China should overtake the United States in less than ten years, in terms of GDP. India can be expected to become the third-largest economy in the world by 2050.

Meanwhile, the EU’s share of global GDP has shrunk by almost a third since the turn of the millennium, currently amounting to only 18 percent. The decline of Europe – demographic, cultural and economic – continues unabated. Three of the most major crises of recent years have affected Europe alone (and especially the EU):

- the euro crisis,
- mass migration and
- Brexit.

The relative decline of the United States from 31 percent of global economic output to its current level of 25 percent is not as drastic as the decline of the Brussels

Eurocrats. Nevertheless, the entire Euro-Atlantic area is afflicted by the decline which has been ongoing for decades. The rise of the rest is accompanied by the diminution of the West [8].

The BRICS countries today are of pivotal importance to food security (Russia, Brazil, India), accounting for more than a third of global agricultural output [10]. China and India are moreover increasingly important centres of industry and innovation. India is considered one of the world's most significant IT hubs; China is leading the world when it comes to artificial intelligence, quantum computing, etc. Russia is one of the most important energy exporters around the world. The BRICS countries thus harmonise perfectly, economically speaking; their economies are complementary.

The world is returning to multipolarity – this time, however, under conditions of globalisation

China was the largest economy in the world for almost 2000 years. In 1820, it and India together accounted for nigh on half of global GDP [2]. The de-dollarisation of the global economy, the decline of the dollar as the top global reserve currency, is a long-term development that has picked up even more speed as a result of Russia's currency reserves in the United States and the EU being frozen. Moving away from the US dollar as the global reserve currency in favour of a multipolar array of currencies, as proposed in 2019 by Mark Carney, Governor of the Bank of England, reduces the geopolitical and geo-economic risks of one-sided dollar dominance [9]. In the aftermath of the global economic crisis that emanated from the United States in 2008, China concluded swap agreements with 40 countries to facilitate trade in the parties' national currencies. India and China have now also installed corresponding rouble-rupee mechanisms to pay for Russian energy exports. States like China and Russia have cut down their stocks of US sovereign bonds.

China and Russia as well as Russia and India are expanding cooperation on their own payment systems (credit cards and others) after the wide-ranging exclusion of Russia from the US-dominated – though Belgian-registered – SWIFT. From that

perspective, states like Iran, constrained by Western sanctions, could likewise join such payment and banking systems.

Global economic power can be transformed into military might, as the former is the foundation of the latter. Although the United States is still the country with the highest military expenditure by a long way, the fact that China is in second place, India in third and Russia in fourth puts three BRICS countries in the top four.

As well as BRICS, India, China and Russia are also members of the Shanghai Cooperation Organisation (SCO), another forum in which they liaise closely on security policy.

A hypothetical military alliance comprising Russia and China would quantitatively outgun the United States and NATO in almost all parameters; only their air forces put the United States and NATO ahead. In the Global Firepower Index, which takes into account a country's economic and military clout, Russia is ranked second, China third, India fourth and Brazil tenth in the world (for comparison, the United States is in first place, Germany in 16th and South Africa in 26th).

That said, the index does not take demographic development into consideration. Having attained a maintenance-level fertility rate can be seen as an indicator of stability and a viable social order and system, whereas demographic crisis is the outcome of a sociocultural decadence that jeopardises or gradually undermines sovereignty and (military) power projection, the safeguard of national sovereignty. The maintenance rate is 2.1. Russia achieves 1.5, the United States is on 1.6, China on 1.7, India on 2.2 and South Africa on 2.4 (all data for 2020 from the World Bank). That puts only India and South Africa over the maintenance threshold. In the bigger picture, then, India should be considered even stronger than its fourth place in the Global Firepower Index indicates, while Russia, the United States, China and Brazil are on the decline.

Despite the divergent interests and conflicts that undoubtedly persist between them (e.g. India versus China on the Kashmir question), the BRICS countries are working on the future of a new world order.

An analytical model of this understands the transformation of the world order as occurring in four stages, from unipolarity (1), to the erosion of power of the hegemon (2), leading to its delegitimisation (3) and the formation of anti-hegemonialistic alliances [9].

Just three weeks before the start of the war in Ukraine, in a joint statement issued on 4 February, China and Russia strongly condemned the eastward enlargement of NATO, rejected the influence of outside powers in the geopolitical spheres of influence (destabilisation and regime change), supported the Russian proposal for security guarantees (security agreements) in Europe and reaffirmed their own understanding of democracy. Equally, they expressed their intention to uphold the existing world order that came out of the Second World War and their rejection of formal Chinese-Russian alliances modelled on the Warsaw Pact, claiming that the current coalition and the contemporary strategic partnership between the two countries were superior to the political and military alliances of the Cold War era.

Global perspectives on the multipolar world

India

India's leading think tank (India having the second-largest number of think tanks in the world) is the Indian Council of World Affairs.

In his paper published on 11 May, Prof. Chintamani Mahapatra reaches the following conclusions on the future of the world order

“It will be an era of the existing superpower and the aspiring power [the United States and Russia – AF] vying [with] each other for spreading their influence around the world and checkmating each other in various fronts in different parts of the world (...). The US (...) has been clear about its strategic goals, as articulated in official documents, to work towards preventing the rise of a rival power. Chinese believe that there cannot be two tigers on the same mountain. Thus, simultaneous conflict, rivalry, cooperation and competition will mark the nature of Sino-US relations [my emphasis – AF]. Antagonism with Russia will make it difficult for the US to balance its relations with China. However, Russia will bank upon China in the absence of

alliances that the former Soviet Union could establish. China will also play the Russian card to ward off any major strategic challenge posed by the US and its allies. But there will be limits to Sino-Russian collaboration and Russia will certainly oppose Chinese inroads into its sphere of influence, particularly the former Soviet space [my emphasis – AF].

On India's role, he writes: «India will not be an alliance partner of any single power, but will seek strategic partnerships with most major powers [my emphasis – AF]” [4].

This is the role classically assumed by India, as seen in the Non-Aligned Movement.

China

After India, the next-largest number of think tanks is to be found in China. The leading example is China Institutes of Contemporary International Relations in Beijing. In a piece published in 2020, so before the war in Ukraine, US expert Niu Xinchun concludes that, although the processes of globalisation are still ongoing, nation states have a greater role to play as a result of increased nationalism, great-power rivalry and weakening of the global consensus (e.g. gridlock on the UN Security Council). Under one liberal international system, two economic systems have emerged – the liberal-democratic West versus Chinese-Russian authoritarian state capitalism. Interestingly, Niu rejects the American Decline theory, pointing out that the United States – in contrast to the EU – has maintained its global economic clout (holding on to a 25 percent share of GDP from 1980 to 2020, while the EU fell from 35 percent to just 21 percent – less than the US – Japan and Russia dropped from 10 percent to 6 percent and 3 percent to 2 percent respectively, and China grew from 2 percent to 16 percent). The United States, he writes, has experienced 12 recessions in the last 100 years (one every 10 years on average) and recovered each time. From 2010 to 2020, indeed, it had enjoyed its longest growth cycle since 1950. Niu writes that China, on the other hand, has known no recession for 40 years, which increases the risks and vulnerabilities. Niu also warns of the instability of a multipolar world. Particularly the transition to a new world order, he notes, is chaotic

and turbulent. He sees the aftermath of the COVID pandemic as bringing a great parting of ways, with some states and state systems reinventing themselves while others collapse. Only a few states (like the United States), he reckons, will manage to recover from such disasters [7].

Russia

Russia has comparatively few think tanks, not featuring among the top six in the world for think-tank numbers (Germany being in sixth place).

In-depth and far-reaching analysis – available in English – is provided by the Russian International Affairs Council (RIAC). The RIAC was founded by presidential decree in 2010, under Medvedev. The RIAC, in a long essay by Andrey Kortunov, lists three potential scenarios for a post-war world order [3]:

- (1) restoration,
- (2) reformation,
- (3) revolution.

The *restoration* scenario sees the power of the hegemon (United States) re-established and Russia isolated worldwide as a pariah state. Even traditional allies like Syria, Venezuela and Iran distance themselves from Russia in this scenario. Russia has entirely lost its position in the global energy and weapons markets. Strategic autonomy for Europe is no longer on the agenda. The collective West becomes even more consolidated than it was in the 1950s and 60s during the Cold War. Even China is forced to play by the rules of the liberal Washington consensus. The restoration scenario harbours great instability and is profoundly fragile, since, firstly, the power of the West relative to the “rest” is on the decline and, secondly, the internal problems in the West (decadence), should not be underestimated. Sooner rather than later, that restorative order will be transformed – if indeed it is even established after the war in Ukraine as a result of Russian defeat.

In the *reformation* scenario, the war in Ukraine is resolved by political negotiation. The United States agrees that Ukraine does not come within its sphere of influence and concentrates on combating China. Kyiv and the Western allies recognise the status of Crimea and Donbass at least *de facto*. The sanctions are at

least partially lifted. The nations of the Global South do not form a single unified anti-Russian front; on the contrary, Western unity begins to crumble. The US dollar's standing among global reserve currencies continues to shrink (having declined by 12 percent since the introduction of the euro in 1999; the US dollar today is still dominant, representing 59 percent of currency reserves around the world). In this scenario, the EU gains greater strategic autonomy, primarily by means of enhanced Franco-German cooperation. The EU expands, adding the Western Balkans to its membership, and the accession process is accelerated for Ukraine. Russia and China on one side and the United States/NATO on the other form a stable balance of power. Russia becomes increasingly dependent on China, incapable of playing an autonomous role. The West tries, in its own interests, to prevent an excessive degree of Russian dependence on China. Even in this scenario, however, the geopolitical differences between India and China will ensure there is no consolidation of Eurasia. Globalisation continues, to a greater extent than regionalisation. In the reformation scenario, the international system may evolve in the direction of a new bipolarity (United States versus China) or a multipolarity with an increasing role played by non-state participants.

In the *revolution* scenario, chaos breaks out. The war in Ukraine continues without an end in sight. Russia's internal stability is in jeopardy. Ukraine evolves into a hub of right-wing extremism in Europe. Radicalisation in the country continues unchecked. Today's global order collapses without a different model taking its place. Various regional powers try to assert order within their spheres of influence; Germany tries to defend the status quo, while Turkey, for example, takes a revisionist tack. The EU introduces restrictive migration policy intended to curb mass migration from the South. Several EU member states point out that they have taken in hundreds of thousands of Ukrainian refugees. Meanwhile, the Global South collapses under the migration burden. In this scenario too, there is movement away from the US dollar as the world's principal reserve currency.

In his evaluation, the analyst comes to the conclusion that the reformation scenario would be best from the Russian point of view, because the revolution

scenario would see Russia's position in jeopardy for the long term. The revolution model is moreover extremely unstable (even more unstable than the restoration model).

Assessment from a German perspective

From the point of view of the German national interest, a reformation scenario would be most desirable, as it would leave room for European strategic autonomy. It was as long ago as 1942 (as distinct from racist Nazi ideology) and then in 1950 that Carl Schmitt sketched out the outlines of a new world order in various writings. In it, regional hegemons (leading powers) each dominate a large geographical area – Schmitt's "*Großraum*" – in which outside powers are prohibited from interfering, forming a stable global balance of powers. Conflicts within those regions are resolved by the relevant leading power. The leading powers provide protection and order. In return, their legitimacy rests on the acceptance of the other, smaller powers. The *Großraum* concept is intended not as an encouragement to neo-imperialism but to prevent that very thing, and is opposed to the unipolar world order under complete US dominance. For German foreign policy, it creates the possibility of a nuanced policy of equidistance to the leading powers, as an alternative to the current German Government's servility to the United States, which has been heightened in the context of the war in Ukraine. Those efforts might be discerned in the continuity of the great social-liberal foreign minister and federal chancellor Walter Scheel and Willy Brandt (Treaty of Moscow signed in 1970 and new *Ostpolitik* launched; diplomatic relations established with China in 1972), who managed to enter into friendly relations with the Communist powers of the time, China and the USSR, and build on those ties over the following years – a major challenge of the day, especially in the case of the Soviet Union, which Germany had invaded not many years before. A policy like this would be a counterpoint to the current policy of unconditional acquiescence to the United States being implemented by the present government, the negative economic consequences of which are already evident after a few weeks. Every further deterioration in the economic situation that comes of the sanctions against Russia will make such a policy more attractive.

References

1. Evolution of BRICS. – URL: <https://brics2021.gov.in/about-brics> (accessed: 19.12.2022).
2. *Haldner T.* Die größten Volkswirtschaften der letzten 200 Jahre. 04.01.2016. – URL: <https://www.fuw.ch/article/die-grossten-volkswirtschaften-der-letzten-200-jahre> (accessed: 19.12.2022).
3. *Kortunov A.* Restoration, Reformation, Revolution? Blueprints for the World Order after the Russia-Ukraine conflict. 11.5.2022. – URL: <https://russian-council.ru/en/activity/workingpapers/restoration-reformation-revolution-blueprints-for-the-world-order-after-the-russia-ukraine-conflict/> (accessed: 19.12.2022).
4. *Mahapatra C.* The Global (Dis) Order: The Pandemic and the Ukraine Conflict. India Council of World Affairs. 11.05.2022. – URL: https://icwa.in/show_content.php?lang=1&level=3&ls_id=7357&lid=4958 (accessed: 19.12.2022).
5. *Stuenkel O.* The BRICS and the Future of Global Order. – Lanham, MD, second edition. – 2021.
6. Wissenschaftlicher Dienst des Deutschen Bundestages: Think tanks – ein internationaler Vergleich. WD 2 – 3000 – 078/21. – 2021. – URL: <https://www.bundestag.de/resource/blob/874358/90671412ef44a392952d4ac1e1df2361/WD-2-078-21-pdf-data.pdf> (accessed: 19.12.2022).
7. *Xinchun N.* International Polics in Transition. – CIR, Vol. 30. – No. 4. – 2020. – URL: <http://www.cicir.ac.cn/Up-Files/file/20200813/6373291229791200854812324.pdf> (accessed: 19.12.2022).
8. *Zakaria F.* The West and the rest. Foreign Affairs. May/June 2008. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2008-05-03/future-american-power> (accessed: 19.12.2022).
9. *Zschäpitz H.* Die Welt flüchtet ins Gold – und untergräbt Amerikas Dollar-Dominanz. DIE WELT. 11.09.2019. – URL: <https://www.welt.de/finanzen/plus200097580/Gold-China-und-Russland-verkaufen-US-Staatsanleihen.html> (accessed: 19.12.2022).
10. XII BRICS Summit Moscow Declaration. – URL: <https://brics2021.gov.in/BRICSDocuments/2020/Moscow-Declaration-2020.pdf>, p. 15 (accessed: 19.12.2022).

Мара Морини,

доктор политических наук, доцент,
кафедра политических и международных исследований,
Университет Генуи.

Mara Morini,

PhD, Associate Professor in Political Science,
Department of Political and International Sciences (DISPI),
University of Genoa.

E-mail: mara.morini@unige.it

НОВАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭРА В ЕВРОПЕ: ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

A NEW ERA OF GEOPOLITICS IN EUROPE: ECONOMIC AND POLITICAL CHALLENGES

Political stability is a very important variable for a country's economic growth to implement consistent development in all sectors. When political stability is at risk, there can be no economic stability and despite this awareness, many countries seem to be failing to bring political and economic stability.

This is especially true after the Ukrainian crisis in 2022 where all the governments in the world must face economic and political challenges such as an increase of inflation and economic stagnation with strong effects on civil societies. The gap between poors and richer people is enlarging, paving the way to different social and political reactions. Protests in the streets, a higher level of abstensionism in local and national elections, a wider feeling of apathy, a lower level of political participation and the emergence of new populists to fight traditional parties are the most vivid example of socio-economic troubles and social injustice.

This is especially true in the case of Europe which needs to reflect critically on the capabilities it will require in order to be able to formulate its own policies in the light of deteriorating geopolitical conditions. In particular, "European states should focus on those capabilities – such as intelligence, surveillance, readiness and preparedness and mobility – where they clearly fall short. Rising inflation and the uncertainly surrounding the war's developments are thus likely to pose a tricky

challenge for European monetary and fiscal institutions, which will have to find a way to prevent Europe lapsing into stagflation” [1].

Moreover, “critics of globalization point out that the removal of trade barriers and capital controls would tilt the balance of power towards capitol holders and richer economies” [2].

External variables such as the negative effects of globalization and political instability can determine the contestation of existing models of liberal democracy in domestic politics. In the last decade we have witnessed a criticism of democracies in terms of accountability to the electorate, political representation, economic and social inequality by other political regimes.

In this respect, the Ukranian crisis is a proxy for a more fundamental struggle between two models of the International order. On the one hand, the Western liberal model, based on the rule of law, democracy, and anchored in institutions like the EU and NATO. On the other, Russia and China promoting a new redefinition of this order in terms of more security, multilateralism and economic approach.

When the old order is highly contested and a new one has not yet emerged, conflicts and disputes are likely to arise. There is great uncertainty surrounding the nature of the emerging order but it will be even more strongly shaped by dynamics of power politics and great power rivalry than what went before.

Nonetheless, today’s world is much more interconnected than previously, and major challenges are increasingly transnational in nature. The contestation of existing norms and institutions in a world shaped by growing interdependence requires the creation of new frameworks and setups that will certainly need to be more inclusive.

So, the future of the international order is not simply the domain of strategies but it is the charge of new leadership which should be open to dialogue and cooperation on global issues and seeking for unity and commitment. It is challenging but unavoidable in these hard times.

References

1. *Shultz R., Godson R., Hanlon Q., Ravich S.* The Sources of Instability in the Twenty-First Century: Weak States, Armed Groups, and Irregular Conflict // *Strategic Studies Quarterly*. – 2011. – P. 73–94.
2. *Muja A., Hajrizi E., Groumpos P., Metin H.* The globalization paradox in 21st century and its applicability in analysis of international stability. – 2018. – P. 128–133. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.ifacol.2018.11.261>.
3. Renewing multilateralism for the XXI Century. The role of United Nations and The European Union. – URL: <https://www.iai.it/sites/default/files/9782930769455.pdf> (accessed: 01.02.2023).

Штоль В.В.,

доктор политических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России,
главный редактор журнала «Обозреватель–Observer».

Vladimir.V. Shtol,

Doctor of Political Sciences, Professor,
Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia,
Editor-in-Chief of the Observer magazine
E-mail: v.shtol@gmail.com

НА ПОВЕСТКЕ ДНЯ НОВАЯ СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

A NEW SYSTEM OF INTERNATIONAL SECURITY IS ON THE AGENDA

В современной системе международной безопасности нет соперничества военно-политических блоков, как было во второй половине XX века. Тогда это составляло суть международных отношений и вошло в историю как холодная война (1945–1991 гг.).

Однако для Российской Федерации холодная война не кончилась с распадом СССР. Жесткий режим холодной войны продолжился в новых геополитических условиях, так как после 1991 года Россия осталась не только без союзников, но и с огромными социально-экономическими, военно-политическими и территориальными потерями, выбыв на какое-то время из числа ведущих держав мира.

Стоит напомнить, что по Брестскому миру¹ Советская Россия была вынуждена отдать Прибалтику, Западную Украину и Западную Белоруссию, некоторые территории Закавказья, что составляло 26% от европейской части Российской империи, или 4% от всей ее территории, а также потеряла около трети населения европейской части страны (56 млн чел.).

¹ Брестский мир аннулирован правительством РСФСР после поражения Германии в Первой мировой войне (ноябрь 1918 г.).

В 1991 году территориальные утраты были существенно больше: это Прибалтика, Белоруссия, Украина, Молдавия, Грузия, Армения, Азербайджан, Туркмения, Казахстан, Узбекистан, Киргизия и Таджикистан (около четверти территории с соответствующим уменьшением численности населения (порядка 49%). К этим цифрам следует добавить и высокую смертность на территории собственно России, связанную с депрессивным состоянием всего общества (как среди молодежи, людей трудоспособного возраста, так и среди старшего поколения, воевавшего, освободившего мир от фашизма и создававшего экономический потенциал, который служит нам до сих пор). Установление новой России сопровождалось разгулом бандитизма, «крышуемого» властями. Люди потеряли ориентиры в жизни, что привело к повышению смертности во всех возрастных категориях и снижению рождаемости. Именно тогда появился термин «демографический крест» России. Начиная с 1993 года в отдельные периоды убыль населения в стране превосходила суммарные военные потери США в двух мировых войнах (порядка 530 тыс. чел.) [2, с. 48].

Но утрата территорий с проживающим населением продолжилась и после 1991 года.

Так, еще при подписании Беловежских соглашений (8 декабря 1991 года) будущие президенты России (Б.Н. Ельцин), Украины (Л.М. Кравчук) и Белоруссии (С.С. Шушкевич) были готовы, как отмечают мемуаристы тех событий, отдать любую часть своей будущей страны за власть. Мнения очевидцев расходятся в вопросе о том, какие территории обсуждались в «теплой, дружеской» обстановке Беловежья, но вопрос Крыма и Севастополя был поднят точно. Еще в советский период была дана четкая правовая оценка неправомочности передачи Н.С. Хрущевым Крыма и тем более Севастополя, являвшегося объектом союзного подчинения, из состава РСФСР в состав УССР. Ельцин без раздумья ответил, что Крым России не нужен, а флот надо перенести на Балтику. Интересно, что сегодня Балтийское море практически

стало внутренним морем Североатлантического блока с соответствующими проблемами для России.

Можно еще указать на территориальные потери на востоке страны.

Так, первый президент России передал Китаю порядка 600 островов на Амуре, в том числе и легендарный остров Даманский. При демаркации границ по срединной линии течения Амура КНР отошла еще значительная площадь российской территории.

В 1991 году почти одновременно был уничтожен единый народно-хозяйственный комплекс СССР с полной утратой Москвой геоэкономических позиций на постсоветских территориях, хотя все крупные предприятия, на которых держалась экономика союзных республик, строились на средства союзного бюджета – бюджета Центра, в основном РСФСР, и поэтому Россия имела полное право сохранить за собой их контрольные пакеты акций. Тогда на Кавказе, в Средней Азии и Прибалтике, где существуют сильные националистические антирусские настроения, сейчас не надо было бы конкурировать, часто при этом проигрывая, с Турцией, Китаем, странами Запада [3, с. 71].

Последовавшая криминальная приватизация на территории России просто дополнила случившееся: страна потеряла второе место по уровню ВВП в мире. Ходила злая шутка, приписываемая канцлеру ФРГ Г. Колю, что Россия – это Верхняя Вольта с атомной бомбой¹.

В XXI веке Россия стала возвращать себе утраченные позиции, что было весьма негативно воспринято коллективным Западом, особенно США.

Еще несколько месяцев тому назад экспертное сообщество и политики обсуждали основные факторы международной конфликтности, которые могли привести к кризису, а именно:

¹ Верхняя Вольта в настоящее время – Буркина-Фасо – государство в конце второй сотни стран по рейтингу мировых экономик.

– отрицание Соединенными Штатами наличия у России особых интересов на постсоветском пространстве и желание сохранить там свое влияние, а для Москвы – абсолютная неприемлемость вмешательства Вашингтона во внутренние дела постсоветских стран;

– неприемлемость для России в принципе дальнейшего расширения НАТО и приближения ее военной инфраструктуры к российским границам;

– принципиальное расхождение во взглядах России, КНР и США по вопросам миропорядка, т.е. на каких основах должны строиться отношения как между государствами, так и между другими акторами международных отношений;

– противостояние в военно-технической сфере России и США, обладающих потенциалом, способным как уничтожить друг друга, так и причинить неприемлемый ущерб, а также эффективно противостоять друг другу во всех сферах и по всему миру;

– упорное стремление США подорвать экономический потенциал России, разрушая ее международные торгово-экономические связи, в том числе за счет введения антироссийских санкций, которые, согласно международному праву, не являются легитимными [4];

– наличие значительного числа региональных и внутрорегиональных конфликтов низкой интенсивности (замороженные конфликты), каждый из которых может достаточно быстро приобрести высокую военную динамику. Для России это – Украина, Нагорный Карабах, Приднестровье, а также Казахстан и все постсоветские государства Центральной Азии;

– противостояние Китая и США в Индо-Тихоокеанском регионе с учетом возросшего военно-технологического потенциала Китая.

В настоящее время есть только один реально сильный альянс – это Североатлантический блок, в который кроме США и Канады входит большинство стран Европы, включая Турцию. Как показала специальная военная операция на Украине, антироссийскую деятельность НАТО поддерживают около 50 стран, в числе которых страны Содружества наций,

т.е. все бывшие колонии, доминионы и протектораты Англии, а также те, которые политически и экономически зависят от США.

В перспективе вполне реальна возможность активизации сотрудничества НАТО в других регионах мира и иных форматах военно-политического взаимодействия. В первую очередь в АТР, однако без формального расширения географической зоны ответственности альянса. В значительной степени этому должно способствовать развитие Трехстороннего военно-политического объединения США, Великобритании и Австралии (*AUKUS*), а также углубление кооперации в рамках Четырехстороннего диалога по безопасности (*QUAD*), включающего Австралию, США, Японию и Индию, которому Вашингтон будет стремиться придать характер военно-политической организации. Стратегическая цель США – превратить Индию в своего военно-политического союзника в Восточной и Южной Азии.

Большинство остальных стран мира, так называемый не-Запад, «рассыпаны» по неким международным и региональным блокам, не придерживающимся идей «демократического централизма» с его дисциплиной и соподчиненностью.

Существующий с начала XXI века миропорядок характеризуется жесткой позицией США и их союзников, стремящихся сохранить доминирование в мире любой ценой, но не за свой счет, и полицентричностью другой части международного сообщества, основанной на относительно четко сформулированных национальных интересах с учетом изменяющихся общемировых экономических тенденций.

Политический класс консолидированного Запада (и это очевидно, исходя из оценки событий вокруг Украины) руководствуется не суверенными интересами стран, а стремлением оставаться в «обойме» сил, организуемых и выстраиваемых по своему предпочтению центром мировой финансовой, политической силы и учредителем «правил поведения», т.е. Соединенными Штатами, поэтому малопродуктивным представляется и эволюция миропорядка в сторону многополярности. На фоне укрепления евро-

атлантического единства и депривации суверенной субъектности государств, объединяемых таковым, «полифония» международных позиций, статусов и «голосов» (по крайней мере в части мира, объединяющей западные государства) выглядит сомнительной.

Пока логически не оформившиеся контуры будущего миропорядка скорее воспроизводят качественно новую биполярность, понимаемую не в упрощенном формате консолидации мирового сообщества вокруг двух гегемонов – США и Китая, а предполагающую формирование наряду с западным полюсом, выстраиваемым по основополагающим принципам либеральной демократии и иерархизированных по степени значимости в финансовом интернационале, полюса не-Запада, структурированного в соответствии с культурными и национальными интересами, и поэтому не имеющего единого центра управления и политического целеполагания. Безусловно, этот полюс не эквивалентен хантингтоновской цивилизации «как парагосударственного конгломерата с ядром и периферией, способного действовать как некий коллективный актер».

Полицентричность не-Запада можно представить так: на Севере – Россия; на Юге – Индия; на Востоке – Китай; на Западе – Турция с учетом ее стремления создать «тюркский мир», включающий Азербайджан, Казахстан и постсоветские республики Средней Азии, а также «Армию Турана» – проект Р. Эрдогана по военной интеграции «тюркского мира».

Сплачивает не-Запад стремление выйти из-под американского «зонтика» мирового полицейского, но цементирующим основанием агрегирования противоположного западному полюса является общее признание невозможности унификации «проекта будущего» и ценности разнообразных культурных и национальных идентичностей.

Литература

1. *Кехлер Х.* Санкции и международное право // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2019. – Т. 14. – № 3. – С. 27–47.
2. *Штоль В.В.* Россия на пути к новому глобальному проекту // Мировая политика в фокусе современности. К перспективам выхода из глобального кризиса / под ред. М.А. Неймарка. М.: Дашков и К, 2023. – 509 с.

Томанн Пьер-Эммануэль,

доктор наук (геополитические исследования),

президент «Евроконтинента»

Pierre-Emmanuel Thomann,

Phd (Geopolitics), Professor in Geopolitics in emlyon Business School – Lyon,

ICES (Institut Catholique de Vendée) - La Roche-Sur-Yon and ISSEP (Institut de

Sciences Sociales Économiques & Politiques) - Lyon, France,

President of Eurocontinent, Brussels.

E-mail: pierre-emmanuel.thomann@eurocontinent.eu

**НОВАЯ ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФИГУРАЦИЯ НА ГЛОБАЛЬНОМ
УРОВНЕ ПОСЛЕ НАЧАЛА КОНФЛИКТА НА УКРАИНЕ: ДИАГНОЗ,
ПЕРСПЕКТИВЫ И РЕШЕНИЯ ДЛЯ ЕВРОПЫ**

**THE NEW GEOPOLITICAL CONFIGURATION RESULTING FROM
THE CONFLICT IN UKRAINE:
DIAGNOSIS-PERSPECTIVES AND SOLUTIONS**

To assess the consequences of the conflict in Ukraine, a prior clinical geopolitical diagnosis is essential before proposing solutions. What are the competing geopolitical objectives between the great powers that are overarching this major crisis?

The conflict between Russia and Ukraine goes beyond territorial conflict in Europe and must be understood on a global scale. It constitutes an important step in the geopolitical rivalry between the United States and Russia for the European geopolitical order, but also indirectly with China for the global power hierarchy. This conflict is the catalyst for the mutation of the world geopolitical configuration, i.e. the change of the spatial order, because any international system is above all a spatial order [3]. The new distribution of geopolitical spaces at the end of the conflict will determine the new hierarchy of powers. We can consider that the United States and its NATO allies are now waging a proxy war against Russia by providing military support to Ukraine, but the geopolitical conflict between the United States and its instrument, NATO, against Russia dates back to at least the disappearance of the USSR.

In the short term, and on a European scale, this conflict is the consequence of the regime change in Kiev in 2014, initiated by the United States as part of its attempt to reorient Ukraine towards the Euro-Atlantic space in order to definitively weaken Russia and prolong the hegemony of the United States over the European member states of NATO and the European Union.

In the longer term, inspired by the doctrines of Halford John Mackinder and Nicholas J. Spykman [8]¹, Georges Kennan [11], and after the Cold War by Paul Wolfowitz [16]², Zbigniew Zbrezinsky [17] and Wess Michell [12]³, the United States has sought to push Russia back into its continental lands since the break-up of the USSR in 1991 and to set up a belt of states in a coastal strip surrounding the Eurasian continent (the “Rimland” according to Spykman). In this way, the US seeks to stifle Russia's living space in order to impose its own unrestricted expansion through NATO enlargement (Figure 1).

The project of a NATO without limits (principle of the “open door” and “choice of alliances”) was the project of the United States, to the detriment of the principle of “indivisible security” in Europe and aiming at the fragmentation of the Russian and European world. NATO in this vision had the desire to remain the unique pillar

1The Rimland, according to the geopolitical theory of Nicolas John Spykman (1893–1943), professor of international relations at Yale University in the United States, is the heavily populated coastal strip to the west, south and east of the Eurasian continent. This area is decisive for the control of the Eurasian continent in order to prevent a rival power of the United States from controlling the entire space. According to him, the state that controls the Rimland can control the Heartland (the area of central Eurasian lands previously identified by Mackinder as decisive) and thus the world. The containment policy of the USSR during the Cold War was inspired by this theory, notably George Kennan, but also the dominant geopolitical representations in the United States until today.

2Paul Wolfowitz. Under Secretary of Defense for Planning in the United States, 1989–1993. He said as early as 1991 that America's mission in the post-Cold War era would be to ensure that no rival superpower was allowed to emerge in Western Europe, Asia or the territory of the former Soviet Union.

3Aaron Wess Mitchell pointed out that “in three world wars, two hot and one cold, we helped unify the democratic West to prevent our brutal opponents from dominating Europe and the Rimland to the west of Eurasia. Thus, unsurprisingly, Russia and China have been singled out as the strategic adversaries of the United States even though the Cold War ended more than a quarter of a century ago, because they “challenge US supremacy and leadership in the 21st century”. Here we see again and again the objective of the United States to control Eurasia in order to prevent a geopolitical rival from re-emerging and to put its own global power into perspective.

of the European security architecture according to the exclusive Euro-Atlanticist vision and in synergy with the supremacy of the United States in Europe and its vision of the unipolar world on the global scale (Figure 2).

This strategy naturally ended up provoking a geopolitical backlash from Russia. At the heart of this crisis is the geographically induced geopolitical asymmetry between Russia and the United States. It is clear that the United States would not accept the installation of Russian military bases on its borders and an expansion of the CSTO into Canada or Mexico. The doctrine of the *Near Abroad* put forward by Russia should be seen in the light of the *Monroe Doctrine* defended by the United States in the 19th century, in order to preserve a space of security and geopolitical breathing space [6].

Russia has reacted by means of a special military operation in Ukraine in order to contain the continuous enlargement of NATO and to prevent the creeping NATOisation of Ukraine, therefore becoming a threat on Russia's borders, and considered as a *casus belli* [15]. The geostrategic objective is also to secure the Sea of Azov and to achieve a territorial continuity formed by the regions reunited with Russia in order to secure the Crimea. Finally, it is also a question of protecting the Russian speaking citizens who chose to reunify with Russia during the September 2022 referendum (Figure 3).

If we look at the unfolding of the crises according to their longest duration, Russia, through successive military operations (Georgia 2008, Syria 2015, Ukraine 2014, 2022) or peace enforcement operations (Nagorno-Karabakh 2021), has sought to loosen the stranglehold of NATO's encirclement in the Rimland, which was expanding on it, with the successive enlargements of NATO since the end of the Cold War. Beyond these geostrategic considerations, Russia's strategic vision is overhung by its geopolitical positioning in the world. As early as 2007, at the Munich conference [13], Vladimir Putin announced that the unipolar American order would henceforth be challenged by Russia in favour of a new multipolar world.

This further geopolitical shift is not without its difficulties, as the United States and its NATO allies seek to turn Ukraine into a new Afghanistan for Russia [5]. The

harshness of the fighting between the Ukrainian and Russian armies is above all the result of the military aid provided by all NATO countries, led by the United States, to Ukraine since 2014. The US is making the following calculation: by setting the Europe of NATO and the EU against Russia, it delegates this European front (European Rimland) to NATO while maintaining its leadership role, and can focus more energy on the front in Asia (Indo-Pacific Rimland) against China [4]¹.

A conflict to subjugate the Europeans

This manoeuvre by the United States and its close European allies also aims to torpedo a rapprochement between the European Union's heavyweights, Germany, France, Italy and Russia, and to give NATO a new role. Indeed, according to the strategic vision of the United States, Russia must remain the designated enemy of the Euro-Atlantic system. It should also be remembered that Russia cannot become an ally of the Atlanticist West against China, because if Russia were no longer considered as the adversary, the European Rimland strategy would be inoperative and NATO would no longer be able to play its role as an instrument of control of the Europeans to the advantage of the United States. In this configuration, the United States would no longer exercise its supremacy in Europe, and a Paris-Berlin-Moscow axis, the heart of Europe from the Atlantic to the Pacific, would be likely to endanger the Washington-London-Warsaw-Brussels (NATO/EU) axis. Nor is there any question of Russia, the pivot of the Greater Eurasia strategy [7], and a pillar of the multipolar mode, becoming subservient to the Euro-Atlantic system (NATO/EU) or opening a front against China.

However, the increasing geopolitical fragmentation of Europe is not in the interest of Europeans, as all the states of the Eurasian continent are part of the Old World with very ancient roots and ties. Russia cannot be separated from the rest of

¹ Elbridge Colby asserted in thinking through a new transatlantic bargain, “the lion’s share of the forces required to deter or defeat a Russian attack on NATO would, however, be provided by European nations. Colby argues that this would only require a modest increase and adjustment in the type of conventional capabilities required to deter Russia, but explicitly notes that “a dollar spent or soldier stationed in Europe will be one not spent or stationed in Asia. This means Europeans will need to pick up a considerably greater share of the burden” [4].

Europe, not only from the point of view of geography, but also from the point of view of civilisation and culture. Russia has always been part of the concert of European nations in the past and will be in the future.

The United States and its close allies seek to fragment this geographical and historical reality in order to pursue their hegemonic dream and preserve the associated advantages of power and prosperity. This is why the United States does not want a European security architecture, as proposed by France, and a balanced international system, but seeks to maintain itself as the centre and exclusive reference of the European and international system. There is no possible alliance on an equal footing with the United States, only an increasing alignment. France has experienced this with the AUKUS Alliance in the Indo-Pacific [14].

What are the outcomes of the crisis?

First of all, it should be noted that Russia will not leave the territories that have reunited with Russia after the referendums in September 2022. The outcome of the conflict is therefore at least a territorial partition of Ukraine. The alternative is a total war between Ukraine and Russia with explicit cobelligerence of NATO states (this cobelligerence is today implicit because it is not declared by both sides but it exists de facto already) [1].

Sanctions against Russia are only followed by NATO and EU member states, while Eurasian, African and South American states refuse to align themselves. We are therefore witnessing the emergence of an alternative globalisation to the US-dominated West, which confirms the acceleration of the emergence of the multipolar world with the crisis in Ukraine. Only the EU is reinforcing its vassalization to the US (Figure 4). The strengthening of the SCO also confirms this and demonstrates that this organisation is not anti-NATO but rather competes with the UN, which is blocked [2]. Russia is likely to continue its pivot towards Greater Eurasia and to move further away from Western globalisation, which will never give it a place as a sovereign geopolitical pole. In the new fluid and multicentric world space-time, this process will be going on along with the informal emergence of the Global South and the Silk Road Chinese project, in geopolitical competition with the project of

the Greater West under American domination. The challenge is to prevent these rival projects from leading to uncontrolled conflicts, through the doctrine of balance of power, as the world is in perpetual geopolitical flux.

The scenario of simply freezing the conflict in Ukraine, or maintaining it as a long-term, low-intensity conflict, is preferable to unrestricted escalation, but would not be more useful for the stabilisation of the European and Eurasian continent.

A new Cold War is not in the interests of either France or Germany. The co-belligerence of the European states only reinforces the military escalation, as Moscow will not give up the objectives of its special military operation, and the ineffective sanctions destroy the European economy.

The main mistake of the French and German governments was therefore not to establish an independent geopolitical posture towards the United States and, worse, to act only within the framework of the US priorities. Alongside with Kiev, Paris and Berlin only used Minsk agreements to gain time and strengthen Ukrainian army and did not implemented it [9; 10]. Without an independent posture from the European capitals, Moscow will favour negotiations with Washington for a way out of the crisis in Ukraine, but also to establish the explicit or implicit rules of the new geopolitical configuration. It should be remembered that Moscow approached Washington in December 2021 as a priority and not France and Germany or the EU to negotiate a new European security architecture.

A new security architecture

It is therefore likely that the way out of the crisis in Ukraine will be primarily the result of negotiations between the United States and Russia. However, it would be better for European states to negotiate their own geopolitical priorities independently, in order to influence the process of ending the crisis and not to remain a periphery of the US-dominated Euro-Atlantic area. A small group of states to carry France's impulse, with at least France, Germany, Austria, Italy, Hungary, could carry this ambition because the European Union is aligned with NATO's priorities. By refusing the multipolar world, the European Union is de facto following the United States' project to make enemies of Russia and China, and to remain a subaltern subset

of the Euro-Atlantic area, thus a geopolitical periphery but destabilised. However, even with a freeze on military confrontations, geopolitical rivalry will continue in the form of economic and civilisational war.

In order to promote a more sustainable stabilisation over the long term, the major challenge for the post-conflict period is to negotiate a new spatial order, as a basis for a new European security architecture (Figure 5).

This means a clear delimitation of reciprocal red lines, the neutralisation of buffer states, negotiating the geographical limits of alliances, avoiding the installation of offensive military infrastructures on border territories. In concrete terms, this means a definitive halt to NATO enlargement and the recognition of new borders.

The scenario of a military escalation with a long-lasting conflict, with the United States and its close allies still not accepting the consequences of a multipolar world, is the worst scenario for Western Europe. The European Union will continue its vassalization, but also its geopolitical fragmentation as disagreements will grow based on rival national interests between member states of the EU and NATO.

Since what is at stake is the spatial order and the hierarchy of power, the risk of global conflict is particularly high, since in history every change in the spatial order has often been achieved violently, through war. At some point, however, it is possible to hope for a freeze in the fighting, even if it stays precarious, thanks to a diplomatic initiative. This is why a proposal by a group of states to promote diplomacy would be all the more useless, even during the course of the fighting, as it would be an attempt to avoid the worst-case scenario and prepare for the post-conflict period.

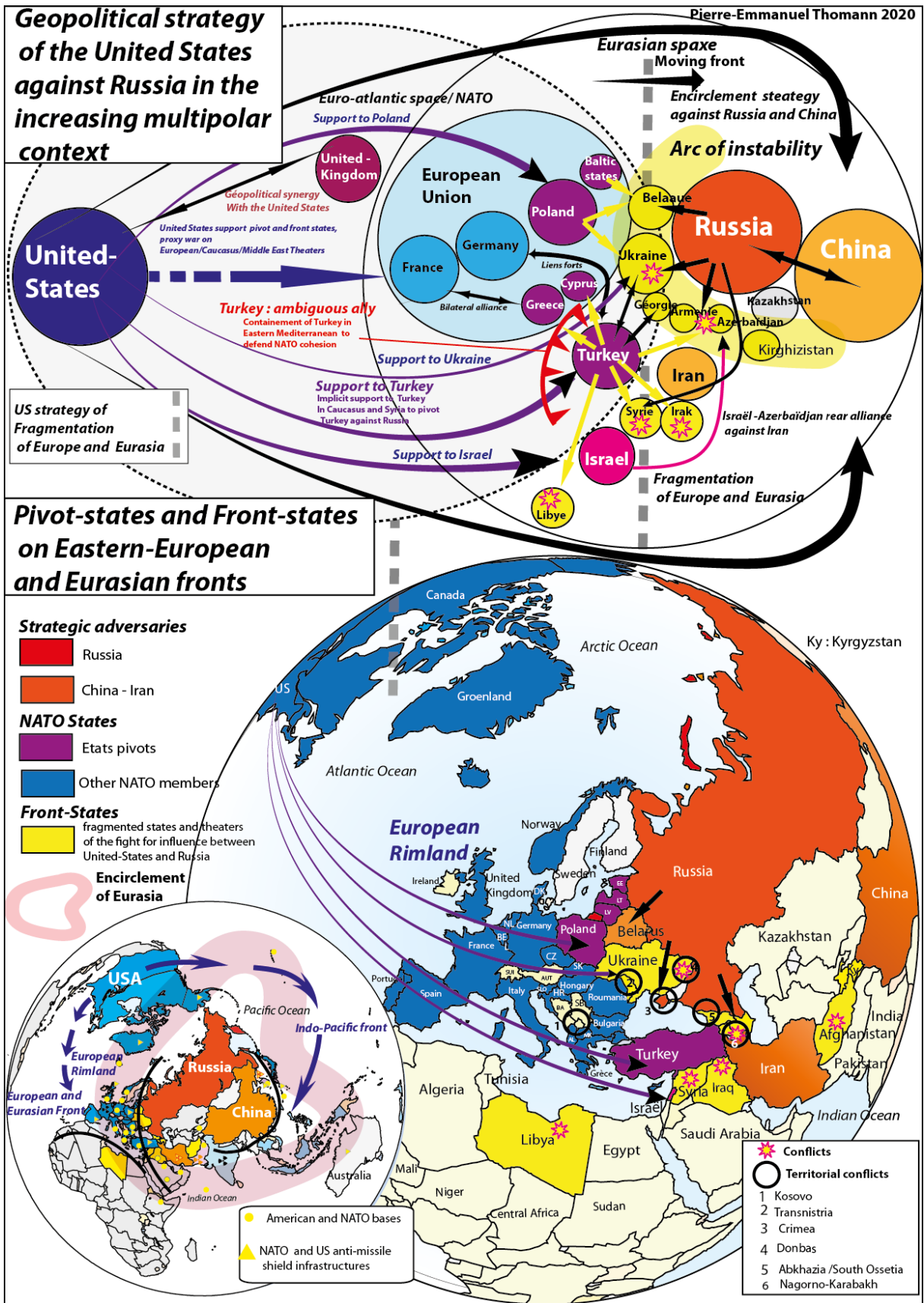

Figure 1. Geopolitical strategy of the United States against Russia in the increasing multipolar context

Ukraine conflict: a consequence of NATO expansion

Pierre-Emmanuel Thomann
www.eurocontinent.eu

Geopolitical dynamics of the rivalry between the United States and Russia - NATO encirclement and Russian counter-encirclement reaction

Russian reaction - Counter-encirclement and NATO escalation 2008 - 2022

Russian military interventions :

-**Ukraine 2022** - support for the Donbass Republics after US refusal to freeze the NATO enlargement process and escalation of the conflict between Ukraine and Donbass since 2014

2014 Crimea's reunification with Russia and self-proclaimed independence of the Donbass republics following the regime change in Kiev in 2014

-**Georgia 2008** - support to the republics of Abkhazia and South Ossetia in response to the Georgian offensive and the granting of NATO membership perspective in 2008 (Freezing of the NATO Partnership for Peace with Russia in 2014)

NATO offensive alliance - encirclement of Russia 1994 - 2008

-Enlargement of NATO against Russia's wishes
Creation of the Partnership for Peace (PfP) to non-member countries (including Russia)
-NATO interventions in the former Yugoslavia to ensure its supremacy in the Balkans to the detriment of EU and Russia

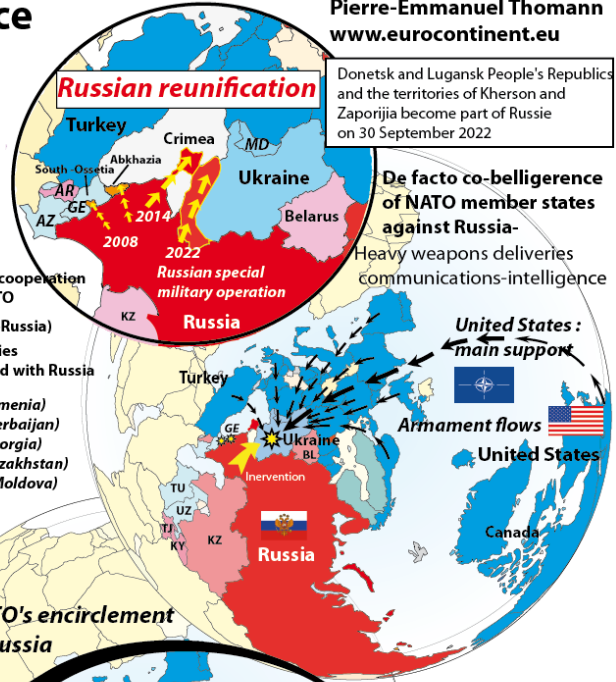
-Russian reaction: creation of the CSTO (collective Security Treaty organization) (military alliance of Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia, Tajikistan) in 2002

Independence of former Member States of the USSR

Armenia- Azerbaijan- Belarus- Georgia- Kazakhstan- Kyrgyzstan- Moldova - Uzbekistan- Tajikistan- Turkmenistan- Ukraine

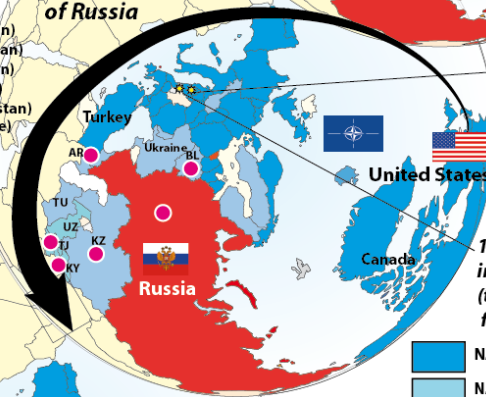

AR (Armenia)
AZ (Azerbaijan)
GE (Georgia)
KZ (Kazakhstan)
(MD) Moldova

NATO's encirclement of Russia

KZ (Kazakhstan)
UZ (Ouzbékistan)
KY (Kirghizistan)
TJ (Tadjikistan)
TU (Turkmenistan)
BL (Biélorussie)

Russia's territorial shrinkage losing its historical territories 1991-1994

Dissolution of the USSR :
Russia has a smaller territory compared to the USSR and Tsarist Russia and loses its glacies (dissolution of the Warsaw Pact) i against NATO

■ New independant states after the fall of USSR

Territorial Status quo 1949-1991

Geopolitical configuration during the Cold War (maximum extension of the space controlled by the USSR with Russia at its heart)

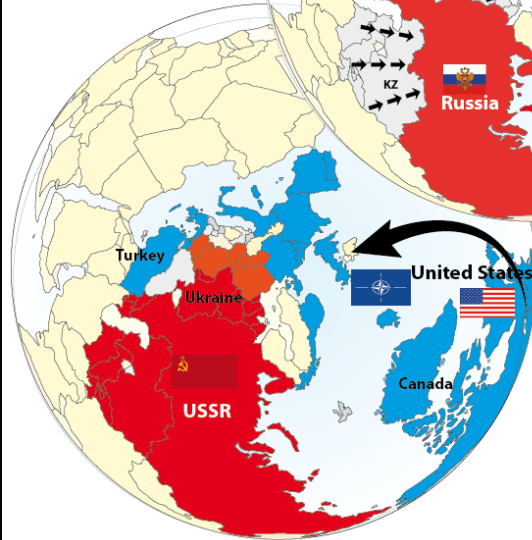

Figure 2. Ukraine conflict: a consequence of NATO enlargement

Conflict in Ukraine : Russia's strategy to contain NATO's encirclement and securing access to the Black Sea

Pierre-Emmanuel Thomann 2022

Geopolitical objectives

Russian territorial strategy of counter-encirclement

-Stop NATO enlargement in the near abroad

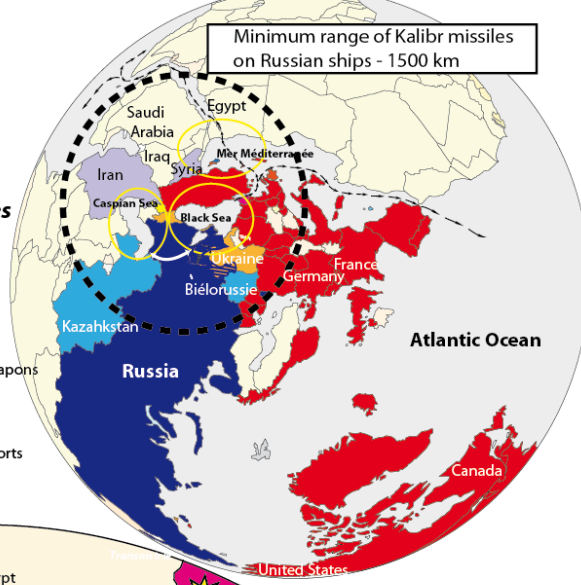
-Protect the populations of the territories reunited with Russia

Expected geostrategic gains

-Neutralisation of Ukraine (No NATO enlargement)

-Donbass-Crimea territorial continuity

Azov Sea becomes a Russian sea

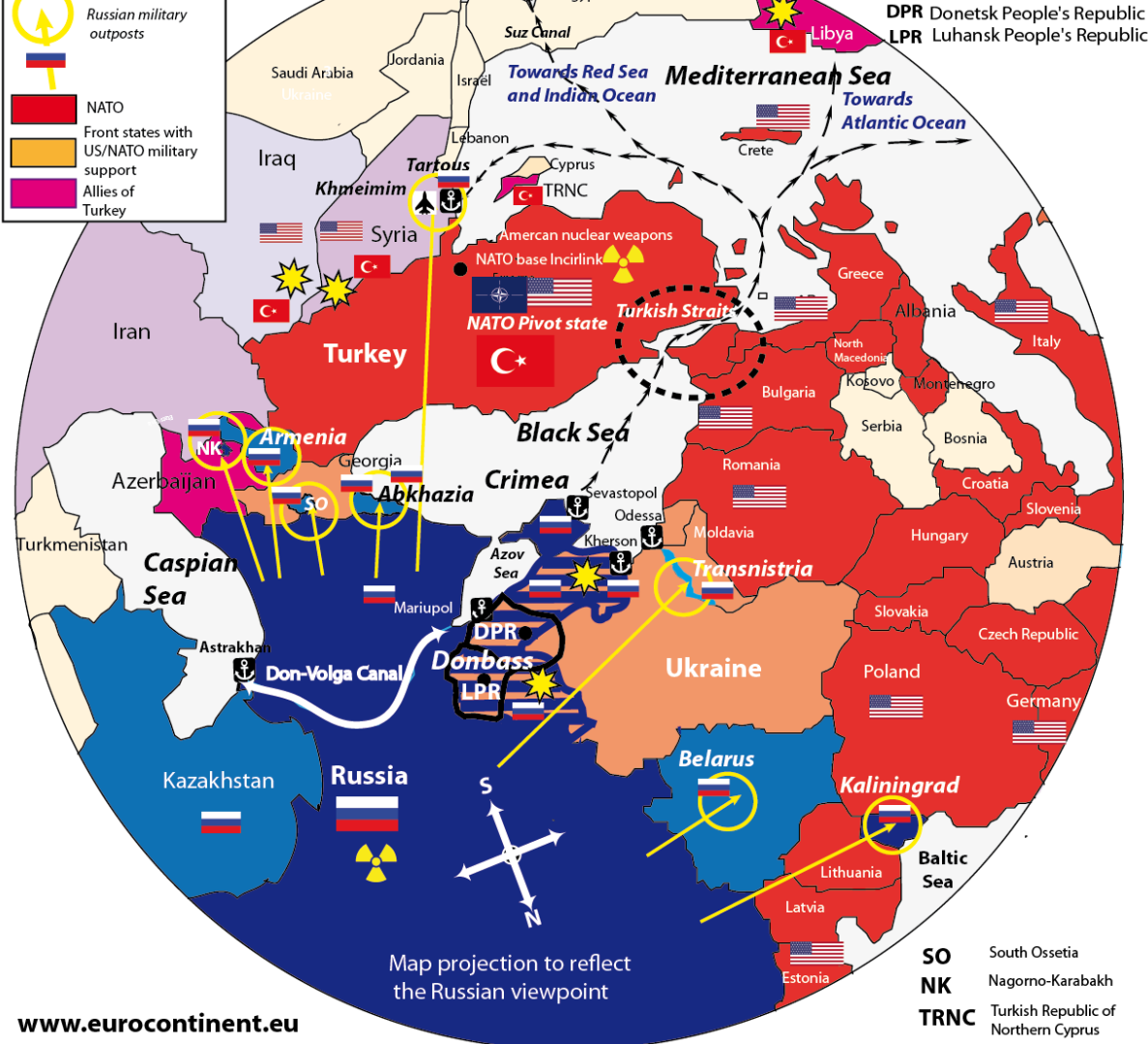
CSTO Collective Security Treaty Organisation

- Russia
- Other CSTO members
- Areas controlled by the Russian army (evolving situation)
- States close to Russia
- Russian military outposts
- NATO
- Front states with US/NATO military support
- Allies of Turkey

Military presence

- United States (NATO)
- Turkey
- Russia

- Nuclear Weapons
- Air bases
- Strategic ports
- Conflicts

www.eurocontinent.eu

Figure 3. Conflict in Ukraine: Russia's strategy to contain NATO's encirclement and securing access to the Black Sea

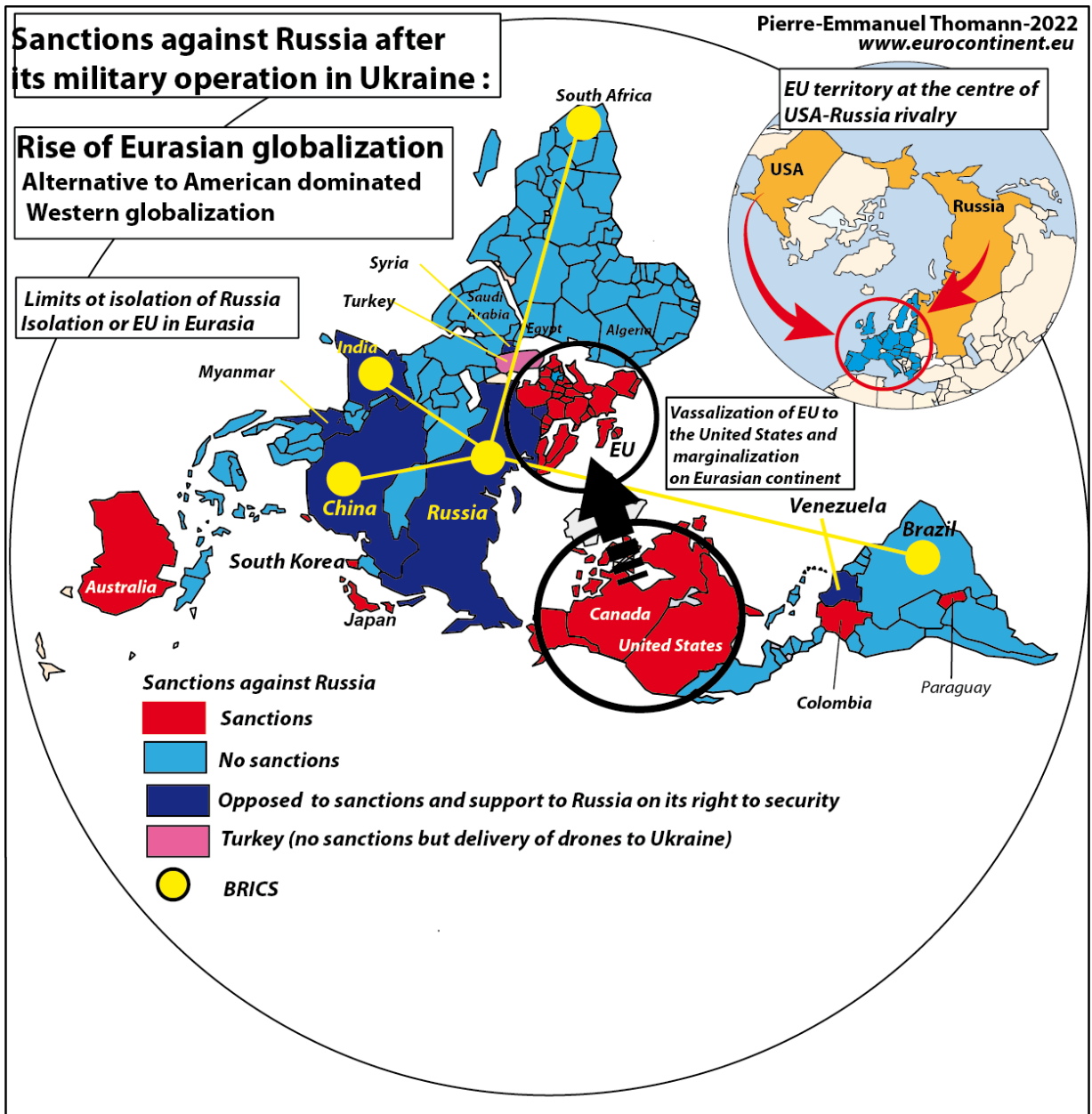

Figure 4. The emergence of alternative globalisation

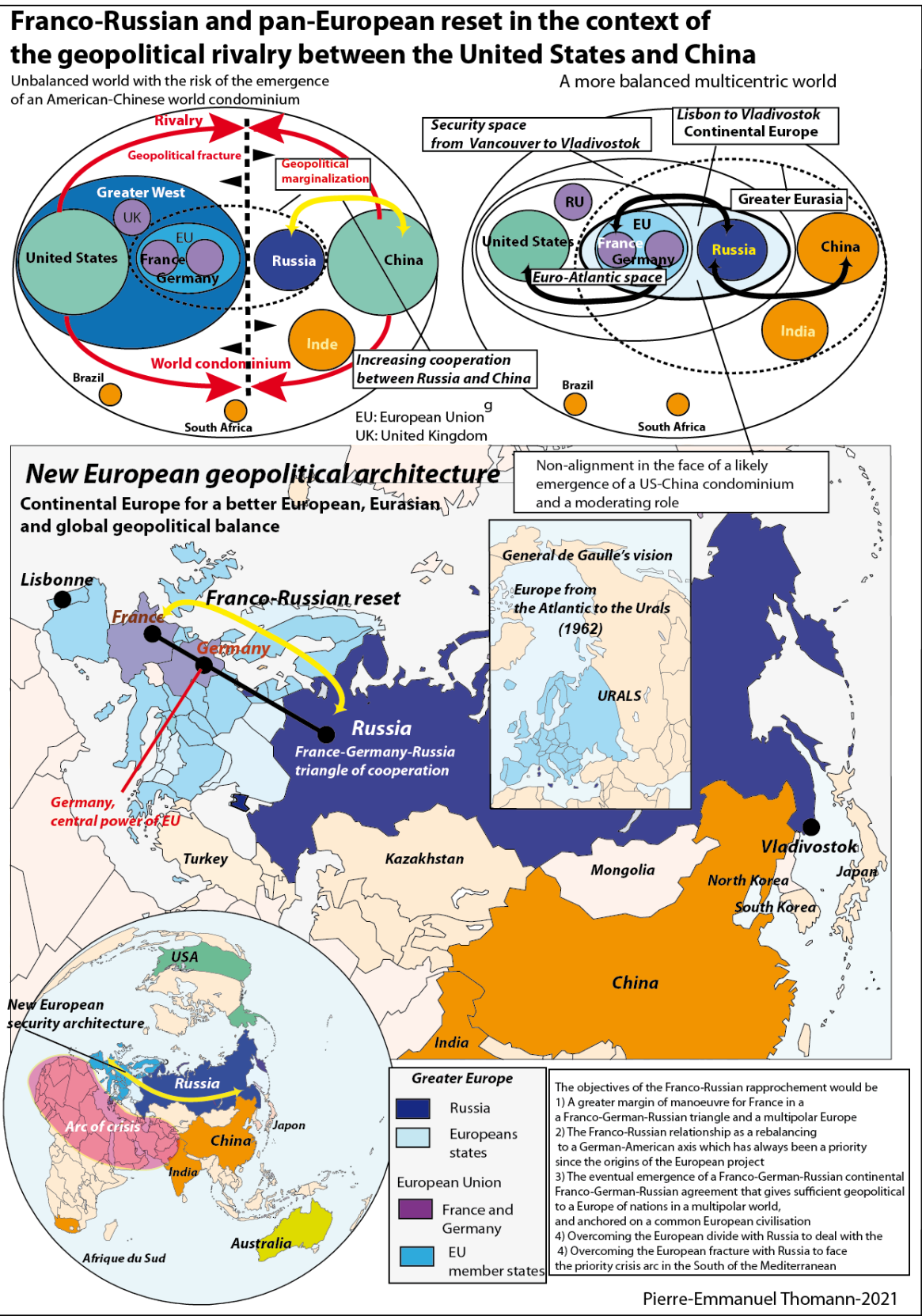

Figure 5. The emergence of alternative globalisation

References

1. *Allard J.C.* La guerre russo-ukrainienne, catharsis de deux conflits convergents. IRIS, 27 june 2022. – URL: <https://www.geostrategia.fr/guerre-russo-ukrainienne-catharsis-deux-conflits-convergents/> (accessed: 01.02.2023).
2. *Alimov R.* SCO Summit in Samarkand: Expectations Amid Uncertainty. 14.09.2022. – URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/sco-summit-in-samarkand/> (accessed: 01.02.2023).
3. *Aron R.* Paix et guerre entre les nations. – Calman-Levy. – P. 187.
4. *Colby E.* A New Bargain, International // Politik Quarterly. – Issue 2, Fall 2020. – URL: <https://ip-quarterly.com/en/new-bargain> (accessed: 01.02.2023).
5. Could Ukraine be Putin's Afghanistan? – URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2022/02/24/could-ukraine-be-putins-afghanistan/> (accessed: 01.02.2023).
6. *Crosston M., Pashentsev E.* Russian Security Cannot be Anti-Russian. – URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/russian-security-cannot-be-anti-russian/> (accessed: 01.02.2023).
7. *Glaser (Kukartseva) M., Thomann P.E.* The concept of «Greater Eurasia»: The Russian «turn to the East» and its consequences for the European Union from the geopolitical angle of analysis // Journal of Eurasian Studies. – URL: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/18793665211034183> (accessed: 01.02.2023).
8. *Gurfinkiel M.* Can the «Rimland» Contain China and Russia? The West is restoring the global strategic vision that gave it victory in the world wars and the Cold War. – URL: <https://www.wsj.com/articles/can-the-rimland-contain-china-and-russia-spykman-mackinder-eurasia-nato-aucus-quad-i2u2-middle-east-economy-technology-strategy-11659125573> (accessed: 01.02.2023).
9. Hatten Sie gedacht, ich komme mit Pferdeschwanz? Angela Merkel interview // Die Zeit, 7.12.2022. – URL: <https://www.zeit.de/2022/51/angela-merkel-russland-fluechtlingskrise-bundeskanzler/komplettansicht> (accessed : 01.02.2023).
10. Hollande: «There will only be a way out of the conflict when Russia fails on the ground», François Hollande interview // The Kyiv Independant, 28.12.2022. – URL: <https://kyivindependent.com/national/hollande-there->

will-only-be-a-way-out-of-the-conflict-when-russia-fails-on-the-ground
(accessed: 01.02.2023).

11. *Kennan G.F.* A Fateful Error, 05.02.1997. – URL: <https://www.nytimes.com/1997/02/05/opinion/a-fateful-error.html> (accessed: 01.02.2023).
12. *Mitchell A.W.* Assistant Secretary of State for European and Eurasian Affairs Mitchell's Heritage Speech. Anchoring the Western Alliance // U.S. Embassy Tallinn. 7 June, 2018. – URL: <https://ee.usembassy.gov/a-s-mitchells-speech/> (accessed: 01.02.2023).
13. *Putin W.* Speech and the Following Discussion at the Munich Conference on Security Policy. – URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/24034> (accessed: 01.02.2023).
14. *Thomann P.E.* The New AUKUS Alliance in the Indo-Pacific: Geopolitical Lessons for France // Tillotoma Foudation, october 2022. India. – URL: <https://tillotomafoundation.org/articles-%26-publications> (accessed: 01.02.2023).
15. *Thomann P.E.* Le conflit entre la Russie et la Géorgie, ou la première guerre du monde multipolaire, Les conséquences géopolitiques pour l'Union Européenne. Revue défense nationale, 3/9/2008. – URL: <https://www.defnat.com/e-RDN/vue-article.php?carticle=4606> (accessed: 01.02.2023).
16. US strategy Plan calls for insuring no rivals develop. – URL: <https://www.nytimes.com/1992/03/08/world/us-strategy-plan-calls-for-insuring-no-rivals-develop.html> (accessed: 01.02.2023).
17. *Zbrezinski Z.* Le grand échiquier, l'Amérique et le reste du monde. – Bayard 1997. – 275 p.

Хохлышева О.О.,

доктор исторических наук,
кандидат юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой мировой дипломатии и международного права,
Институт международных отношений и мировой истории,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород.

Olga O. Khoklysheva,

D. Sc. (History of international relations),
PhD in law (International law), professor,
Head of chair of the world diplomacy and international law,
Institute of International Relations and World history,
Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod.
E-mail: khokhlysheva@imomi.unn.ru

Колобов О.А.,

доктор исторических наук, профессор,
Институт международных отношений и мировой истории,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород.

Oleg A. Kolobov,

D. Sc. (History of international relations), Professor,
Institute of International Relations and World history,
Nizhny Novgorod State University N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod.
E-mail: kolobov@imomi.unn.ru

СИСТЕМА МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЕЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ

THE SYSTEM OF INTERNATIONAL SECURITY AND ITS LEGAL SUPPORT

Вопрос о международно-правовом регулировании системы международной безопасности, неоднократно рассматривавшийся специалистами, сохраняет актуальность. История международных отношений с древнейших времен содержит сведения об обеспечении безопасности государств в форме союзов, уний, объединений, лиг, альянсов, организаций, договорной практики. Международное право, формируясь и развиваясь наряду с государствами и обществом на протяжении истории человечества, способствовало регулированию и обеспечению практики в сфере

безопасности. В середине XX века и после окончания Второй мировой войны в 1945 году была сформирована современная универсальная неделимая международная система коллективной безопасности, действующая на основе норм и принципов международного права. Характер системы подразумевался как централизованный, без военно-политических блоков и альянсов при невозможности обеспечения собственной безопасности одним государством за счет другого или в ущерб другим, согласно международному праву. Централизованный характер означает практику сотрудничества государств, в том числе в рамках международных межправительственных универсальных и региональных организаций. Право международной безопасности является частью системы международного права, взаимодействуя и развиваясь с другими его отраслями и институтами. Нормы данной отрасли международного права адресованы в основном таким явлениям, как ситуации, угрожающие международному миру и безопасности, определение и констатация которых входит в сферу полномочий СБ ООН. Кроме того, они связаны с практикой регулирования применения силы, мерами и действиями государств, в том числе, согласно решениям СБ ООН, в случаях угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии. Под «угрозами миру» и «нарушениями мира» подразумеваются нарушения обязательств по международному праву, но в каждом конкретном случае требуется их уточнение в рамках общего контекста. Нормы права международной безопасности связаны с другими отраслями международного права, имеющими отношение к регулированию применения силы, например международным гуманитарным правом (международное право вооруженных конфликтов международного и внутригосударственного характера, получившее развитие на основе ранее именуемой отрасли как законы и обычаи войны, содержащей ее регламент, ограничения и запреты) и международным уголовным правом [12]. Согласно международному праву, основу регулирования системы международной безопасности составляют десять основополагающих принципов международного права:

1. принцип, согласно которому государства воздерживаются в своих международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной целостности или политической независимости любого государства, так и каким-либо иным образом, несовместимым с целями ООН;
2. принцип, согласно которому государства разрешают свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир и безопасность и справедливость;
3. обязанность в соответствии с Уставом ООН не вмешиваться в дела, входящие во внутреннюю компетенцию любого государства;
4. обязанность государств сотрудничать друг с другом в соответствии с Уставом;
5. принцип равноправия и самоопределения народов;
6. принцип суверенного равенства государств;
7. принцип, согласно которому государства добросовестно выполняют обязательства, принятые ими в соответствии с Уставом;
8. принцип нерушимости границ;
9. принцип территориальной целостности государств;
10. принцип уважения прав человека и основных свобод [3; 5].

Основополагающие принципы носят императивный характер (*jus cogens*), и их нарушение или несоблюдение влечет за собой ответственность. Основополагающие принципы взаимосвязаны, неразрывны, не противоречат друг другу и толкуются в контексте друг друга, содержатся в Уставе ООН, Декларации принципов 1970 года, Заключительном акте СБСЕ 1975 года и других источниках международного права [3]. Иерархии основополагающих принципов не существует, то есть нельзя руководствоваться в отношениях выбором в пользу одного из них или отдавать предпочтение одному из них.

Международно-правовой регламент системы международной безопасности основывается на общих, основополагающих и отраслевых

принципах и нормах международного права. Несмотря на его постоянное совершенствование, некоторые аспекты нуждаются в уточнении. Например, вопросы, связанные с толкованием и практическим обеспечением принципа неприменения силы или угрозы силой в международных отношениях. Под «силой», согласно толкованию принципа, имеются в виду вооруженные силы государств. Политическое или экономическое давление расценивается как нарушение принципа невмешательства, в том числе в контексте запрета вмешательства по гуманитарным соображениям, в отличие от практики МККК, регулируемой международным правом (*l'intervention d'humanité*) и подразумевающей оказание помощи больным, раненым и пострадавшим в результате вооруженного конфликта [1, с. 139; 16, с. 520]. Кроме того, если государство, подвергнувшееся интервенции (вмешательству), окажет вооруженное сопротивление, оно не будет нести никакой международной ответственности за потери или ущерб, понесенные государством ее совершившим [1, с. 144]. Принцип неприменения силы или угрозы силой связан с всеобщим запретом ведения войны оговоркой или обязательством всеобщности (*erga omnes*) в 1945 году, закрепленном в Уставе ООН, основывающимся на предшествующих ему источниках права и получившим дальнейшее развитие. Следует учесть, что Устав ООН является не только регламентом международной межправительственной организации, но и международным договором, одним из источников международного права, и согласно положениям статьи 103, в том случае, когда обязательства членов ООН по нему окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по Уставу ООН [14]. Запрет войн, согласно международно-правовому определению этого явления, содержащемуся в международном гуманитарном праве (международном праве вооруженных конфликтов международного и внутригосударственного характера [2; 4; 7; 10; 11; 15; 18; 19; 20], а согласно его более раннему названию – законы и обычаи войны), воспринят государствами и введен во внутригосударственное законодательство (например, раздел XXI

«Преступления против мира и безопасности человечества» УК РФ [13]. Следует отметить, что запрещены все виды войн, согласно их международно-правовому определению, в том числе именуемые как справедливые, гражданские, необъявленные. Кроме того, война является преступлением против международного мира, безопасности и человечности, что подразумевает правовую ответственность. Наряду с действующим запретом, международно-правовое регулирование практики государств в условиях войн и вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера, включающее ограничения и запреты, содержится в рамках международного гуманитарного права. Пункт 4 статьи 2 Устава ООН гласит: «Все члены ООН воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций» [14]. Угроза силой или ее применение являются нарушением международного права и Устава ООН, и они никогда не должны применяться в качестве средства урегулирования международных проблем [3]. Содержание принципа адресовано в первую очередь государствам как основным субъектам международного права. Согласно международно-правовому содержанию принципа неприменения силы или угрозы силой, агрессивная война является преступлением против мира, за которое предусматривается ответственность в соответствии с международным правом, что подразумевает отсутствие сроков давности за призывы к ней, пропаганду, развязывание и ведение. Принцип неприменения силы и угрозы силой подразумевает, что каждое государство обязано воздерживаться от угрозы силой или ее применения с целью нарушения существующих международных границ другого государства или в качестве средства разрешения международных споров, в том числе территориальных, а также вопросов, касающихся государственных границ. Каждое государство обязано воздерживаться от организации, подстрекательства, оказания помощи или участия в актах гражданской войны или террористических актах в другом

государстве или от потворствования организационной деятельности в пределах своей территории, направленной на совершение таких актов, в том случае, когда упоминаемые акты связаны с угрозой силой или её применением [3]. Принципом запрещена военная оккупация, отличающаяся от других видов завладения (*occupatio* (лат.) – «заяние, завладение»).

Вместе с тем принцип неприменения силы и угрозы силой не абсолютизирован и содержит изъятия, связанные с ее правомерным применением государством. Следует отметить, что правовые изъятия связаны с ограничениями, а не с дозволением. Согласно толкованию принципа, правомерным применением вооруженной силы является осуществление государствами неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную самооборону в случае вооруженного нападения согласно положениям статьи 51 Устава ООН [14], осуществление принудительных действий военного характера по решению СБ ООН, которые могут быть связаны с институтом ответственности (ст. 42 Устава ООН) и в случае ведения вооруженной борьбы народов против попыток воспрепятствования реализации ими своего права на самоопределение (осуществляемого в границах, установленных принципом равноправия и самоопределения, с учетом отличия их от действий сепаратистов, меньшинств, движений, радикальных групп и при наличии у народа или народов *права* на самоопределение) [3; 16, с. 113]. Согласно Декларации принципов 1970 года: «Каждое государство обязано воздерживаться от каких-либо насильственных действий, лишаящих народы, о которых говорится в изложении принципа равноправия и самоопределения, их права на самоопределение, свободу и независимость» [3]. Следует учесть, что ряд специалистов в сфере международного права ограничиваются лишь постановкой данного вопроса относительно права народов, борющихся за самоопределение, применять вооруженные силы в случае воспрепятствования им осуществления их законного права на самоопределение в рамках толкования принципа [21, с. 56, 374], другие определяют данную практику как правомерную в рамках принципа неприменения силы, но в границах

толкования права народов на самоопределение с учетом международного права в целом при его соблюдении [16, с. 113].

Случаи правомерного применения силы нуждаются в дополнительных разъяснениях. Например, при осуществлении индивидуальной и коллективной самообороны, согласно статье 51 Устава ООН, подразумевается, что государствам следует придерживаться *соразмерности* при реагировании в выборе и применении мер и действий сдерживания или ответного характера, в случае агрессии или вооруженного нападения, согласно их международно-правовому определению, что означает недопустимость перерастания осуществляемого неотъемлемого права в нападение или угрозу силой. Право на самооборону не может быть поводом или предлогом к нападению. Цель самообороны состоит в прекращении вооруженного нападения. Кроме того, международное право не предусматривает практику превентивной самообороны [16, с. 520], особенно в условиях применения ОМУ или ОМП. Однако в случае вооруженного нападения государство, ему подвергшееся, имеет право прибегнуть к самообороне, не ожидая принятия мер со стороны ООН, после уведомления о факте СБ ООН, но сила, применяемая им в этом случае в целях самообороны, может быть направлена только против нападающего государства, государств или организаций, активно поддерживающих его с помощью силы [1, с. 148]. В этом же контексте следует учесть, что положение Устава ООН, согласно которому право на самооборону возникает лишь в ответ на вооруженное нападение, не означает необходимости ожидать совершения вооруженного нападения для того, чтобы затем воспользоваться силой в целях самообороны, поскольку такому вооруженному нападению уже положено начало. К примеру, допустима практика перехватов с учетом режима территории как действия в порядке самообороны против вооруженного нападения [1, с. 151]. К правомерным изъятиям из принципа неприменения силы или угрозы силой относятся: а) положения Устава или любое международное соглашение, заключенное до принятия Устава и имеющее юридическую силу в соответствии с

международным правом, или *b*) полномочия Совета Безопасности в соответствии с Уставом [3]. Например, отдельного разъяснения заслуживает положение Преамбулы Устава ООН об объединении сил для поддержания (обеспечения) международного мира и безопасности, что является основной целью субъектов международного права и состоит в обеспечении принятием принципов и установлении методов, чтобы вооруженные силы применялись не иначе как в общих интересах [14]. Следует отметить, что под «объединением сил» членов Организации в Преамбуле не подразумевается практика военно-политических альянсов и блоков, например, таких как НАТО, существование которых противоречит международному праву и положениям главы VIII Устава ООН «Региональные соглашения», а также положениям ст. 53 и ст. 107 Устава ООН о «вражеских государствах», под которыми подразумеваются «страны оси» и их союзники во Второй мировой войне, чья деятельность, связанная с военной политикой и вооруженными силами, ограничена на международно-правовом и внутригосударственном уровнях ввиду ответственности по итогам Второй мировой войны, в том числе в контексте отсутствия сроков давности к военным преступлениям. В этой связи более тщательного регулирования требует деятельность государств в рамках ООН, международных межправительственных региональных организаций на фоне неправомерной передачи полномочий государствам таких альянсов, как НАТО (подробнее см. текст резолюции СБ ООН 1244, приложение 2, пункт 4 о «международных силах безопасности при существенном участии Организации Североатлантического договора» [9]).

В соответствии с п. 4 ст. 2 Устава ООН запрещается не только применение силы, но и угроза силой. Угрозой может быть предварительное предупреждение, сделанное в виде ультиматума, о том, что в случае невыполнения определенных требований будут применены меры военного характера. Угроза силой может выражаться в скрытой форме посредством таких действий, как «демонстрация силы с целью оказания политического давления» (дело о проливе Корфу, решение МС ООН 1949 г.) [22], неожиданная концентрация вооруженных сил одного государства в районах,

прилегающих к территории другого государства в период, когда между этими государствами ведется пограничный спор, или маневры военных кораблей вблизи побережья другого государства. Всеобщая мобилизация также может представлять угрозу силой, если она проводится в то время, когда между государствами существуют серьезные разногласия. Вместе с тем активизация закупок вооружений не обязательно включает в себе угрозу силой [1, с. 138]. Акты прямой и косвенной агрессии противоречат международному праву и являются неправомерной практикой применения силы [6; 8]. Кроме того, специалистами отмечается необходимость оценки такого явления, как *идеологическая агрессия*, нуждающаяся в отдельном рассмотрении с учетом его определения, предложенного СССР в 1933 году, и Определения агрессии 1974 года [6; 8; 16, с. 112; 17, с. 288–289].

Система международной безопасности предусматривалась как централизованная, с учетом принципа суверенного равенства государств, что предполагало согласованность действий субъектов международного права, в том числе согласно положениям главы VII Устава ООН. Следует констатировать, что к настоящему времени не все положения, содержащиеся в Уставе ООН, выполнены в полном объеме, что требует либо приведения практики в соответствие с Уставом, либо, наоборот, Устава к сложившейся практике. В частности, развитие системы международной безопасности требует выполнения обязательства о том, что все государства должны добросовестно вести переговоры с целью скорейшего заключения универсального договора о всеобщем и полном разоружении под эффективным международным контролем и стремиться к принятию соответствующих мер, направленных на ослабление международной напряженности и укрепление доверия между государствами. Все государства должны на основе общепризнанных принципов и норм международного права добросовестно выполнять свои обязательства в отношении поддержания международного мира и безопасности и стремиться к тому, чтобы сделать более эффективной систему безопасности, основывающуюся в том числе на

основе Устава ООН с учетом сотрудничества в рамках Организации. Из контекста Устава ООН следует, что основной задачей государств и других субъектов международного права продолжает оставаться «обеспечение международного мира и безопасности», что подтверждено в Консультативном заключении МС ООН 1962 года «О некоторых расходах ООН»: «Совершенно естественно, что первостепенное значение Устав ООН придает поддержанию международного мира и безопасности, поскольку выполнение остальных поставленных целей зависит от выполнения этого основополагающего условия» [23].

Литература

1. *Аречага Э.Х.* Современное международное право. – М.: «Прогресс», 1983. – 480 с.
2. *Давид Э.* Принципы права вооруженных конфликтов: Курс лекций, прочитанных на юридическом факультете Открытого Брюссельского университета. – М.: Международный Комитет Красного Креста, 2011. – 1144 с. // URL: <https://www.refworld.org.ru/pdfid/5315cd8d4.pdf> (дата обращения: 10.01.2023).
3. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года. – URL: [/https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml](https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml) (дата обращения: 10.01.2023).
4. *Егоров С.А.* Вооруженные конфликты и международное право. – М., 2003. – 413 с.
5. Заключительный акт СБСЕ 1975 года. – URL: https://www.osce.org/files/f/documents/0/c/39505_1.pdf (дата обращения: 10.01.2023).
6. Конвенция об определении агрессии, Лондон 1933. – URL: <https://www.conventions.ru/int/12721/?ysclid=ldireres83403526259> (дата обращения: 10.01.2023).
7. *Котляров И.И.* Международное гуманитарное право. – М.: Издательство «Юрлитинформ», 2003. – 304 с.

8. Определение агрессии 1974. Утверждено резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года. – URL: https://static.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 10.01.2023).
9. Резолюция 1244 СБ ООН (Приложение 2 п. 4). – URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UN-DOC/GEN/N99/172/91/PDF/N9917291.pdf?OpenElement> (дата обращения: 10.01.2023).
10. *Смирнов М.Г.* Вооруженный конфликт немеждународного характера: международно-правовой аспект. – М: ИНФРА – М, 2014. – 208 с.
11. *Тиунов О.И.* Международное гуманитарное право. – М.: «Норма», 2012. – 316 с.
12. *Тузмухаммедов Б.Р.* Международно-правовая классификация вооруженных конфликтов: дефиниции и реальность. Пути к миру. – 2018. – С. 44–53. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodno-pravovaya-klassifikatsiya-vooruzhennyh-konfliktov-definititsii-i-realnost?ysclid=ldjx66r1nu28918690> (дата обращения: 10.01.2023).
13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. От 29.12.2022). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/?ysclid=ldk1bjeebp41161184 (дата обращения: 10.01.2023).
14. Устав ООН. – URL: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text> (дата обращения: 10.01.2023).
15. *Хлестов О.Н.* Международное право и Россия // Московский журнал международного права. – №4. – М., 1994. – С. 52–59.
16. *Черниченко С.В.* Контуры международного права. Общие вопросы. – М.: «Научная книга», 2014. – 592 с.
17. *Черниченко С.В.* Права человека, императивные нормы и базовые принципы международного права: записки юриста-международника. – М.: «Научная книга», 2021. – 424 с.
18. *Biad A.* Droit international humanitaire. Ellipses, 1999. – 112 p.
19. *Biad A.* Droit international humanitaire. Ellipses, 2006. – 140 p.
20. *Biad A., Tavernier P.* Le droit international humanitaire face aux défis du XXI-e siècle. – Brylant, 2012. – 326 p.
21. *Cassese A.* International law. – Oxford University Press, 2005. – 558 p.
22. Corfu Channel (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v. Albania), ICJ, 1949. – URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/1> (дата обращения: 10.01.2023).

23. ICJ Advisory Opinion 1962, Certain Expenses of the United Nations (Article 17, paragraph 2, of the Charter). – P. 21. – URL: <https://www.icj-cij.org/public/files/case-related/49/049-19620720-ADV-01-00-EN.pdf> (дата обращения: 10.01.2023).

Гуселетов Б.П.,

доктор политических наук,

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Институт Европы РАН, Москва.

Boris P. Guseletov,

Doctor of Political Sciences,

Institute of Social and Political Studies, FSRSC, Moscow.

E-mail: bgusletov@mail.ru

ПОСТСОВЕТСКОЕ ПРОСТРАНСТВО ОТ ЕВРОПЫ ДО АЗИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ. ГУМАНИТАРНЫЙ АСПЕКТ

POST SOVIET SPACE FROM EUROPE TO ASIA: PROBLEMS AND PROSPECTS. HUMANITARIAN ASPECTS

Процесс трансформации постсоветского пространства (ПСП) отличается противоречивостью и динамизмом. Его современное социально-политическое состояние характеризуется сложным сочетанием исторической общности, обусловленной предшествующим опытом сосуществования составляющих его стран и населяющих их народов, а также активно идущим все эти годы процессом становления новых государств.

После распада СССР возникло первое интеграционное объединение – Содружество Независимых Государств (СНГ, 1991 год), затем было сформировано Объединение договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и, наконец, Евразийское экономическое сообщество (ЕАЭС).

Все эти годы Россия сохраняла свое доминирующее политическое и экономическое положение на этом пространстве, определяя его как зону своих исключительных интересов и оказывая существенное влияние на своих соседей [3, с. 150]. Но в последние 10–15 лет это пространство стало постепенно утрачивать свою изначальную субъектность, становясь частью глобальной мировой системы. При этом отношения ННГ с Россией становились все более прагматичными, хотя руководство некоторых из этих стран понимало, что в условиях роста глобальной конкуренции им не

обойтись без более тесной интеграции, центром которой с очевидностью становится РФ.

Содружество Независимых Государств было основано 7–8 декабря 1991 года главами Белоруссии, России и Украины, а 21 декабря 1991 года главы 11 республик (Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдавии, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Украины) присоединились к СНГ. В 1993 году Грузия стала действительным членом СНГ. Но уже 18 августа 2009 года Грузия вышла из состава СНГ.

Украина, ратифицировавшая Соглашение о создании СНГ, не подписала официально Устав СНГ, формально так и не став его полноправным членом. После решения России о присоединении Крыма (19 марта 2014 года) Совет национальной безопасности (СНБО) Украины принял решение о прекращении председательства Украины в СНГ.

С момента создания СНГ Россия в лице ее президентов (до 2001 года Б. Ельцина, а потом В. Путина) являлась неформальным лидером этого объединения в силу ее политического и экономического потенциала, который был значительно выше, чем у всех остальных стран-членов вместе взятых [5, с. 132]. При этом до середины 2000-х годов российское руководство рассматривало этот интеграционный проект как один из важнейших инструментов сохранения российского влияния на ПСП. Но потом мнение Путина изменилось, и он более эффективными интеграционными объединениями на ПСП стал считать Евразийский экономический союз (ЕврАзЭС) и Единое экономические пространство (ЕЭП), позднее трансформировавшиеся в ЕАЭС.

Еще одним интеграционным объединением на ПСП, в которое вошли практически те же страны, что участвовали в создании ЕврАзЭС и ЕАЭС, стало Объединение Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Данная организация была образована 15 мая 1992 года, когда главы Армении, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана и Узбекистана подписали в

Ташкенте Договор о коллективной безопасности (ДКБ). В 1993 году к ДКБ присоединились Азербайджан, Белоруссия и Грузия, но уже в январе 1999 года Азербайджан, Грузия и Узбекистан вышли из состава организации.

Таким образом, за прошедшие 30 лет из трех основных интеграционных проектов на ПСП, в которых Россия играла ведущую роль, наиболее жизнеспособным оказался ЕАЭС и отчасти ОДКБ. Проект СНГ постепенно теряет свою роль как реальное интеграционное объединение, фактически превратившись в клуб руководителей ряда ННГ.

В последние 20 лет все большее влияние на ННГ, включая их участие в разного рода интеграционных объединениях, стали играть другие международные акторы: Китай, Турция, Евросоюз, США и пр. Это обстоятельство было связано как с желанием руководства практически всех ННГ проводить многовекторную внешнюю политику [6, с. 12], так и с намерением этих государств наладить более тесные торгово-экономические и политические связи с этими странами, учитывая некоторое ослабление влияния РФ на ПСП.

Наиболее значимым альтернативным интеграционным объединением, возникшим на ПСП в последние годы, стала Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), основанная 15 июня 2001 года главами Китая, Казахстана, Киргизии, России, Таджикистана и Узбекистана. В ШОС, с одной стороны, входят 6 государств с постсоветского пространства, а с другой стороны, Россия уже не занимает в этой организации положение монопольного лидера, деля эту позицию с Китаем, а после вступления в нее Индии еще и с этой страной [2, с. 126]. Причем по своему финансово-экономическому потенциалу РФ заметно уступает обоим этим странам. Поэтому Китай, используя свой масштабный проект «Один пояс – один путь» заметно расширил свое финансово-экономическое и политическое влияние на страны – члены ШОС и другие государства ПСП, особенно расположенные в Центральной Азии [7, с. 337].

Все большую активность на ПСП, особенно в регионе Центральной Азии и Кавказа, развивает в последнее время Турция. Она принимала активное участие в конфликте между Азербайджаном и Арменией в 2020–2022 гг., сыграв ключевую роль в поддержке азербайджанской стороны. Кроме того, Турция решила реанимировать Организацию тюркских государств (ОТГ), в которую входят помимо нее, Азербайджан, Казахстан, Киргизия и Узбекистан, а также в качестве наблюдателя Туркменистан. Она была создана в 2009 году под названием Тюркский совет (ТС) и до 2021 года ничем себя не проявляла. Но в ноябре 2021 года на саммите ТС в Стамбуле она была переименована в ОТГ.

Европейский союз продолжает реализацию своего проекта «Восточное партнерство», изначально рассчитанного на Армению, Азербайджан, Белоруссию, Грузию, Молдову и Украину [1, с. 54]. Решения Европейского совета о предоставлении Молдове и Украине статуса кандидатов на вступление в ЕС можно считать косвенным результатом этого проекта.

Таким образом, за последние 7–8 лет все больше стран с ПСП выходят из-под влияния России и присоединяются к другим интеграционным проектам.

Учитывая ту важную роль, которую ПСП играет для России в политическом и экономическом плане, очевидно, что она должна приложить максимум усилий для сохранения своей ведущей роли на той части этого пространства, которая сохраняет еще желание сотрудничать с РФ. Как уже отмечалось выше, российское руководство понимает, что из всех интеграционных проектов, возникших на этом пространстве за последние 30 лет, наиболее перспективным является ЕАЭС и отчасти ОДКБ, т.к. оба этих проекта объединяют фактически одни и те же страны, наиболее близкие к РФ. Но серьезной проблемой для РФ является то, что, будучи неформальным лидером этих объединений, она не может оказывать институционального влияния на них, т.к. в них отсутствуют общие политические институты. А без них невозможно, во-первых, обеспечивать

общественно-политическую поддержку этих проектов, и во-вторых, иметь институциональные рычаги влияния на стратегию их развития. В результате влияние России на эти объединения держится исключительно на авторитете ее лидеров, который в последнее время явно пошатнулся.

Ряд недавних заявлений высокопоставленных политиков и чиновников из ННГ (Армения, Казахстан, Туркменистан) свидетельствуют, что существующие механизмы влияния РФ на эти страны и сложившиеся модели интеграционных проектов перестают работать и требуют радикальной трансформации. В первую очередь, необходимо в рамках ЕАЭС сформировать Парламентскую ассамблею, о чем давно уже говорят многие российские и армянские политики. В перспективе эта ассамблея должна формироваться не путем делегирования в нее представителей парламентов стран-членов, а путем выборов ее депутатов всем населением этих государств, как это делается в парламенте Евросоюза. Это позволит привлечь к данным проектам внимание населения, обеспечит России, как наиболее населенной стране в рамках ЕАЭС, возможность проводить через этот условно «Евразийский парламент» необходимые законы и постановления, которые будут определять стратегию развития Союза.

Необходимо также усилить работу по реальному налаживанию связей между представителями гражданского общества стран – участниц ЕАЭС [4, с. 151], а также обеспечить медийную поддержку этого проекта в них. Важно также обеспечить сохранение и развитие не только единого экономического пространства, но и общей гуманитарной сферы, включающей науку, культуру, образование, медицинское обеспечение и т.д. Об этом, кстати, много говорили участники Петербургского международного экономического форума–2022.

Без реализации этих инициатив, требующих не только политической воли, но и политического расчета и серьезных финансовых вливаний, России будет все труднее и труднее сохранять в орбите своего влияния оставшиеся лояльными к ней страны ПСП.

Литература

1. *Борко Ю.А.* Восточное партнерство: проект, реальность, будущее: [монография] / Ю.А. Борко; отв. ред. Е.В. Ананьева, Е.В. Дрожжина. – М.: Ин-т Европы РАН, 2018. – 70 с.
2. *Ефременко Д.В.* Новый этап в развитии Шанхайской организации сотрудничества. Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – М.: ИДВ РАН, 2019. – С. 114–130. DOI: 10.24411/2618-6888-2019-10006.
3. *Кортунов С.В.* Имперские амбиции и национальные интересы: Новые измерения внешней политики России. – М.: МОНФ, 1998. – С. 139–169.
4. *Ованисян О.О.* Определение и классификация типов гражданского общества: предпочтения и перспективы развития. В кн. Социокультурный аспект евразийской интеграции. Евразийский Гражданский Альянс: сборник научных статей / науч. ред. Л.А. Василенко. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2017. – С. 140–154.
5. *Тренин Д.* Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад»; Моск. Центр Карнеги. – М.: Изд-во «Европа», 2006. – 404 с.
6. *Чуфрин Г.И.* Концептуальные аспекты внешнеполитической стратегии постсоветских стран. В кн. Постсоветское пространство: роль внешнего фактора. Сб. ст. / Отв. ред.: А.Б. Крылов, А.В. Кузнецов, Г.И. Чуфрин. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – С. 10–25. DOI: 10.20542/978-5-9535-0530-7.
7. *Agostinis G., Urdinez F.* The Nexus between Authoritarian and Environmental Regionalism: An Analysis of China's Driving Role in the Shanghai Cooperation Organization. *Problems of Post-Communism*. 20 October 2021. – Vol. 69 (4–5). – P. 330–344.

Паоло Пиццоло,

доктор наук (политические исследования и международные отношения),
Ягеллонский университет в Кракове, Польша.

Paolo Pizzolo,

PhD in Political Science and International Relations,

Assistant Professor,

Centre for International Studies and Development (CISAD),

Faculty of International and Political Studies, Jagiellonian University in Krakow.

E-mail: paolo.pizzolo88@hotmail.com

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИНИЦИАТИВЫ «ТРОЕМОРЬЕ»

THE GEOPOLITICAL ROLE OF “THE THREE SEAS” INITIATIVE

Introduction

The Three Seas Initiative (TSI) or Baltic, Adriatic, Black Sea Initiative (BABS) is a forum of 12 EU states from the Baltic Sea to the Adriatic and Black Seas to create a regional dialogue and cooperation among members.

Officially launched in 2016 (Dubrovnik Summit), the initiative has been strongly advocated by Poland and finds to some extent its foundational inspiration in the interwar Polish project of the Intermarium.

From a geopolitical perspective the contemporary TSI re-echoes Mackinder’s “Middle Tier” plan. However, while Mackinder’s project was aimed at creating a chain of pro-British and pro-French countries that could counter both revolutionary Bolshevik Russia and revisionist Weimar Germany, this new initiative is mainly sponsored by the United States and by countries of the so-called “New Europe” – i.e., pro-Atlanticist Central-Eastern Europe – to reinforce NATO’s position in Europe, rebalance the hegemonic role of some Western European actors in the EU, and contrast Russia’s influence in the post-Soviet space, especially in the light of the 2022 intervention in Ukraine.

The TSI could represent a geopolitical platform through which the US could implement consistent NATO strategies backed by some of its most loyal European allies, which would benefit in turn of American support to support their interests vis-à-vis the EU and Russia.

Early Intermarium (1919–1939)

Endorsed by President Józef Piłsudski (1867–1935) and Foreign Minister Józef Beck (1894–1944), the early Intermarium project gained momentum with the reconstitution of independent Poland, the demise of the Czarist empire and the outbreak of the Polish-Soviet War.

Piłsudski's vision of Intermarium merged with "Prometheism", a concept based on the idea that Russia represented the main threat for Poland and that therefore Warsaw should support those minoritarian ethnolinguistic groups of the former Russian Empire struggling for self-determination in order to break Russia's unity from within [4].

Beck believed that the Intermarium should be implemented through an alliance of small and medium-sized European states between the Black, Baltic and Adriatic Seas threatened by the hegemonic projects of both Germany and Russia, which he named "Third Europe". Although the project was envisaged as transnational, embracing several countries of Eastern Europe, Poland would enjoy a hegemonic position [3; 5].

The Intermarium was based on the strategic reconsideration of the geographical position of the old Polish-Lithuanian Commonwealth (Rzeczpospolita), which acted as an isthmus between the Baltic and Black Seas, as a bridge between Western and Eastern Europe and as a fundamental link between Germany and Russia [1].

Mackinder's "Middle Tier" strategy

In 1919, to prevent any kind of hegemony in Eastern Europe at the end of the Great War, the British geopolitician Halford J. Mackinder supported the idea of creating a chain of buffer states between Germany and Russia, which he called "Middle Tier" [2]. The purpose of the chain was to prevent a new Russo-German military confrontation but also to assure that Russia and Germany would not conclude an alliance.

The Middle Tier plan roughly coincided with the territory envisioned by the Polish Intermarium.

In Mackinder's reasoning, given that the unification of Eastern Europe under a single power would lead to the control of the Heartland, Western maritime powers were compelled to maintain the European equilibrium with the separation of the eastern and western parts of the continent by creating independent and self-determined nations. The main strategic objective was therefore to separate Germany and Russia through the creation of a chain of interposed states.

Contemporary Intermarium

After 1989, the concept of Intermarium made its appearance again in Polish geopolitical debate.

In 1991, the dissolution of the Soviet Union and the regained independence of the Baltic states, Belarus and Ukraine offered new opportunities to revive the project of a federation or alliance between Central-Eastern European countries between the Baltic and Black Seas. At the same time, the break-up of Yugoslavia and the birth of independent political entities with an outlet on the Adriatic Sea like Slovenia and Croatia revived the myth of a cooperation between countries connecting the Three Seas.

In Poland, a plan of a "new" Intermarium plan appeared through the cooperation between twenty Central-Eastern European states (Poland, Ukraine, Belarus, Moldova, the Baltic republics, the former Yugoslav republics, Bulgaria, Romania, Czechia, Slovakia, Hungary, and Albania).

The idea of implementing a new Intermarium as a Polish foreign policy strategy became even more pressing after the "Law and Justice" victory in the 2015 parliamentary elections. Since his election in 2015, President Andrzej Duda has continued to pursue Kaczyński's foreign policy strategies, actively supporting stronger forms of cooperation among Central-Eastern European countries, especially after the 2014 Ukrainian crisis.

The contemporary TSI was launched in 2015 by Poland and Croatia. The aim of the project was to guarantee international cooperation while supporting the independence and territorial integrity of states in the context of a progressive integration within the Euro-Atlantic community.

In 2016, Dubrovnik hosted the first summit of the initiative, which was officially called TSI. The summit ended with a joint declaration of the twelve participating countries that confirmed the intention to promote a close cooperation in the fields of energy, transport, digital communication, and economy.

Since 2016, new summits have taken place on an annual basis.

The TSI cannot be viewed merely as an innocuous strategy for regional cooperation and coordination, but also as a geopolitical tool.

The geopolitical and geostrategic aims of the TSI are three-fold: first, reinforcing NATO's position in Europe; second, rebalancing the role of Western European actors within the EU; third, countering Russia's influence in the post-Soviet space.

While the Mackinder's "Middle Tier" served the purpose of guaranteeing that Germany and Russia would remain separated and of building a pro-Entente league of states in the region, the TSI is essentially consistent with the US interests vis-à-vis Europe, that is, reinforcing NATO ties with loyal Central-Eastern European partners in order to both counter Russia's regional influence and to place NATO above the EU as key institutional actor in Europe. At the same time, thanks to the US support, the TSI offers member states the chance of being less reliant on the EU's western countries and feel less threatened by Russia.

Conclusion

In conclusion, a geopolitical understanding of the TSI allows to view it as a tool that could counterbalance the weight of Berlin, Paris, or Rome within the EU, advance US interests more than European ones in Central-Eastern Europe, inspire far-right populist political groups and, by extending a gaze to post-Soviet countries like Ukraine, increase the rivalry between the West and Russia.

Far from being a valuable resource for cooperation, a resurrection of Mackinder's "Middle Tier" could trigger old rivalries and widen ancient, unwelcome wounds in the European continent.

References

1. *Ištók, R., Kozárová, I., Polačková, A.* The intermarium as a Polish geopolitical concept in history and in the present // *Geopolitics*. – 2021. – Vol. 26. – P. 314–341.
2. *Mackinder H.J.* Democratic ideals and reality. A study in the politics of reconstruction. – London: Constable & Co. Ltd, 1919.
3. *Masaryk T.G.* Pangermanism and the zone of small nations // *New Europe* – 1916. – Vol. 1. – P. 271–277.
4. *Sykulski L.* Geopolityka. Słownik terminologiczny. – Warsaw: Wydawnictwo naukowe PWN, 2009.
5. *Troebst S.* ‘Intermarium’ and ‘Wedding to the Sea’: Politics of history and mental mapping in East Central Europe // *European Review of History*. – 2003. – Vol. 10. – P. 293–321.

Шамаров П.В.,

доктор политических наук, кандидат военных наук, доцент,
Московский государственный лингвистический университет,
профессор кафедры политологии Института международных отношений
и социально-политических наук, Москва.

Pavel V. Shamarov,

Doctor of Political Sciences, PhD (Military Sciences), Associate Professor,
Moscow State Linguistic University,
Professor, Department of Political Science, Institute of International Relations and
socio-political sciences, Moscow.
E-mail: pvs291189@gmail.com

**АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПЦИИ СУВЕРЕННОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ РОССИИ
В УСЛОВИЯХ СПЕЦИАЛЬНОЙ ВОЕННОЙ ОПЕРАЦИИ
НА УКРАИНЕ**

**ACTUALIZATION THE CONCEPT OF RUSSIA'S SOVEREIGN STATE-
HOOD IN THE CONDITIONS OF A SPECIAL MILITARY OPERATION
IN UKRAINE**

Агрессивно-эгоцентричная сущность Запада, его традиционная склонность к внешнеполитическому диктату, шантажу и конфронтации с российским государством во многом определяют международные реалии современности, характеризуемые прежде всего системным подрывом, как мы считаем, принципа глобального триединства, подразумевавшим в прежнюю биполярную эпоху императив реализации в мире общепринятых норм международного права, системы всеобщей безопасности, обязательной правомочности межгосударственных договоров.

Такая крайне неблагоприятная международная обстановка объективирует проблему надежной защиты государственных интересов России с задействованием всех возможностей системы обеспечения ее национальной безопасности на основе использования новаторских проактивно-конструктивных и рационально-прагматических подходов.

Как известно, в настоящее время под национальной безопасностью Российской Федерации официально понимается «состояние защищенности ее национальных интересов от внешних и внутренних угроз», при котором гарантируется выполнение ряда важнейших задач, в том числе «охрана государственных суверенитета, независимости, целостности и социально-экономическое развитие страны» [6, п. 7].

Решение указанных задач относится к классической функции государства – его обороне, которая интегративно выступает в качестве базисной первоосновы суверенного национального развития.

Полагаем, что с началом специальной военной операции на Украине функция обороны страны не только не утратила для России своего значения, но и прогрессирует в соответствии с политико-правовыми тенденциями суверенного развития большинства членов мирового сообщества. Одним из ключевых участников последнего является наше великое государство как в период его царского и советского прошлого, так и на новейшем демократическом треке. При этом содержание функции обороны страны как в Советском Союзе, так и Российской Федерации за последнее столетие изменялось не единожды [14].

В этой связи не уподобляем такие разновеликие и диаметрально противоположные понятия, как «международное, или мировое сообщество» и «коллективный, или совокупный Запад», даже с учетом концептуально-теоретического и политико-административного засилья в ведущих международных организациях англосаксов, их западных вассалов и последователей.

Одновременно полагаем крайне целесообразным с политико-правового ракурса интегрировать в понятие «*мировое незападное большинство*» или «*сообщество суверенной государственности*» всю совокупность субъектов международного права, не стесненных деструктивными геополитическими рамками стран трансатлантической идентичности и не следующих на мировой сцене их агрессивно-эгоцентричному внешнеполитическому курсу.

Совокупный Запад всемерно насаждает свою разрушительную идеологию, нацеленную на развитие современной цивилизации именно с позиции контрпродуктивно-примитивных и подчас абсурдных «ценностей», противоречащих здравому смыслу, исконным моральным и духовно-нравственным общечеловеческим принципам.

В этой связи напомним, что в соответствии с п. 14 Указа Президента Российской Федерации «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» № 809 от 9 ноября 2022 года под термином «деструктивная идеология» в нашей стране понимается разрушительная для общества система ценностей и идей, направленная в том числе на культивирование эгоизма, вседозволенности и безнравственности, а также отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, созидательного труда, традиционных семейных ценностей, позитивного вклада Российского государства в мировую историю и культуру [8, п. 14].

Сегодня, в условиях глубокой эрозии международного права, межгосударственной конфликтности и геополитической напряженности, спровоцированной агрессивным и иррациональным стремлением Запада, во что бы то ни стало сохранить свое мировое господство [4], проблема обеспечения национального суверенитета приобретает для России исключительное значение.

Навязчивые попытки США позиционировать себя в ипостаси так называемого «высшего планетарного арбитра», расширение НАТО на Восток, беспрецедентное всестороннее давление Запада на Россию предопределяют, как мы считаем, становление в нашей стране отечественной концепции суверенной государственности в рамках озвученной 27 октября в Валдайской речи Президента России рационально-прагматичной «идеологии здорового консерватизма».

Термин «суверенная государственность» был впервые закреплен в действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации

от 2 июля 2021 года [6, п. 1]. Однако смысловая нагрузка указанной дефиниции как в приведенном политико-правовом акте, так и других отечественных доктринальных документах до сих пор не раскрыта.

Представляется, что суверенная государственность не может быть как субъективно-формальной и частично-фрагментарной, так и неполно-выборочной или иллюзорно-эфемерной, а априори является *абсолютной, всесторонней и всеобъемлющей*, повышающей национальные возможности, роль и значение подлинно независимого государства, единственно способного «эффективно отвечать на вызовы времени и запросы граждан [4].

В нашем понимании, суверенная государственность гарантирует не только свойственные традиционному национальному суверенитету верховенство правительства и органов власти на всей территории страны и в интересах доминирующего большинства ее населения, свободу социума в беспрепятственной идентификации приоритетов и модальностей своего исторического развития, территориальную целостность и самостоятельность во внешнеполитической сфере, но также и императивное наличие у России пяти важнейших общенациональных детерминант.

Во-первых, реальное гражданское единство, подразумевающее не только общественное осознание чрезвычайной опасности и геополитической пагубности феномена преклонения и заискивания перед Западом, но и глубокое понимание его русофобско-антироссийской, агрессивной, эгоцентричной и тотально-потребительской сущности в условиях деструктивного «ценностного диктата» [4] США и стран НАТО.

Как свидетельствует вековая общеевропейская история, Запад экзистенциально, приоритетно и последовательно одержим идеей расчленения и уничтожения нашего самобытного и многонационального государства [1], суверенное развитие которого и в третьем тысячелетии воспринимается трансатлантистами как опаснейший геополитический вызов для успешной материализации ими пресловутого «ранжированного мирового порядка», эгоцентричной цивилизации тотального потребления,

неолиберальных монетарно-деструктивных, а подчас просто нездоровых физиологических потребностей-псевдо-ценностей. Последние, в частности, включают: внедрение антиобщественных стереотипов поведения; причинение вреда нравственному здоровью людей, семейным и социальным связям; пропаганду аморального поведения и нетрадиционных сексуальных отношений [8, п. 14, 17 (а, в, г)].

Во-вторых, прагматическая внешнеполитическая ориентация, управленческая дееспособность и готовность России к результативной защите за рубежом своих национальных интересов в условиях консолидированного игнорирования органами отечественной представительной власти деструктивных факторов субъективно-иррационального свойства, препятствующих развитию духовного потенциала и сплочению общества, социальному процветанию и преемственности поколений, обеспечению суверенитета и национальной безопасности страны.

В-третьих, ясно выраженная общероссийская гражданская идентичность, а также идеологическая, культурная, политическая, военная, правовая, техническая, финансово-экономическая и любая иная государственная самостоятельность, игнорирующая слепое заимствование иностранных шаблонов и клише, но гарантирующая воплощение в жизнь отечественных подходов по эффективной материализации национальных интересов, обеспечению и укреплению национальной безопасности российского государства.

Именно повышение уровня и качества жизни, созидательно-продуктивное социокультурное и общественное развитие многонационального народа России, создание публичной властью благоприятных условий для интенсивного роста реального сектора отечественной экономики должны стать действительными приоритетами внутренней и внешней политики нашей страны. Особо подчеркнем, что «сбережение народа России» сегодня официально позиционируется

Президентом в качестве приоритетного «национального интереса» и «основного стратегического приоритета» [6, п. 25 (1); 8, п. 24 (в)].

С учетом констатации российским национальным лидером факта «исчерпания существующей модели капитализма» [4] представляется рациональным оценивать функциональную дееспособность и персональную ответственность отечественных руководителей исключительно с позиции имплементации на благо Отечества вышеупомянутых интегральных критериев. Полагаем, что такой подход будет способствовать достижению национальных целей как в области обеспечения национальной обороны Российской Федерации, так и в сфере ее государственной политики по сохранению и укреплению собственных, традиционных духовно-нравственных ценностей [8, п. 21].

В-четвертых, именно де-факто безусловное осуществление «верховенства духовного над материальным», как было подчеркнуто в Валдайском выступлении Президента Российской Федерации, а затем закреплено 9 ноября 2022 года в пятом пункте его Указа № 809 от 9 ноября 2022 года.

Реализация данного рационально-консервативного принципа востребована для обеспечения национальной безопасности и купирования различных социокультурных угроз в условиях углубляющегося концептуально-цивилизационного противостояния России с совокупным Западом [4]. Представляется, что завершение данного противоборства на благоприятных для нашего государства условиях невозможно без опоры на отечественные внешнеполитические традиции и накопленный конструктивный опыт, а также без задействования талантливых и креативных патриотов-профессионалов, способных на выработку новаторских подходов и адекватных управленческих решений активно упреждающего и рационально-продуктивного свойства.

В-пятых, наличие у России достаточных политической воли и решительности, национальных возможностей и ресурсов для своевременной и

эффективной защиты своих граждан в любой точке мира, в том числе в ходе организации федеральным центром миротворческих и гуманитарных операций на страновом и региональном уровнях [3].

Считаем, что приоритетными целями последних могут стать прекращение геноцида и насильственного этноцида, тягчайших нарушений международного уголовного и гуманитарного права, преступлений против человечности и этнических чисток, затрагивающих за рубежом, и в первую очередь на территории бывшего СССР, наших соотечественников, местного русского и русскоязычного населения [12]. Напомним, что только благодаря миротворческой практике России на территории Сирии, бывших СССР и Югославии от физического уничтожения были спасены миллионы мирных жителей, созданы условия для общенационального диалога и примирения [10; 13].

Думается, что не случайно в п. 4 Указа Президента России от 21 февраля 2022 года № 71 «О признании Донецкой Народной Республики» российским Вооруженным Силам было предписано осуществлять на территории Донбасса «функции по поддержанию мира» [7]. Данный функционал и составляет, как мы считаем, принципиальное содержание начавшейся 24 февраля 2022 года специальной военной операции на Донбассе, ознаменовавшей, по нашему мнению, начало новейшего этапа эволюции функции обороны страны [14, с. 96–97] в интересах решения следующих актуальных задач:

– прекращение геноцида миллионов мирных русских и русскоязычных жителей со стороны киевского режима, нелегитимного, преступного и террористического с международно-правовой точки зрения [12], обладающего чертами неонацистской хунты, ориентированной на воплощение расистско-русофобских и агрессивных военно-политических установок Запада, вооруженный конфликт с Россией, уничтожение русской идентичности, языка, истории, православия и культуры;

– надежная нейтрализация военного потенциала Украины, к которому относим и функционирование на ее территории 46 биологических

лабораторий США по созданию штаммов боевых микробов и вирусов [5]. Реализация указанной программы является, на наш взгляд, не только источником биологической угрозы для всего человечества, но и вопиющим нарушением Конвенции ООН от 16 декабря 1971 года «О запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении» [2]. Такие противоправные деяния руководства США и Украины должны стать предметом беспристрастного расследования в ООН, не взирая на трансатлантическую де-факто и проамериканскую де-юре ориентированность ее международного Секретариата;

– нейтрализация на Украине фашистско-расистской идеологии, неонацистских организаций и праворадикальных структур, их приспешников, главарей и функционеров. При этом представляется, что вести диалог с убежденными нацистами не только контрпродуктивно-нерационально, но и чрезвычайно опасно с точки зрения императивной значимости и реализации на практике федеральных норм «сохранения и укрепления традиционных ценностей, пресечения распространения деструктивной идеологии»; «укрепления законности и правопорядка»; «формирования на международной арене образа Российского государства как хранителя и защитника традиционных общечеловеческих духовно-нравственных ценностей» [8, п.18, 23 (в), 31];

– привлечение к адекватной уголовной ответственности украинцев и иностранцев-наемников, совершивших против мирного населения и российских граждан на Донбассе садистские и кровавые преступления.

В заключение подчеркнем, что специальная военная (а по сути миротворческая) операция России на Украине легитимирована, по нашему мнению, не только четвертым пунктом Указа Президента Российской Федерации от 21 февраля 2022 года № 71 «О признании Донецкой Народной Республики» [7], но и статьей 107 Устава Организации Объединенных Наций [9].

В целом Запад крайне обеспокоен положительной динамикой спецоперации, перспективами геополитического и национального усиления России, гражданско-патриотической консолидации большей части ее властной элиты, что оценивается трансатлантистами как прямая угроза неолиберальным демократиям и их «физиологическим ценностям», самому американоцентричному миропорядку, основанному на ряде вековых англосаксонских принципов, а именно:

- национального шовинизма;
- системы «сюзерена и вассалитета»;
- агрессивно-силового диктата;
- масштабной фальсификации и подтасовки;
- межгосударственного разделения, разобщения и подавления.

Таким образом, учитывая, что «самой главной задачей становится обеспечение безопасного существования человека», публично позиционируемой Президентом Российской Федерации в качестве единственной «универсальной ценности» [4], отечественная специальная военная операция объективирует становление и развитие в рамках здорового национального прагматизма-консерватизма [11] концепции суверенной государственности.

Представляется, что ее реализация обусловит в оперативном формате победу России на Украине, а в стратегическом – динамичное государственное развитие и прочную консолидацию нашего народа при безусловном гарантировании национальной безопасности и имплементации за рубежом российских национальных интересов.

В целом считаем, что спецоперация завершает не только эпоху мирового англосаксонского господства на традиционном фундаменте примитивно-варварского «кулачно-денежного права», но и 30-летие комфортного распространения в мире неолиберально-потребительских подходов, укоренившихся в Европе и отчасти в России после самороспуска СССР и бескровной прокси-победы НАТО в холодной войне вследствие

национального предательства партийно-советской номенклатуры – прежней властной элиты; а также период контрпродуктивной и деструктивной деятельности, как считает Президент России, отечественных «догматиков разного толка: реакционеров, и так называемых прогрессистов» [4].

Литература

1. *Елисеев М.Б., Филиппов В.В.* Русь против крестоносцев: моногр. / В.В. Филиппов, М.Б. Елисеев. – М.: Вече. – 352 с.
2. Конвенция ООН от 16 декабря 1971 года «О запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении» // Организация Объединенных Наций. Официальный сайт. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bacweap.shtml (дата обращения: 13.10.2022).
3. *Любимов А.П., Шамаров П.В.* Российская миротворческая и гуманитарная деятельность: международное право, суверенная политика и практика // Представительная власть – XXI век. – 2022. – № 3 (194). – С. 17–24.
4. *Путин В.В.* Выступление на заседании Международного дискуссионного клуба «Валдай» 27 октября 2022 года // Президент России. 2022. 27 октября. – URL: www.kremlin.ru/events/president/news/69695 (дата обращения: 28.10.2022).
5. *Ставер А.* Как американцы хотят «забыть» о собственных биологических лабораториях за рубежом // Информационный мультипортал КМ.RU. 2022. 20 марта – URL: www.km.ru/world/2022/03/18 (дата обращения: 22.03.2022).
6. Указ Президента Российской Федерации от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Российская газета. 2021, 03 июля.
7. Указ Президента Российской Федерации от 21 февраля 2022 года № 71 «О признании Донецкой Народной Республики» // Представительная власть – XXI век. – 2022. – №. 1–2. – С. 13.
8. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» № 809 от 09 ноября 2022 года – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/decrees/69695>

- publication.pravo.gov.ru/document/view/0001202211090019 (дата обращения: 10.11.2022 г.).
9. Устав ООН // Организация Объединенных Наций. – URL: <https://www.un.org/ru/sections/un-charter/chapter-i/index.html> (дата обращения: 07.11.2022).
 10. *Шамаров П.В.* Миротворчество России на постсоветском пространстве: политико-правовой анализ // Этносоциум и межнациональная культура. – 2019. – № 8 (134). – С. 127–136.
 11. *Шамаров П.В.* Прагматический подход в миротворчестве России // Представительная власть – XXI век. – 2020. – № 3 (178). – С. 37–40.
 12. *Шамаров П.В.* Об универсальности определения геноцида: на примере деятельности Международного военного трибунала в Нюрнберге // Вестник Дипломатической академии МИД России. Международное право. – 2021. – №.2 (13). – С. 14–36.
 13. *Шамаров П.В.* Балканское миротворчество России: прошлое, настоящее, будущее // Внешнеполитические интересы России: история и современность: сборник материалов X Всероссийской научной конференции. Самара, 30 апреля 2022 г. / Ответственный редактор А.Н. Сквозников. – Самара : Самарама, 2022. – С. 199–206.
 14. *Шамаров В.М., Шамаров П.В.* О функции обороны страны и ее новейшей трансформации в функцию суверенной государственности // Военное право. – 2022. – № 5 (75). – С. 89–98.

Шляхтунов А.Г.,

доктор политических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Andrey Shlyakhtunov,

Doctor of Political Sciences, Professor (Political Sciences),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: andrey.shlahtunov@yandex.ru

ГУМАНИТАРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНАЯ НАПРАВЛЕННОСТЬ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

HUMANITARIAN SECURITY AS A SOCIAL ORIENTATION OF THE DOMESTIC AND FOREIGN POLICY OF MODERN RUSSIA

Авторское видение стратегических приоритетов гуманитарной безопасности представляется как основания внутренней политики страны, а также продвижение ее интересов на международной арене в условиях быстроменяющейся обстановки.

Согласно концепции национальной безопасности, отдельными ее разновидностями признаются безопасность как внутренняя, так и внешняя, относящиеся к соответствующим сферам политики.

Внутренняя политика – совокупность направлений деятельности государства и общества, их структур и институтов по организационному, конкретно-содержательному выражению интересов народа с целью создания условий для нормальной человеческой жизни; сохранению или законному реформированию существующего общественного и государственного строя.

Одной из главных функций государства является удовлетворение потребностей групп населения, осуществление социальной политики, ориентированной на защиту личности, и обеспечение гуманитарной безопасности как конкретного состояния защищенности жизненно важных интересов личности и общества в границах нашего государства как от внешних, так и от внутренних угроз [1].

На современном этапе развития впервые концептуально в докладе «Программы ООН по развитию» были выделены шесть составляющих human security. Данная программа была представлена в 1994 году, и в нее вошли следующие элементы безопасности:

- 1) экономическая безопасность;
- 2) продовольственная безопасность;
- 3) медицинская безопасность;
- 4) экологическая безопасность;
- 5) безопасность личности (от таких угроз, как пытки, войны, преступления, наркотики, суициды и др.);
- 6) безопасность сообществ, включающая сохранение традиционных культур, этнических групп и политическую безопасность, к которым можно отнести гражданские права и свободы, отсутствие политического угнетения.

Вместе с тем переход страны на рельсы устойчивого развития требует тщательного анализа и прогноза не только изменений характера угроз и привычно значимых факторов безопасности (военного, информационного или энергетического), но и в большей степени гуманитарного измерения безопасности.

Непросто говорить о гуманитарной безопасности, когда США продолжают наращивать объем финансирования военных программ – нижняя палата конгресса увеличила предложенную президентом в проекте бюджета сумму на 45 млрд долл. до 858 млрд долл. (около 15% расходов федерального бюджета в 2023 году) [5].

В то же время для нас важно, что инновации, борьба за человеческий капитал на современном этапе определяют темпы развития стран современного мира. Безопасность бытия конкретного человека является основой национальной безопасности и условием безопасности социума [1].

Указанные составляющие гуманитарной безопасности тесно связаны между собой. В ряде случаев одна из них, например, экономическая, может

оказывать определяющее влияние на другие. В то же время отсутствует определение гуманитарной безопасности в правоустанавливающих документах Российской Федерации. О данной проблеме много говорится, пишется, но постоянного определения пока не выработано. Поэтому у философов, политологов, историков, социологов есть достаточно много работы в закрытии данного пробела. Недостаточно еще научных статей, защищенных диссертаций на эту тему. Наш круглый стол, международная конференция позволяют расширить горизонт возможностей в данной области исследований.

Гуманитарная безопасность в своей основе находит свое отражение и выходит из гуманитарной политики Российской Федерации в целом. Приоритеты гуманитарной безопасности лежат в проведении высшим руководством страны гуманитарной политики как во внутренней, так и в международной сферах. Поэтому первое и очень значимое концептуальное решение принято с Указом Президента РФ от 5 сентября 2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» [4].

Хотелось бы обратить внимание о своевременности выхода данного Указа Президента РФ.

Настоящая Концепция представляет собой систему взглядов на цели, задачи, принципы и основные направления гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом. Правовую основу настоящей Концепции составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные законы, Указ Президента Российской Федерации от 8 ноября 2011 г. № 1478 «О координирующей роли Министерства иностранных дел Российской Федерации в проведении единой внешнеполитической линии Российской Федерации» и другие нормативные правовые акты Российской Федерации, регулирующие деятельность

федеральных органов государственной власти в сфере гуманитарной политики.

Настоящая Концепция дополняет и развивает положения основных направлений политики Российской Федерации в сфере международного культурно-гуманитарного сотрудничества, учитывает основные положения документов стратегического планирования Российской Федерации, затрагивающих вопросы международных отношений Российской Федерации [4].

В современном мире повышенное внимание уделяется роли человека и человеческого капитала, вследствие чего социально-гуманитарный потенциал активно используется в различных областях международных отношений и мировой политики, включая культуру, науку, образование, спорт и туризм. Деятельность в этих областях направлена на укрепление сотрудничества, взаимного доверия, развитие человеческого капитала, что приобретает особую значимость в период трансформации мировой политической системы. При реализации гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом необходимо учитывать взаимосвязанный и взаимозависимый характер современных международных отношений. Далее, что на взгляд автора очень значимо, представлены имена людей, которые внесли неоценимый вклад в развитие нашего общества и страны.

В тексте документа сказано: «Российская культура во все исторические эпохи была символом России и российской нации. Ее уникальность демонстрировали миру не только труды выдающихся представителей литературы, музыки и науки, таких как Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский, П.И. Чайковский и Д.Д. Шостакович, Д.И. Менделеев и И.В. Курчатов, но и богатое культурное и духовное наследие многонационального народа России» [4].

В качестве вывода можно отметить, что гуманитарная политика Российской Федерации за рубежом является неотъемлемой частью внешней политики Российской Федерации. Особую роль в гуманитарной сфере играет

культура как эффективный инструмент сглаживания противоречий между государствами и формирования объединительной международной повестки дня.

У любого государства присутствуют свои национальные интересы в зависимости от экономического, военного, географического и других факторов. Говоря о деятельности Российской Федерации в гуманитарной сфере за рубежом, хотелось бы отметить, что цели, задачи и принципы политики Российской Федерации за рубежом в этой области являются следующими:

- 1) защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей;
- 2) ознакомление мировой общественности с историческим и культурным наследием многонационального народа Российской Федерации и его достижениями;
- 3) взаимообогащение культур народов Российской Федерации и иностранных государств, в том числе повышение доступности российского и мирового культурного достояния.

К принципам гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом можно отнести:

- 1) единство системы конституционных ценностей, которые характеризуют Россию как социально ориентированное государство, формирующее условия для всестороннего развития личности, реализации ее творческого потенциала, продвижения традиционных духовно-нравственных ценностей;
- 2) партнерство, заключающееся в реализации участниками международного гуманитарного сотрудничества совместных проектов, основанных на объединении ресурсов и координации деятельности в целях повышения эффективности такого сотрудничества;
- 3) невмешательство во внутренние дела других государств [4].

Министерству иностранных дел в данном направлении предписана ведущая роль. Ежегодно на сайте МИД РФ отражается работа, проделанная за

год в данном направлении. Комплексная государственная программа Российской Федерации «Содействие международному развитию» принята в Российской Федерации.

Министерство иностранных дел России с 1 января 2022 года реализует утвержденную Правительством Российской Федерации (14 сентября 2021 г.) комплексную государственную программу «Содействие международному развитию» (далее – КГП СМР). Ответственный исполнитель Госпрограммы – МИД России, соисполнитель – Россотрудничество, участники – Росмолодежь, РАНХиГС. Данная Госпрограмма является комплексной и включает в себя 23 госпрограммы, реализуемые 17-ю госорганами и соответствующие сфере реализации государственной программы «Содействие международному развитию» [2].

Госпрограмма – документ стратегического планирования, содержащий комплекс взаимосвязанных по задачам, срокам осуществления, исполнителям и ресурсам планируемых мероприятий и инструментов государственной политики, обеспечивающих достижение приоритетов и целей.

Приоритеты и цели государственной политики в сфере реализации Госпрограммы определяются, исходя из положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Концепции внешней политики Российской Федерации, Концепции государственной политики в сфере содействия международному развитию, решений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации, международных договоров Российской Федерации, других документов, регламентирующих внешнеполитическую деятельность.

Значимой работой являются проводимые мероприятия по поддержке и развитию русского языка. В этой связи была принята комплексная государственная программа Российской Федерации «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом».

МИД России выступает ответственным исполнителем комплексной государственной программы Российской Федерации «Поддержка и

продвижение русского языка за рубежом». Госпрограмма разработана по поручению Президента Российской Федерации, распоряжением Правительства Российской Федерации от 22 июня 2021 г. № 1689-р внесена в перечень государственных программ Российской Федерации, утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации 11 ноября 2010 г. № 1950-р, с периодом реализации 2022–2031 гг. [4].

Соисполнителями и участниками являются Минкультуры России, Минобрнауки России, Минпросвещения России, Минцифры России и Россотрудничество.

Госпрограмма представляет собой документ стратегического планирования в сфере продвижения русского языка, расширения русскоязычного культурного, образовательного и информационного пространства. Вопросы об этом не раз поднимались на переговорах различного уровня [3].

Приоритетами государственной политики в сфере реализации Госпрограммы становятся:

- усиление роли России в мировом гуманитарном пространстве;
- распространение и укрепление позиций русского языка в мире, в том числе как языка международного общения;
- популяризация достижений национальной культуры, национального исторического наследия и культурной самобытности народов России, российского образования и науки. Госпрограмма включает в себя 5 направлений (подпрограмм):

- 1) культурно-гуманитарная сфера;
- 2) образование и наука;
- 3) информационная сфера;
- 4) международно-политическая сфера;
- 5) экспертно-аналитическое сопровождение Программы [3].

Делая вывод, необходимо отметить, что в настоящее время социокультурная среда в различных государствах формируется

исключительно исходя из интересов самих государств. Подрыв национальных, исторических, культурных и конфессиональных традиций в нашей стране не приемлем, и мы не раз заявляли об этом на различных уровнях. Но в то же время нашей особенностью является то, что мы с терпением, пониманием доносим свою позицию по тем или иным вопросам. Стараемся не вмешиваться во внутренние дела других государств, чего хотим и от других стран соответственно. Исключительное право иметь собственное мнение есть не у многих государств.

Россия в этом плане – самостоятельная и самодостаточная страна, что в свою очередь не нравится многим лидерам ведущих государств Европы и США. Поэтому приоритет гуманитарной политики и гуманитарной безопасности является весомым доводом в налаживании и взаимопонимания и сотрудничества между государствами с различными взглядами.

Литература

1. *Казаков М.А.* Гуманитарная безопасность как основание внутренней политики Современной России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия Социальные науки. – 2013. – №1 (29). – С. 22– 27.
2. Об основных итогах деятельности Министерства иностранных дел Российской Федерации в 2021 году. – URL: <https://www.mid.ru>.
3. О комплексной государственной программе Российской Федерации «Поддержка и продвижение русского языка за рубежом». – URL: <https://www.mid.ru>.
4. Указ Президента РФ от 5 сентября 2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом».
5. Congress reveals plan to increase defense budget. – URL: <https://www.defensenews.com/congress/budget/2022/12/07/congress-reveals-plan-to-increase-defense-budget-by-8/> (дата обращения: 09.12.2022).

Мариус Вакарелу,

доктор наук (административные науки),

Национальная школа политических и административных исследований,

Бухарест, Румыния.

Marius Vacarelu,

PhD (Administrative Sciences),

National School of Political and Administrative Studies, Bucharest.

E-mail: marius333vacarelu@gmail.com

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В XXI ВЕКЕ: КТО ВЫЖИВЕТ?

ECONOMIC SECURITY IN THE 21ST CENTURY: WHO WILL SURVIVE FIRST?

In recent years, the idea of economic security has started to matter more and more, and different definitions emphasize both its importance and its components. Basically, economic security is described as the ability of individuals, households or communities to cover their essential needs sustainably and with dignity. This can vary according to an individual's physical needs, the environment and prevailing cultural standards. Food, basic shelter, clothing and hygiene qualify as essential needs, as does the related expenditure; the essential assets needed to earn a living, and the costs associated with health care and education also qualify [9].

This definition is a modern one, influenced by today's ideological competition, in a simple description, common people understood economic security as a prosperous or at least constant working area, where monthly income is enough to live comfortable and in the worst case scenarios, the national legal framework protects in a decent manner unemployed people.

Most of the time, the issue of economic security is considered secondary by international relations specialists. It is in a way understandable why: negotiations between political leaders, wars, treaties that regulate different situations, etc. are more interesting, compared to what is mainly a problem of internal politics.

In whatever situation we are, the idea of the economy is left to the appreciation of governments and citizens, as the first sphere of political-legal action, because it

is easy to notice that no country is the same as the others in terms of the general economic framework. The differences in resources, population, scientific strength, geography (hills and mountains, deserts and rivers, etc.) and transport routes can make similar political conditions offer different results, and on top of all this, the different ambitions of the political leaders of yesterday and today are added.

However, today economy is not a topic to be ignored and in the last decades a famous expression achieves a real popularity: “is the economy, stupid!” [8]. It is mandatory today to remember that some elections were won by candidates with smaller charisma, but with a good image of economic competence and in this perspective is also very important to notice the difference between elections for presidents and competition for parliaments, where a diffuse image of political parties can be cleared in economic sphere by doctrines or by its most valuable members.

Another aspect must be emphasized, namely the temporal one. Too often, contemporary science seeks to understand the world of yesterday by applying only today's methods or concepts and interpretations, without understanding that decades ago, hundreds of years or even more, political reason had other foundations, and not always those economic first.

Any correct analysis of the past centuries will highlight the supreme desire of the leaders to implement monarchical or aristocratic absolutism on the domains they could control. Without discussing the importance of this concept in what it meant for the administrative formation of modern states, we note that in this paradigm the foundation of power was one in which the economy only mattered in the last instance, rather for the prevention of large-scale riots. In all other cases, the leader supervises the various smaller political-administrative leaders (as a force) and forces them to execute any order. Hence, a reduced concern for the common man, which will eventually lead to massive migrations to other continents or to other countries, where fiscal and administrative exploitation was less [1]. This absolutist paradigm is the key-reading for Machiavelli, Hobbes, Voltaire, Rousseau, Locke and many other thinkers – they wrote for an «efficient monarch», able to strength the country force but also to improve the quality of life for all people.

It must be taken into account that times have changed since then, especially in three dimensions: population; the amount of resources consumed every year and the reduction of political leaders' mandates, who can no longer fulfill different functions for life – except under special conditions, often difficult to maintain for decades. Space for this text does not allow to analyze how this type of political mandate was arrived at, nor will we discuss the methods used to improve the life of the common man in the last 150 years (our topic request in fact a volume for explanations and prognosis). We will note, however, that in this century, after all the thousands of wars and conflicts that humanity has had, the population of the planet has reached over 8 billion inhabitants, of which 5 billion were born after 1960 [10], with a life expectancy global for over 70 years [7] and with aspirations for happiness and a comfortable standard of living.

The standard of living issue becomes very important, because the development of technology in the last 150 years has led the common man today to have a more comfortable life than the kings had for hundreds of years – at least in Europe, North America and in part of Latin America and Asia, but less in Africa. Consequently, the consumption of resources has increased enormously, and the planet can no longer make do with what it produces annually. As the analyzes of specialists in environmental issues show, since July-August people have been consuming what the planet naturally produces [5], thus leading to deforestation, extraction of natural resources from soil and water and use of goods in quantities already produced by ecosystem, but which cannot be replaced in our lifetime.

From this moment “geopolitics begins”. The 21st century will be one in which the “environmental powers” – namely the countries that can control the course of rivers and have an exceptional agricultural production – will begin to dominate the surrounding spaces. Building dams on large rivers can influence the destiny of many countries, and in this sense the situation of China and its dams in the mountains – affecting India, Bangladesh, Vietnam and Thailand – is eloquent [2]. In the absence of water, economies do not develop, jobs disappear, and citizens will turn against their own governments. If it is just a matter of a simple mismanagement of internal

resources, governments will be destroyed and coalitions will change, but if there are external causes, then hatred between states will appear/increase and it is possible that different geopolitical alliances will appear.

Could all of these go to a war? I am not Nostradamus, but if world population continues to grow in the same countries – many of them with fragile economy – any behaviour considered not-friendly could lead to confrontation with weapons. In reality, UN predictions say that the population of the planet will most likely stabilize around the 2070s, and Africa – the continent where people have the lowest standard of living [6] – will experience an increase in population from 1.3 billion people in 2020 to 4.3 billion people in the year 2100, referred to a total of 10.9 billion people worldwide [3].

To these data that do not offer a perspective that is too easy for governments to solve, let's add that in the last decades another problem has appeared, also contributing to the decrease in the quality of life, to the threat of global economic security and to the creation of many perspectives of competition or even conflict. Concretely, the increasingly prolonged droughts – the same UN estimates that in 2050, 3 quarters of the planet's population will be affected by droughts [4] – reveals that in fact the geopolitics of the future may be simpler than it seems, and the recent years innovations (Artificial Intelligence, in particular) seem to be only tools that will be used strictly for agricultural and water purposes.

In the coming years, the national governments will have fewer possibilities to influence the future of their own countries, if the geographical situation will not be favorable for them. A positioning near a desert will most likely mean a strong internal pressure, which will be difficult to manage and which could lead either to internal riots, or to a wave of external migration, or to both. At the same time, if there will be external factors (intervention of other countries) that will reduce or affect the prospects of agriculture or the supply of fresh water, the possibility of open conflicts will greatly increase.

Time will decide who will benefit, in the end, but the need for firm and effective global action is clear, overcoming the various obstacles of a geopolitical, ideological, geographical or historical nature.

References

1. *Arceneaux K.* The roots of intolerance and opposition to compromise: The effects of absolutism on political attitudes // *Personality and Individual Differences*. – Volume 151. – 2019. – URL: <https://doi.org/10.1016/j.paid.2019.07.008> (accessed: 23.12.2022).
2. *Chellaney B.* China Leverages Tibetan Plateau's Water Wealth. – 2020. – URL: <https://gjia.georgetown.edu/2020/06/16/china-leverages-tibetan-plateaus-water-wealth/> (accessed: 23.12.2022).
3. *Cilluffo A., Ruiz N.G.* World's population is projected to nearly stop growing by the end of the century. – 2019. – URL: <https://www.pewresearch.org/fact-tank/2019/06/17/worlds-population-is-projected-to-nearly-stop-growing-by-the-end-of-the-century/> (accessed: 23.12.2022).
4. Desertification and Drought Day 2022. – URL: <https://www.unccd.int/desertification-and-drought-day-2022> (accessed: 23.12.2022).
5. Earth Overshoot Day, Last year, Earth Overshoot Day fell on July 28. – URL: <https://www.overshootday.org/> (accessed: 23.12.2022).
6. GDP per capita, current prices, 2022. – URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPDPC@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD> (accessed: 23.12.2022).
7. GHE: Life expectancy and healthy life expectancy. – URL: <https://www.who.int/data/gho/data/themes/mortality-and-global-health-estimates/ghe-life-expectancy-and-healthy-life-expectancy> (accessed: 23.12.2022).
8. *Spoon J.-J., Williams Ch.J.* 'It's the economy, stupid': when new politics parties take on old politics issues // *West European Politics*. – 2020. – URL: [10.1080/01402382.2020.1776032](https://doi.org/10.1080/01402382.2020.1776032) (accessed: 23.12.2022).
9. What is Economic Security. – URL: <https://www.icrc.org/en/document/introduction-economic-security> (accessed: 23.12.2022).
10. World Population Prospects 2022: Summary of Results. – URL: <https://www.un.org/development/desa/pd/content/World-Population-Prospects-2022> (accessed: 23.12.2022).

Офицеров-Бельский Д.В.,

к.и.н., старший научный сотрудник,
ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН, Москва.

Dimitry V. Ofitserov-Belsky

Ph.D., Senior Research Fellow,
IMEMO of the Academy of Sciences of Russia, Moscow.

E-mail: DmitriyBelskiy@gmail.com

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И «МЯГКАЯ СИЛА» В ЭПОХУ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

“SOFT POWER” IN A TURBULENT WORLD

Концепция «мягкой силы» родилась практически одновременно со становлением американского гегемонизма и вместе с ним подошла к эпистемологическому кризису и необходимости переосмысления. Предложенная Д. Наем на закате холодной войны [8], она была в тот момент не столько концептуализацией несилового измерения власти, сколько попыткой определения новых смыслов и методов американской политики в условиях краха основной конкурирующей идеологии, необходимости осмысления успеха «бархатных революций» и осознания исключительности Запада.

«Мягкая сила» обычно определяется как форма власти без насилия и принуждения, основанная на способности формировать предпочтения других [9, с. 5]. Она во многом представляет собой современный взгляд на идеологию, избавленный от жестких противопоставлений и императивных смыслов, а также ассоциаций с авторитаризмом и принуждением. Инструментами «мягкой силы» являются общественно-политические и экономические теории, правовые концепции, научные подходы и решения. Она влияет на то, как субъекты определяют свои цели и средства, действуя на уровне интересов и мотиваций, жизненно важных целей и предпочтений, а также стратегий достижения жизненно важных целей [7]. При этом практически стирается грань между влиянием на интересы и предпочтения и прямым манипулированием поведением. Д. Най логично рассуждает: «Если я могу

заставить вас хотеть делать то, что хочу я, то мне не нужно использовать кнут или пряник, чтобы заставить вас это сделать» [9, с. 6].

«Мягкую силу» иногда рассматривают как точку концептуального пересечения трех основных теоретических подходов в исследовании международных отношений [4]. Однако в большинстве интерпретаций концепция все же выглядит как расширение аналитического поля реализма, позволяющее говорить о традиционных сферах сотрудничества в терминах силы, свойственных анализу конфронтации.

Важнейшей чертой теоретических дискуссий о «мягкой силе» является присутствие в них гегемониального дискурса. Большое внимание этому аспекту уделяет в своих исследованиях Д. Керн [3]. В грамшианской трактовке гегемонистская власть подчиняет систему своим интересам, но при этом создает институты и работает над выработкой норм, которые служат собственным интересам, но в конечном итоге приносят пользу и другим государствам. Предоставление общих благ и преимуществ, в первую очередь безопасности и доступа к рынкам, имеет решающее значение для понимания того, почему они подчиняются лидерству гегемонистской державы [10].

Однако погоня за «мягкой силой» не является исключительной прерогативой гегемона. Стремление инвестировать в культурную дипломатию, под которой очень часто ошибочно подразумевают важнейший инструмент «мягкой силы», особенно заметно среди лидеров развивающегося мира, таких как страны БРИКС, чьи правительства в последние годы проводят активную деятельность с целью повышения своего международного авторитета в соответствии с их растущей глобальной экономической мощностью [6]. В этом варианте культурные отношения всегда имели выраженную национальную доминанту и были построены по принципу односторонней трансляции. Такое неправильное понимание концепции Д. Ная привело к заметному сосредоточению внимания на международной культурной деятельности. И. Холл и Ф. Смит, ссылаясь на исследования общественного мнения, утверждают, что всплеск инициатив в области «мягкой силы» в

Восточной Азии практически не оказал положительного влияния на мировое общественное мнение, несмотря на огромные ресурсы, направленные на них [5].

Главным образом «мягкая сила» связана с созданием общих смыслов и правил. Причем этот процесс оказывается более успешным в такой среде, где смыслы и правила уже существуют. Д. Най указывает на это, отмечая два условия, которые важны для понимания того, как может создаваться и использоваться «мягкая сила», – управляемая правилами институциональная среда и наличие основополагающих взаимных интересов [9, с. 16]. Д. Чекел доводит эту логику до крайности, утверждая, что, в рамках такой организации, как ЕС, или даже коллективного Запада, можно наблюдать влияние «мягкой силы», но не следует делать обобщений в отношении более крупных моделей глобальной политики [2]. Отчасти это утверждение представляется верным, но предполагает немало исключений. Например, советская коммунистическая идеология может рассматриваться как успешный пример «мягкой силы», несмотря на неполное признание страны до 1934 года и железный занавес после Второй мировой войны. При этом коммуникационные возможности тех лет и доступность информации были несопоставимо меньшими в сравнении с сегодняшним днем. Аналогичным образом «мягкая сила» стран Запада очень серьезно влияла на общества стран соцлагеря и в конечном итоге сыграла важную роль в падении коммунизма.

В период мировых кризисов «мягкая сила» часто действует за пределами обычных сценариев, отвечая потребности переосмысления прежних правил и норм. Но это возможно только при том условии, что она содержит в своей основе проект будущего и дает ответы на фундаментальные вопросы современности: социальные, экономические и политические. Нынешний системный кризис проявляется в исчерпании консенсуса великих держав, их способности определять глобальные и региональные процессы, ослаблении роли международных организаций и международного права, существующей модели капитализма и достигшей впечатляющих масштабов санкционной

войне. Изменения затрагивают практически все сферы – от экономики и безопасности до появления все более парадоксальных толкований того, что есть человек и смысл его существования [1]. Происходящее требует переосмысления привычных понятий и пересмотра подходов.

«Мягкая сила» представляет собой глобалистский феномен не только потому, что содержит гегемониальный компонент, но и потому, что связана с продвижением универсальных правил и глобальных решений. Это предполагает наличие отношений, составляющих многосторонний институциональный контекст, созданный для решения коллективных проблем. Глобальные вызовы первоначально были обозначены в исследованиях окружающей среды, энергетики, водообеспечения, и только потом были сформированы соответствующие направления политического действия. Решения в сфере «мягкой силы» часто включены в очень широкие контексты, хотя фактически представляют собой инструменты укрепления национальной конкурентоспособности.

Россия является одной из немногих стран, способных участвовать в формировании новой глобальной повестки. Однако постулируемый до сих пор приоритет суверенитета и традиционных ценностей не способен сформировать полноценную альтернативу подходам, ориентированным на вполне определенное видение будущего и прогресс. Вместо ясной картины, позволяющей определить свое место в международном обществе, наметить пути развития и способы согласования интересов, предлагается неопределенность. Не меньшей проблемой является и содержательная неясность подхода. В многоконфессиональной и полиэтнической России определение традиционных ценностей представляет собой очевидную проблему, но окончательно поставить в тупик этот вопрос способен, когда речь заходит о глобальном контексте. Приверженность традиционным ценностям подчеркивает право на уникальность и именно поэтому не может обладать интегрирующим потенциалом, в отличие от универсальных смыслов и правил.

Естественное стремление к сохранению уникальности требует не столько обращения к элементам прошлого, сколько выхода за пределы сформировавшихся в рамках западной традиции нарративов, а также новой трактовки базисных общечеловеческих принципов и идей. Сейчас формирование новой глобальной парадигмы вновь происходит преимущественно в рамках западных обществ, на базе экономических и правовых теорий, задачами которых являются сохранение доминирования западного мира и искусственное закрепление отставания остальных стран. Очевидно, что, действуя в настроенной на интересы избранной группы стран системе смыслов и правил, остальным участникам международных отношений очень сложно отстаивать свои интересы и выходить на лидирующие позиции. Несмотря на то что расстановка сил в мире изменилась, перераспределение долей в пользу тех растущих и развивающихся стран, которые до сих пор чувствовали себя обделенными [1], представляет собой сложную проблему, для решения которой обладание интеллектуальным суверенитетом важнее, чем политическим.

Список литературы

1. Заседание дискуссионного клуба «Валдай». Владимир Путин принял участие в пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 21 октября 2021 года // Сайт Президента России. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975>.
2. *Checkel J.T.* Why comply? Social learning and European identity change // *International Organization*. – 2001. – Vol. – 55. – Issue 3. – Pp. 553–588.
3. *Kearns D.W.* The hard truths about soft power // *Journal of Political Power*. – 2011. – Vol. 4. – Issue 1. – Pp. 65–85. DOI: 10.1080/2158379X.2011.556869.
4. *Gallarotti G.M.* Soft power: what it is, why it's important, and the conditions for its effective use // *Journal of Political Power*. – 2011. – Vol. 4. – Issue 1. – Pp. 25–47. DOI: 10.1080/2158379X.2011.557886.

5. *Hall I., Smith F.* The struggle for soft power in Asia: public diplomacy and regional competition // *Asian security*. – 2013. – Vol.9. – Issue 1. – Pp. 1–18.
DOI:10.1080/14799855.2013.760926.
6. *Holden J., Tryhorn C.* Influence and attraction: Culture and the race for soft power in the 21st century // *British Council*. – 2013. – URL: <https://www.british-council.org/sites/default/files/influence-and-attraction-report.pdf>.
7. *Jervis R.* Understanding the Bush doctrine // *Political Science Quarterly*. – 2003. – Vol. 118. – No. 3. – Pp. 365–388.
8. *Nye J.S.* Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – New York, 1991. – P.336.
9. *Nye J.S.* Soft power: the means to success in world politics. – New York: Public Affairs, 2004.
10. *Posen B.* Command of the commons: the military foundation of U.S. hegemony // *International Security*. – 2003. – Vol. 28. – Issue 1. – Pp. 5–46.

РАЗДЕЛ 4. ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

PART 4. PECULIARITIES OF PRESENT SECURITY INSURANCE

Александров М.В.,

доктор политических наук,

Центр военно-политических исследований МГИМО, Москва.

Mikhail V. Alexandrov,

Ph.D. in Political Science,

The Political-Military Studies Center of MGIMO, Moscow.

E-mail: ellab@list.ru

КОЛЛАПС СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И НОВАЯ РОЛЬ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ В МНОГОПОЛЯРНОМ МИРЕ

THE COLLAPSE OF THE INTERNATIONAL SECURITY SYSTEM AND A NEW ROLE OF NUCLEAR WEAPONS IN MULTIPOLAR WORLD

Разрушение системы международной безопасности, вызванное стремлением США и их союзников сохранить свое доминирование в международных делах, привело к тому, что единственной гарантией безопасности государств стал фактор военной силы. Это особенно актуально для стран, которые имеют амбиции стать новыми центрами силы многополярного мира. Ведь именно против них направлено острое удара Запада. Это касается прежде всего таких стран, как Россия, Китай, Иран, а в перспективе и Индия, которую сейчас Запад по тактическим соображениям не трогает.

При этом, как показывает анализ, противостоять коллективному Западу в военном отношении ни один из этих новых центров силы в одиночку не в состоянии. Военный потенциал западной коалиции на порядок превышает потенциал других центров силы, в том числе России. Ход СВО наглядно продемонстрировал ограниченность военных возможностей России даже в противостоянии с Украиной, получающей военно-техническую помощь

Запада. А что если дело дойдет до войны со всем блоком НАТО? Понятно, что одержать победу в такой войне у России шансов нет. Единственный выход – это использовать тактическое ядерное оружие. Между тем на Западе существует стойкое убеждение, что нынешнее руководство России не рискнет применить ядерное оружие и предпочтет капитуляцию ядерной войне.

В этой связи России надо срочно пересмотреть свою ядерную доктрину, а для начала надо сдать в архив пропагандистские штампы позднебрежневской эпохи. Эти штампы следующие:

- Ядерная война приведет к всеобщему апокалипсису и гибели человечества.
- В ядерной войне не может быть победителей.
- Ограниченной ядерной войны быть не может, так как неизбежно произойдет эскалация до обмена стратегическими ядерными ударами.

Ни один из этих тезисов не имеет серьезного научного обоснования, не подтвержден практикой, противоречит многим общеизвестным фактам, таким как многочисленные ядерные испытания в атмосфере, крупные аварии на АЭС в США, СССР и Японии, а также последствия крупных извержений вулканов на протяжении человеческой истории.

В российской ядерной доктрине должны быть сделаны следующие изменения.

Во-первых, должно быть введено положение о применении ядерного оружия первыми и не при «угрозе самому существованию государства», а во время крупномасштабного военного конфликта, если этого потребует военная необходимость.

Во-вторых, надо признать возможным ведение ограниченной ядерной войны на отдельном ТВД.

В-третьих, в доктрину надо ввести тезис о возможности превентивного ядерного удара стратегическими силами по территории противника, если будут иметься достоверные данные, что он готовит ядерное нападение на Россию.

Соответственно, должна быть перестроена и подготовка российских вооруженных сил, а также внесены изменения в их структуру с целью приспособить их к эффективному ведению ограниченной ядерной войны в Европе. Кстати, в СССР все это уже существовало, так же как и в войсках НАТО периода холодной войны. Кстати говоря, тогда концепция «гибкого реагирования» НАТО как раз подразумевала ограниченную ядерную войну на территории Европы.

Помимо изменений в ядерной доктрине, России надо продемонстрировать НАТО решимость применить ядерное оружие. Для этого Москва должна выйти из моратория о запрещении на ядерные испытания и провести серию взрывов на полигоне на Новой Земле.

Еще одним элементом новой ядерной политики России должно стать предложение о пересмотре ДНЯО с целью расширить число официальных ядерных государств. Это вполне вписывается в логику многополярного мира, где каждый макрорегион должен быть защищен собственным ядерным оружием. Потенциальные кандидаты – это Индия, Пакистан, КНДР, Иран. Изменения в договор могут быть внесены путем дополнительного протокола.

Егоров В.Н.,

кандидат исторических наук,
заместитель директора Института актуальных международных проблем,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Viacheslav N. Egorov,

Deputy Director Institute current international studies,
Diplomatic Academy Ministry of foreign affairs of Russia, Moscow.
E-mail slava.vne@mail.ru

СИСТЕМА ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. ЧТО ДАЛЬШЕ?

EUROPEAN SECURITY SYSTEM. WHAT NEXT?

Система европейской безопасности в том виде, в каком мы ее знали до последнего времени, терпит очевидное фиаско. Она не смогла обеспечить реальную стабильность в регионе. За последние десятилетия произошли вооруженные конфликты в различных частях Европы. Границы многих стран изменились, несмотря на обязательства Хельсинкского Заключительного акта. Возникли несколько зон замороженных конфликтов.

Нынешний вооруженный конфликт на Украине, так или иначе вовлекающий в себя ведущие ядерные державы и страны НАТО, порождает риск большой войны в Евроатлантике с возможным перерастанием в мировой ядерный кризис. Существующие структуры глобальной и европейской безопасности – ООН, ОБСЕ, НАТО, Совет Европы, ОДКБ – оказались неспособными контролировать военно-стратегическую обстановку в регионе.

Позиции правительств стран – участниц системы в отношении первопричин кризиса архитектуры европейской безопасности, обострения военного противостояния в Евроатлантике и перспектив выхода из него диаметрально расходятся. Об этом говорит, в частности, реакция стран коллективного Запад на российские предложения в области безопасности от декабря 2022 года. Перспективы консенсуса вокруг будущего системы

коллективной безопасности в Европе не просматриваются. Отсутствует и согласованное видение картины мироустройства [1].

Тем не менее запрос на поиск выхода возрастает. В США и зарубежной Европе (Франция, Германия, Австрия) начали озвучивать такого рода потребность в политических кругах. Недавняя статья Г. Киссинджера, вызвавшая заметный международный отклик, – один из примеров призыва к соответствующим размышлениям. И важно в связи с этим понимать, вокруг каких «реперных факторов» может быть выстроена будущая система европейской безопасности.

Ключевым элементом в этом плане представляется неизбежность прямого участия в ней США и России, если перефразировать известную формулу прошлого «Россия и США внутри». Правда, основания для этого разные: Россия – главным образом в силу геофизической принадлежности к Европе, США – в силу принадлежности к военному союзу с европейскими странами – Североатлантическому альянсу (НАТО). В этом контексте система европейской безопасности выступает для обеих глобальных ядерных держав как один из элементов в оценке ими общего соотношения своих военно-стратегических сил, основанного на принципе паритета, включая прежде всего их стратегический ракетно-ядерный компонент.

Ясно также, что одинаковый уровень безопасности для США, зарубежной Европы и России в рамках европейской региональной системы обеспечить будет практически невозможно, в основном из-за наличия у стран обязательств и возможностей разного уровня в области безопасности. Понятно, что США совместно с европейскими странами НАТО могут получить ряд коллективных преимуществ по отношению к России по некоторым позициям. Очевидны, к примеру, такие диспропорции в области обычных вооружений. Вопрос, таким образом, будет заключаться в том, могут ли эти диспропорции рассматриваться в Москве и Вашингтоне как существенные, влияющие на их общее соотношение сил. В этом случае проблема достижения равного уровня безопасности, что отвечает

положениям Устава ООН [3], может неизбежно упереться в вопрос о необходимых дополнительных гарантиях НАТО в адрес России в европейском регионе [4]. И этот вопрос просматривается как требующий своего обязательного решения.

Двусторонний диалог России и США, в том числе закрытого порядка, представляется в этом плане абсолютно неизбежным. В контексте начала и развития такого диалога важно, однако, предупредить настороженность со стороны зарубежной Европы по поводу недоучета ее интересов безопасности. Необходимо обеспечить должную транспарентность российско-американского взаимодействия для зарубежной Европы.

В свою очередь, для России важна транспарентность вокруг намерений НАТО относительно архитектуры европейской безопасности. До настоящего момента со стороны НАТО следуют разноречивые сигналы на этот счет, как это видно, в частности из новой Стратегической концепции НАТО, принятой на саммите в Мадриде (июль 2022 года). Она, к примеру, создает ощущение расширения де-факто сферы ответственности НАТО. Постулаты об усилении военного противостояния с Россией сочетаются одновременно с заявлениями о готовности продолжения диалога [6].

Такой же транспарентности требуют и намерения зарубежной Европы в лице стран Европейского союза. Последние стали вновь поднимать тему создания собственных коллективных европейских вооруженных сил [7], как это сделал сравнительно недавно, к примеру, президент Франции Э. Макрон.

Переходя теперь к политико-дипломатической стороне вопроса, нужно отметить, что неперенным условием является восстановление или своего рода «перезапуск» международно-правовой основы системы коллективной безопасности в Европе. «Перезапуск» в плане адаптации и развития международно-правовых норм, принципов и правил, определяющих содержание межгосударственных отношений в Европе, в

контексте закрепленных в Уставе ООН и других общепринятых глобальных и панъевропейских документов [5]. Эта международно-правовая основа оказалась сейчас серьезно деформированной в результате кризисно-конфликтного развития дел в Европе.

Отдельная проблема видится в существующих на текущий момент противоположных интерпретациях основополагающих норм международного права, например в том, что касается права народов на самоопределение и необходимости соблюдать территориальную целостность государства.

Можно с уверенностью предполагать, что такого рода процесс коррекции международно-правовой основы системы европейской безопасности в случае своего успешного развития неизбежно будет продвигать к идее нового международного форума, призванного принять «свод» адаптированных международно-правовых принципов, своего рода Заключительного акта Хельсинки–2. В этом случае одновременно уверенно просматривается постановка на международную повестку вопроса о новой площадке-структуре для сотрудничества в вопросах безопасности применительно к региону Европы. Тот же Г. Киссинджер уже призывает начать размышлять по поводу подобной будущей структуры.

Вполне очевидно, что здесь возникает и тема общих ценностей, которая в последнее время усиленно акцентируется западными странами как неперемное условие для формирования совместной платформы европейской безопасности. В основе своей, однако, тема ценностных стандартов не создает непреодолимого препятствия для выстраивания панъевропейского сотрудничества в сфере безопасности. Ценностная шкала, создаваемая универсальными международно-правовыми документами ООН и принятая в международном сообществе, является достаточной для обеспечения совместимости государств в области безопасности. Проблемой является, однако, политизация темы ценностей в целях проведения дополнительных разделительных линий между

участниками европейской системы. Это сейчас превращается в своего рода «разделительную линию» и фактор «реидеологизации» международных отношений, создает своеобразную систему фильтрации стран по признаку «свой-чужой».

Остается надеяться, что политическое руководство большинства стран – участниц европейской системы проявит необходимую политическую мудрость, памятуя великие примеры своих предшественников, для адекватной оценки существующих вызовов и угроз делу мира и стабильности в Европе.

Литература

1. Заседание Международного дискуссионного клуба «Валдай». – URL: [https:// www.kremlin.ru/events](https://www.kremlin.ru/events), 27 октября 2022 года.
2. Déclaration de M. Emmanuel Macron, président de la République, sur les industries d'armement française et européenne, à Villepinte le 13 juin 2022. – URL: <https://www.vie-publique.fr/discours/285399-emmanuel-macron-13062022-industrie-darmement>.
3. Kissinger: These are the main geopolitical challenges facing the world right now. – URL: <https://www.weforum.org/agenda/2022/05/kissinger-these-are-the-main-geopolitical-challenges-facing-the-world-right-now/>
4. NATO 2022 Strategic Concept, Adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Madrid 29 June 2022. – URL: <https://www.nato.int/strategic-concept/>
5. President Biden's State of the Union Address, March 1 2022. – URL: [https:// www.whitehouse.gov/state-of-the-union-2022/](https://www.whitehouse.gov/state-of-the-union-2022/);
6. State of the Union 2022 by Ursula von der Leyen, President of the European Commission. – URL: [https:// www.europa.eu](https://www.europa.eu)
7. The North Atlantic Treaty, Washington D.C. – 1949. – URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17120.htm
8. United Nations Charter (full text). – URL: <https://www.un.org/en/about-us/un-charter/full-text>

Маслакова-Клауберг Н.И.,
кандидат политических наук,
Университет мировых цивилизаций, Москва.
Natalia I. Maslakova-Clauberg,
PhD (Political Sciences),
University of World Civilizations, Moscow.
E-mail: mnleo@mail.ru

АНТИРОССИЙСКИЕ САНКЦИИ В ДИСКУРСЕ МИРОВОЙ ИСТОРИИ И ДИПЛОМАТИИ

ANTI-RUSSIAN SANCTIONS IN THE DISCOURSE OF WORLD HISTORY AND DIPLOMACY

Механизм применения политических и экономических санкций имеет многовековую историю. Они рассматривались как действенный механизм достижения политических целей без применения военных действий, экономических затрат, разрушений и людских потерь. Как правило, санкционные режимы применялись коалицией стран против какого-то конкретного государства. Однако, как показывает исторический опыт, эта «санкционная удавка» могла приносить как положительный, так и отрицательный результат в отношении того, кто вводил санкции.

Впервые санкции были применены в 433 году до н.э., когда Афинский морской союз ввел запрет для торговцев Мегары посещать портовые рынки в Древней Греции. Эта санкционная мера привела к Пелопоннесской войне между Афинами и Спартой. В результате это имело значимые социально-экономические последствия для обеих стран [4].

Санкционные торговые режимы, предусматривающие основную цель – получение экономической выгоды путем ликвидации конкурента, были наиболее популярной практикой во все исторические периоды.

Впервые масштабные санкции в мировой истории были введены императором Франции Наполеоном Бонапартом против своего главного политического противника – Великобритании. Этот санкционный режим

вошел в историю под названием «Континентальная блокада Наполеона». Однако ответным ходом Великобритании стало проведение традиционной тактики «коалиционной дипломатии», что стало сокрушительным ударом и привело к падению Наполеона. Российская империя в то время вошла в антинаполеоновскую коалицию, что стало единственным случаем помощи Великобритании в истории российско-британских отношений [7].

Россия в своей истории имеет многовековой опыт существования в условиях различных санкционных режимов. Первые антироссийские санкции были приняты в период Средневековья в ответ на укрепление позиции Московского княжества. Так, в середине XV века во время правления Великого князя Московского Василия II было введено «ливонское эмбарго» на поставку в русское государство военных товаров и предметов двойного назначения (порох, оружие, арбалеты, сера, медь, свинец и др). В 1437 году Ливонский орден ввел торговый запрет на поставку зерна в Россию [6]. Торговые санкционные режимы являлись наиболее популярной мерой для оказания политико-экономического воздействия.

Кроме торговых санкций, против России активно применялась тактика «информационной дезинформации». Особенно она усилилась в правление царя Ивана IV Грозного, когда против первого русского царя была развязана информационная кампания по его очернению и демонизации. В «летучих листках» (информационные листки), которые распространялись во многих европейских странах, Иван IV Грозный был представлен в образе страшного деспота и мучителя народа. Кроме того, в этих листках Московия называлась «страной тьмы», а русские – дикарями и варварами. Такая информационная атака была связана с тем, что Иван IV Грозный отказался подписать договор о религиозной унии Москвы и Рима. Особую роль в этой дезинформации играл папский легат и иезуит Антонио Поссевино [1].

В 1548 году в Любеке проходил судебный процесс над саксонским торговцем Гансом Шлитте, который обвинялся в том, что привозил в Московию мастеров и врачей по просьбе царя Ивана IV Грозного. Этот

процесс вошел в мировую историю под названием «дело Ганса Шлитте» [5]. Активная торговая санкционная политика в отношении России продолжалась вплоть до воцарения Петра I, который проводит политику по модернизации страны и установлению новых форм экономического сотрудничества с Европой. Победа России в Северной войне со Швецией в 1721 году упрочила ее позиции как сильной империи, а санкционные режимы на некоторое время исчезли.

В годы правления династии Романовых санкционный режим против Российской империи периодически применялся в отдельных политических ситуациях. Дело в том, что династия Романовых, которая начиная с Петра III именовалась «Романовы-Гольштейн-Готторские», была породнена со многими монаршими домами Европы. В «золотой женский век», в период правления императриц Елизаветы Петровны и Екатерины II Великой, Россия считалась великой державой с сильной геополитикой и дипломатией. Канцлер А. Безбородько писал: «Ни одна пушка в Европе, ни в Азии без ведома императрицы Екатерины не имела права выстрелить» [2]. Ситуация резко изменилась после проигрыша России в Крымской войне 1853–1856 гг. По Парижскому договору России запрещалось иметь флот на Черном море, к тому же она потеряла проливы Босфор и Дарданеллы, оказавшиеся под контролем Османской империи и Великобритании. Против России была развязана информационная война. Распространялись карикатуры, в которых Россия изображалась в виде зловещего осьминога, стремящегося напасть на «цивилизованную и просвещенную Европу» [8].

Падение в 1917 году Российской империи и появление нового Советского государства вызвало дипломатический бойкот и принятие санкционного режима. Молодое советское государство оказалось в тотальной политической и экономической изоляции. Попытка стран Запада и США сменить государственный строй в Советской России провалилась, поэтому была выбрана другая тактика. Большинство стран Европы признали СССР в 1924 году, а США – в 1933 году. Причины отказа от «полной политико-

экономической блокады» были сугубо экономические, поскольку эти меры привели к значительному экономическому кризису в самих европейских странах.

Однако уже в 1925 году санкционный режим против СССР был продолжен, была введена так называемая золотая блокада, предусматривающая запрет на торговлю с Россией за золото. Выдвигалось требование – расплачиваться за поставку оборудования нефтью, зерном и лесом. По мнению многих историков, истинной целью было поднятие протестного движения в СССР и свержение власти.

В 1929 году СССР начал проводить новую экономическую политику по индустриализации страны, чтобы сократить отставание советской экономики от экономики стран капиталистического мира. В ответ на это США ввели в 1930 году пакет санкций, обвинив СССР в демпинге цен на рынке угля, асбеста и марганца. Самым антисанкционным периодом для Советского Союза стал период Второй мировой войны, когда США и Великобритания использовали военный и экономический потенциал СССР для победы над нацистской Германией.

Однако, после окончания Второй мировой войны санкционный режим против СССР был продолжен после Фултоновской речи о начале холодной войны. В 1947 году политика сдерживания России и санкционного режима стала главной целью «Доктрины Трумэна». Ограничение экспорта стратегического оборудования со стороны США стало одной из первых санкционных мер в отношении СССР.

В годы холодной войны СССР находился в блоковом противостоянии с капиталистическим миром и под постоянным санкционным давлением. Антисоветские санкции носили комплексный, комбинированный, системный и постоянный характер.

В 1962 году США и их союзники ввели запрет на продажу СССР труб большого диаметра, чтобы приостановить строительство трубопровода «Дружба». Лишь топливный кризис 1973 года способствовал его снятию. В

1974 году была введена поправка «Джексона-Вэника», которая отменяла режим наибольшего благоприятствования в торговле с СССР. Также были введены дискриминационные тарифы для ряда товаров из США [3]. В 1980 году США объявили зерновое эмбарго СССР в связи с вводом советских войск в Афганистан. Однако СССР стал закупать зерно у других стран, и эмбарго через год было отменено. США пытались также отменить в 1980 году XXII летние Олимпийские игры в Москве, но МОК отказался это сделать.

В течение всего периода существования СССР санкционная политика США и их союзников только усиливалась, зашкаливало количество принятых санкционных мер (политических, экономических, гуманитарных, информационных и т.д.). Распад СССР не остановил санкционный механизм, а лишь ослабил и изменил его. Уже в 1998 году санкционная политика приобрела новое направление – военное, космическое и научное. В санкционный «черный список» сразу же попали российские научные учреждения, связанные с авиационным и химико-технологическим производством и исследованиями, оборонной промышленностью.

Своего рода политическим рубежом во взаимоотношениях между Западом во главе с США и Россией стала Мюнхенская речь В.В. Путина в 2007 году на Мюнхенской конференции по безопасности, которая обозначила новый курс России в построении многополярного мира и отхода от однополюсного доминирования США. Это только усилило санкционный режим, целью которого стало сдерживание России по всем направлениям.

События современного времени лишь ставят вопрос о результативности и эффективности санкционного режима, который порой становится бумерангом для тех, кто его применяет.

Как уже отмечалось ранее, санкционные режимы против России имели постоянный и системный характер, менялся только их формат – от послабления к ужесточению. Такая санкционная политика коллективного Запада во главе с США вполне укладывается в многовековой проект «Антироссия», целью которого является ослабление России и установление

полного контроля над ее природными и экономическими ресурсами. Однако, как показывает мировая история, Россия умеет держать геополитический и санкционный удар.

Литература

1. Антироссийская пропаганда в Европе с XV и до начала XX веков. – URL: <http://dz-online.ru/article/1831/>
2. *Безбородко А.А.* О царствовании Екатерины Великой. – URL: <http://his95.narod.ru/bezbor-ek.htm>
3. *Бочарников И.В.* История антироссийский санкций: от Ивана Грозного до наших дней. – URL: <http://ic-pnb.ru/analytics/istoriya-antirossijskih-sanktsij-ot-ivana-groznogo-do-nashih-dnej/>
4. *Виноградова Е.В.* Экономические санкции как инструмент международной политики. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskie-sanktsii-kak-instrument-mezhdunarodnoy-poli>
5. К делу Ганса Шлитте. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории. Первый выпуск 1326–1569 гг. Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском университете. – № 4. – М., 1915.
6. *Лантева Е.В.* Средневековые антироссийские санкции: к истории вопроса // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 6.
7. *Тарле Е.В.* Континентальная блокада. – Т. 3. – М., 1948.
8. Черный осьминог или Россия глазами иностранцев. – URL: <http://heliophagous.livejournal.com/33791.html>

Фатима Румате,

профессор международного публичного права,
Международный институт научных исследований, Марракеш, Марокко.

Fatima Roumate,

PhD (International Economic Law), President of the International Institute of Scientific Research, Marrakech, Morocco.

E-mail: iirs.institute@gmail.com

ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЭПОХУ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

TRANSFORMATION OF INTERNATIONAL SECURITY IN THE ERA OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Introduction

AI is transforming international security and accelerating the transition to a new world order characterized by the massive use of AI. The current era is characterized by the appearance of new types of weapons, wars and powers. These changes illustrate the beginning of a new age in history, where the AI influences geopolitical affairs, and where new actors contribute to the global governance as much as traditional ones. In a sense, the main questions one should ask are:

How AI could reshape international security? Who will dominate the AI world? What is the impact of AI in the balance of power and how it is facilitating the emergence of new players?

We try to answer this question through; a new balance of power and new players in multipolar world based on AI.

Artificial intelligence and a new balance of power:

In the age of Artificial intelligence, the balance of power swings between geostrategic interests and those linked to the global governance of AI and the race to technological sovereignty. The principal goal of the competition between China and the USA is racing toward technological sovereignty, which means, according to Nicholas Westcott, having a seat at the international table at the age of AI [10, 4–5].

Therefore, Power is now smart and it's evaluated considering three fields related to AI; science and technology, economy, and military.

Artificial intelligence and Hard power

International relations are currently facing new challenges linked to AI and hard power. The global investment of states in AI-related to the military which will be more than 16 billion dollars in 2025. Lethal Autonomous Robots (LARs) are increasing exponentially, and unit prices are falling significantly [1]. Canada, the UK, Russia, Israel, China, India, and France are prioritizing AI. China has said it wants to be a global leader by 2030 [8]. Cyber security is another challenge in the age of AI and an argument of the transformation of international security. In a sense, cyber-attacks and states investments in this «new market» will cost \$10.5 Trillion annually by 2025 [7].

AI and soft power

Economy and Trade are the second priority which is important to face AI's challenges. It's need a new vision, new strategy, and new diplomat's missions. In the age of AI, diplomacy should focus on AI investment for economic growth. Global AI investment reaches \$77.5 billion in 2021 [3]. United States of America is leading in this global AI investment and according to Tortoise, "US-based companies pulled in two-thirds of total global venture funding in AI in 2021" [3]. The global race for technological sovereignty extends to other fields such as science, education, culture, and media which are one of the most important pillars of soft power. Considering its psychological influence on international and national security, media and AI are new kinds of "weapons" in the psychological war. This leads as to the weaponization of AI by States, but also by other international actors to influence global issues.

AI and smart power:

Smart power as a concept was used by Joseph Nye, Suzanne Nossel, and other authors, it means *choosing the right combination of tools – diplomatic, economic, military, political, legal, and cultural- for each situation* [5, p. 33]. This signifies that all is legitimate to ensure and protect the national interest as it confirms this

interaction between global and local issues, which impose the inclusion of all in global governance. That is why it is necessary to rethink the role of the state and its relationship with other actors especially transnational corporations. For the role of the state, we share the point of view of Truchet, who said that the first responsibility of the state is to ensure security. However, this concept was changed by the evolution of notions linked to the state.

COVID-19 accelerates the use of AI in education, science, and culture. The emergence of e-learning and the appearance of this new kind of cultural colonialism linked to AI's impact on cultural diversity and indigenous languages is the first reason which pushes this field to the top of foreign affairs priorities. The second reason is that protection and promotion of cultural identity are conditioning a state's right to existence and its security.

Artificial intelligence: new players in a multipolar world

In this multipolar world, the balance of power is now based on new criteria such as AI and robotics investment; 5G technologies, and Research and Development in AI. Considering traditional criteria of power and the war in Ukraine, Russia advances the USA and European Union in military personnel.

The first defense budget in the top 15 countries in the world is allowed by the USA followed by China. Russia is the fifth country defense budget according to International Institute for Strategic Studies in its fact analysis influence titled "Military balance 2022 Further Assessment" published on 15th February 2022. However, the war is changing in this new world order based on the international technological order which explains the race to AI in the military, especially the growing investment in Lethal Autonomous Weapons. In a sense, the USA is the leader with 778232 US\$ [6]. China dedicated an annual budget of \$250 billion to weapons development and \$4.5 billion invested in drone technology by 2021 [6]. Russia is the leader in the lethal AWS race looking to remove humans from the decision-making loop partially or fully autonomous by 2030 [9]. Concerning economic power, the United States and China would occupy the first two places in GDP ranking. For 5G technologies, China is the leader with over 200,000 5G base

stations built by Huawei on May 20, 2020. Therefore the USA is the leader in innovation followed by China which remains the strongest market for industrial robots reaching about 783,000 units- plus 21% in 2019. Japan ranks second with about 355,000 units – plus 12 %. Europe reached an operational stock of 580,000 units in 2019 – plus 7% [4].

That juncture is the first proof of a new balance of power based on new criteria related to AI. The second one is the new faces of war in Ukraine characterized by the use of smart power considering military force, economic sanctions, cybersecurity, and malicious use of AI such as fake news, fake videos, etc.

The new balance of power means also new partners and allies with real collaboration between States and transnational corporations specialized in technology taking into account advances in artificial intelligence which are reshaping all fields from military to the practice of diplomacy. Bilateral and multilateral partnerships should be extended to research development in AI.

Conclusion

Malicious use of AI in Ukraine is a new “Westphalian system” which means a new definition of peace and security after this World War III considering all countries who contributed directly or indirectly to this war and its consequences on the nation’s game and also on the future of international relations in this new world order. No matter who will be the winner or the loser in this war, the most important is that this is a new step in the history of international relations with current and future challenges. AI is a key to understanding the international game and why not the fundamental element to ensure international peace and security.

In a sense, current and future challenges imposed by AI require new International, regional and national strategies, updating international law, and rethinking international institutions considering the consequences of the new world order based on the new balance of power.

References

1. *Allen Greg, Daniel Chan*. Artificial Intelligence and National Security: A Study on behalf of Dr. Jason Matheny, Director of the U.S. Intelligence Advanced Research Projects Activity (IARPA). Paper. Belfer Center for Science and International Affairs, Harvard Kennedy School. 2017. – URL: <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/files/publication/AI%20NatSec%20-%20final.pdf> (accessed: 10.03.2022).
2. *Emmanuel Touil*. International relations. – Vuibert, Paris, 2014.
3. INDIAai, Global AI investment reaches record high in 2021, United States (USA). AI investment. – URL: <http://indiaai.gov.in/news/global-ai-investment-reaches-record-high-in-2021>(accessed:12.03.2022).
4. International Federation of Robotics (2020, September 24). IFR presents World Robotics Report 2020. – URL: <http://ifr.org/ifr-press-releases/news/record-2.7-million-robots-work-in-factories-around-the-globe> (accessed: 11.03.2022).
5. *Rodham C.H.* Hard choices. – Simon & Schuster. New York, 2014.
6. SIPRI. Stockholm International Peace Research Institute (SIPRI), Military Expenditure Database. – 2019. – URL: www.sipri.org/sites/default/files/Data%20for%20all%20countries%20from%201988-2020%20in%20local%20currency%20%28pdf%29.pdf (accessed: 07.03.2022).
7. *Stève Morgan, Sausalito Calif.* Cybercrime to cost the world \$10,5 Trillion annually by 2025. November 13, 2020. – URL: <https://cybersecurityventures.com/cybercrime-will-cost-the-world-16-4-billion-a-day-in-2021/> (accessed: 07.03.2022).
8. *Stober E.* U.S. Military Announces \$2 Billion Investment in Artificial Intelligence // *Global News*, September 2018. – URL: <https://global-news.ca/news/4435519/us-military-artificial-intelligence-investment/> (accessed: 10.03.2022).
9. *Tucker P.* Russia to the United Nations: Don't Try to Stop Us From Building Killer Robots // *Defence One*. – 2017. – pp. 1–2. – URL: <https://www.defenseone.com/technology/2017/11/russiaunited-nations-dont-try-stop-us-building-killer-robots/142734/> (accessed: 10.03.2022).
10. *Westcott N.* Digital Diplomacy: The Impact of the Internet on International Relations // Oxford Internet Institute, Research Report. 16, July 2008. – P. 4–5. – URL: <https://www.oii.ox.ac.uk/archive/downloads/publications/RR16.pdf> (accessed: 10.03.2022).

Герасимов Е.И.,

кандидат педагогических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Eugene I. Gerasimov,

PhD (Pedagogical Sciences),

Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow.

E-mail: keyzi@inbox.ru

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГЛОБАЛЬНОЙ И РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES IN THE SYSTEM OF ENSURING GLOBAL AND REGIONAL SECURITY: NEW CHALLENGES

Динамичное развитие информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) продолжает трансформацию мирового общества органично вплетаясь практически во все сферы нашей жизни, открывая новые горизонты и возможности для человечества.

Одним из результатов такой трансформации фактически стало изменение ролей ключевых акторов в системе управления и распространения информации. Традиционные СМИ отходят на второй план, пропуская вперед интернет – пространство, которое за последние несколько лет значительно усилило свое влияние на умонастроения людей посредством вирусного распространения социальных сетей и мессенджеров различного формата, а также развитием инструментов видеохостинга и института видеоблогеров.

Иными словами, спор «яйцо или курица» остается весьма актуальным, ведь в текущей ситуации информационный повод может быть рожден в социальных сетях и стать предметом обсуждения в выпуске вечерних новостей

на телевидении, одновременно комментарий официального лица в новостной передаче может получить весьма различные интерпретации и стать спусковым

крючком для запуска «сарафанного» радио в интернет-пространстве с многомиллионной аудиторией.

Уже не новость, что в мир вернулись тени холодной войны, которые несут с собой забытые технологии пропаганды, социальной инженерии, расслоение общества на обособленные группы, которые могут стать «спящими» очагами революционных настроений на территории любого государства. Очевидно, что борьба за умы людей и формирование их персонифицированной картины действительности ужесточается день ото дня.

Как результат, мощнейший информационный поток, который сегодня обрушивается на человека, не оставляет ему шансов на рациональное восприятие информации, а новый инструментарий ИКТ существенно расширяет возможности для частичной/полной подмены материалов, фактов, цифр, а также позволяет легко манипулировать им и регулировать его отношение практически
по любым вопросам и явлениям.

Инциденты, связанные со злонамеренным использованием ИКТ как отдельными субъектами (преступные и террористические группы), так и государствами приобретают более масштабный и одновременно сложный характер (разнообразие мотивов и скорость осуществления).

Разумеется, угрозы международной информационной безопасности (МИБ) занимают одно из приоритетных мест в повестке дня ООН и иных международных организаций. В этой связи уместно вспомнить о имевших место различиях к трактовке термина МИБ при подготовке основополагающих документов на площадке ООН. Так, наши западные «партнеры» настаивали
на сужении сферы охвата и закреплении в официальных документах термина «кибербезопасность», акцентируя внимание именно на технологическом измерении угроз. Российская Федерация напротив выступала за фиксацию термина МИБ, который предусматривает наличие не только технических, но и политико-идеологических угроз в данной сфере. Как компромисс

в официальных документах ООН используется термин «безопасность использования ИКТ и самих ИКТ».

Очевидно, что наши «партнеры» уже давно имели в планах проведение «информационных операций» по всему миру и были не готовы брать на себя международные обязательства, которые могли бы ограничить их «наступательный» потенциал в этой сфере.

При этом наши оппоненты в лице США и Североатлантического альянса (НАТО), обозначая Россию как главную угрозу собственной безопасности, уже не только не маскируют замыслы, но и консолидируют свои «киберсилы» как для обороны, так и для наступательных действий, что косвенно подтверждают факты принятия совместных стратегических документов и наращивания на своих территориях физических/технических (одновременно максимально близко к нашим границам) возможностей оказывать влияние на информационное пространство России.

Наиболее известные центры расположены в г. Риге (Центр стратегических коммуникаций) и в г. Таллине (Центр по киберобороне). К участию в работе последнего, к слову, в марте 2022 г. присоединилась Украина [10],

при этом, как отмечается в официальном комментарии: «Присутствие Украины в Центре усилит обмен опытом в области кибербезопасности между Украиной и странами-членами. Украина может предоставить ценные знания из первых рук о нескольких противниках в киберпространстве, которые будут использоваться для исследований, учений и тренировок», – подчеркнул полковник Яак Тариен, директор Центра НАТО [10].

Относительно рижского Центра стратегических коммуникаций можно отметить, что несмотря на декларируемую и в целом безобидную миссию центра – обеспечение ощутимого вклада в стратегические коммуникационные возможности НАТО [8], перед ним поставлены вполне конкретные задачи, которые станут понятны при раскрытии термина стратегические коммуникации.

Вот какое определение дается на официальном портале Центра: стратегические коммуникации – это скоординированное и надлежащее использование коммуникационных мероприятий (в том числе информационные и психологические операции), включая такие направления работы, как публичная дипломатия, политический маркетинг, технологии убеждения, международное сотрудничество, военные стратегии и многие другие [9].

Разумеется, далее раскрываются и эти понятия [10]:

– информационные операции, военное консультирование и координация военной информационной деятельности с целью оказания желаемого воздействия на волю, понимание и возможности противников и других сторон;

– психологические операции, запланированные психологические мероприятия с использованием методов коммуникации и других средств, направленные на утвержденную аудиторию, в целях влияния на соответствующее восприятие информации и достижения политических и военных целей.

Известно, что война информационная не проводится в отрыве от иных методов давления, занимая особое место в ряду с мерами политико-дипломатического, финансово-экономического, психологического давления, мероприятиями, проводимыми по линии спецслужб, а также технологий цветных революций. Фактически это многоуровневая система действий, которая может считаться гибридной формой войны. Можно ли это считать «новой угрозой»? Уверен, что ответ будет утвердительным.

Таким образом, уже очевидно, что «необъявленная» война за господство в глобальном информационном пространстве день ото дня будет только усиливаться, при этом технологии, связанные с созданием и распространением информации, формируют и новые правила «боя»: теперь это сражение не только за контроль над элементами цифровой инфраструктуры, но и за контроль над информационным полем.

При этом информация приобрела статус специфического «ресурса», с одной стороны, необходимого для повседневной деятельности человека и соединяющего его с внешним миром, с другой стороны, это «сообщение-джокер» для реципиента, формат которого может быть заранее кастомизирован его создателем для различных слоев населения, неся в себе как объективные сведения, так и заведомо ложные (фейк) данные.

Средства и технологии информационно-психологической войны, действующие и в мирное время, способны нанести любому противнику не меньший ущерб, чем средства вооруженного нападения, а информационное оружие, построенное на базе технологий психологического воздействия, обладает значительно большей поражающей, проникающей и избирательной способностью.

Готовы ли мы к новой, но хорошо забытой старой угрозе? Анализ российских доктринальных документов в данной сфере не дает нам поводов для сомнения.

Так, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (от 2 июля 2021 г. № 400) одним из 8 национальных приоритетов является развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия.

При этом тема информационной безопасности занимает целый раздел, рассматривается в качестве глобальной проблемы, требующей комплексных решений. Одновременно достижение целей обеспечения информационной безопасности осуществляется путем реализации государственной политики, направленной на решение следующих задач:

- формирование безопасной среды оборота достоверной информации, повышение защищенности информационной инфраструктуры Российской Федерации и устойчивости ее функционирования;

- развитие системы прогнозирования, выявления и предупреждения угроз информационной безопасности Российской Федерации, определения их источников, оперативной ликвидации последствий реализации таких угроз;

- предотвращение деструктивного информационно-технического воздействия на российские информационные ресурсы, включая объекты критической информационной инфраструктуры Российской Федерации;
- развитие сил и средств информационного противоборства;
- совершенствование средств и методов обеспечения информационной безопасности на основе применения передовых технологий, включая технологии искусственного интеллекта и квантовые вычисления;
- развитие взаимодействия органов публичной власти, институтов гражданского общества и организаций при осуществлении деятельности в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации.

Наивно полагать, что мы станем свидетелями открытой информационной войны, это безусловно работа, которая происходит за кулисы мировой политики. Но отдельные ее фрагменты мы можем увидеть.

Например, 1 декабря 2022 г. вступил в силу приказ ФСБ России № 547 «Об утверждении Перечня сведений в области военной, военно-технической деятельности Российской Федерации, которые при их получении иностранными источниками могут быть использованы против безопасности Российской Федерации», который запрещает писать посты и публикации, связанные с информационной безопасностью нашей страны.

Можно уверенно сказать, что ИКТ и информация (технологии управления контентом и ее таргетирование) при определенных условиях становятся мощнейшим рычагом влияния (психологического воздействия) на простых граждан (пользователей) цифровой среды, источником дестабилизации любого общества и ресурсом давления на государственную власть.

Информационная безопасность превращается в жизненно необходимое условие обеспечения интересов не только человека и общества, но и государства в целом, при этом принятие ряда скоординированных мер как на национальном, так и межгосударственном/международном уровне являются

важной

и необходимой частью обеспечения Российского цифрового суверенитета.

Литература

1. *Бойко С.М.* Международная информационная безопасность: новые вызовы и угрозы // *Международная жизнь*. – 2022. – С. 10–13.
2. *Кефели И.Ф., Юсупова Р.М.* Информационно-психологическая и когнитивная безопасность. Коллективная монография. – ИД «Петрополис», Санкт-Петербург, 2017. – 300 с.
3. *Крутских А.В.* Международная информационная безопасность: Теория и практика. В трех томах. – Том 2: Сборник документов (на русском языке). – М.: Издательство «Аспект Пресс», 2019. – 784 с.
4. *Ромашкина Н.П., Марков А.С., Стефанович Д.В.* Международная безопасность, стратегическая стабильность и информационные технологии. – М.: ИММО РАН, 2020. Квант Медиа, 2021. – С. 68–93.
5. *Сурма И.В.* Искусственный интеллект и проблема вмешательства во внутренние дела суверенных государств // Сборник докладов участников четырнадцатого международного форума «Партнерство государства, бизнеса и гражданского общества при обеспечении международной информационной безопасности». – Москва: 7–9 декабря 2020. – С. 190–195.
6. *Сурма И.В.* Цифровой суверенитет и проблема вмешательства во внутренние дела государств: внешнеполитические вызовы и угрозы // *Международная политика и безопасность: новые контуры современного мира*. – Москва: Квант Медиа, 2021. – С. 68–93.
7. *Шелепов А.В.* Подходы стран БРИКС к регулированию данных // *Вестник международных организаций*. – М., 2022. – Т. 17. – № 3 – С. 212–234.
8. About NATO StratCom COEURL. – URL: https://stratcomcoe.org/about_us/about-nato-stratcom-coe/5 (дата обращения: 30.01.2023).
9. About Strategic Communications. – URL: https://stratcomcoe.org/about_us/about-strategic-communications/1 (дата обращения: 30.01.2023).

10. Ukraine to be accepted as a Contributing Participant to NATO CCDCOE.
– URL: <https://ccdcoe.org/news/2022/ukraine-to-be-accepted-as-a-contributing-participant-to-nato-ccdcoe/> (дата обращения: 30.01.2023).

Миронов С.И.,

кандидат военных наук,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Sergey I. Mironov,

Ph.D (Political Sciences),

Associate Professor of the Diplomatic Academy of the MFA of Russia, Moscow.

E-mail: sergmirn1959@mail.ru

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ РЕЖИМА НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE NUCLEAR NON-PROLIFERATION REGIME

5 марта 2023 года исполнится 53 года со дня вступления Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в силу. По сей день договор имеет ключевое значение для сохранения международной безопасности и стратегической стабильности. Но самое важное историческое значение ДНЯО состоит в том, что он стал фундаментом для формирования режима нераспространения ядерного оружия (РНЯО).

Как известно, режим нераспространения ядерного оружия представляет собой совокупность международных договоренностей и организаций с участием как ядерных, так и неядерных государств, а также внутренних законодательств стран-участниц, целью которых является предотвращение приобретения ядерного статуса государствами, которые не имели его к 01.01.1967 г. При этом необходимо подчеркнуть, что режим нераспространения ядерного оружия является наиболее разработанным среди всех режимов запрещения и нераспространения ОМУ и средств их доставки.

В настоящее время основными элементами РНЯО принято считать следующие [7].

1. Запрет распространения ядерного оружия (Договор о нераспространении ядерного оружия (вступил в силу 5 марта 1970 года, с 1995 года действует бессрочно). В соответствии с ДНЯО ядерные государства

(ЯОГ), которых официально на основании статьи IX п. 3 Договора всего 5 – СССР (Россия), США, Великобритания, Франция и Китай, обязались не передавать ядерное оружие и контроль над ним, не поощрять создание и не способствовать производству или приобретению такого оружия неядерными странами (НЯОГ) (ст. I ДНЯО); точно так же, как и неядерные государства (НЯОГ) обязались не вести работы по производству такого оружия и не принимать помощь по производству такого оружия или само ядерное оружие от кого бы то ни было (ст. II ДНЯО). Взамен (на основании статьи IV) неядерным государствам гарантируется помощь и содействие в развитии, производстве и использовании ядерной энергии в мирных целях.

В свою очередь, ЯОГ также на основании статьи VI ДНЯО обязались вести работу по ядерному разоружению и прекращению гонки ядерных вооружений. Договором также поощряется создание зон, свободных от ядерного оружия [3].

2. Запрет испытаний ядерного оружия (Московский договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой от 5 августа 1963 г., Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний 1996 г. (ДВЗЯИ)). Последний договор не вступил в силу по целому ряду причин. К настоящему времени Договор подписали 185 государств, ратифицировали 173 государства, в том числе 41 государство из 44, необходимых для вступления договора в силу, не подписали только «молодые» ядерные державы: Индия, Пакистан, КНДР.

Ратифицировали Договор 170 государств, в том числе 36 государств из 44, необходимых для его вступления в силу. Помимо не подписавших ядерных держав его не ратифицировали другие ядерные державы: США, КНР, Израиль, а также Иран и Египет [1].

3. Система гарантий МАГАТЭ. Она представляет собой специфический институт Агентства, призванный не допускать, чтобы ядерные объекты, которые подлежат контролю, были использованы для военных целей. Членами МАГАТЭ по состоянию на 2022 год являются 175 государств.

В 2022 году гарантии применялись в отношении 186 государств, в которых действуют соглашения о гарантиях с Агентством. Предусматриваются предоставление государствами отчетов Агентству, а также проведение им инспекций на любых ядерных объектах государств-членов [6].

4. Создание безъядерных зон. При этом были созданы 2 зоны, относящиеся к ненаселенным районам. Во-первых, это Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела (открыт для подписания 27 января 1967 года, вступил в силу 10 октября 1967 года). Во-вторых, это Договор о запрещении размещения на дне морей и океанов и в его недрах ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения (открыт для подписания 11 февраля 1971 года, вступил в силу 18 мая 1972 года).

Особняком стоит Договор об Антарктике – особой международной территории (открыт для подписания 1 декабря 1959 года, вступил в силу 23 июня 1961 года), в соответствии с которым создана демилитаризованная зона к югу от 60-го градуса южной широты.

В густонаселенных районах земли создано 5 безъядерных зон: Договор о запрещении ядерного оружия в Латинской Америке и Карибском бассейне (Договор Тлателолко) 1967 г., который включает 33 государства, Договор Раротонга 1985 г., создавший такую же зону в южной части Тихого океана, который включает 13 государств-членов Южнотихоокеанского форума, Бангкокский договор 1995 г. – в Юго-Восточной Азии, включающий 10 государств региона, Пелиндабский договор 1996 г. – в Африке, включающий 53 африканских государства, Семипалатинский договор 2006 г. – в Центральной Азии, включающий 5 центральноазиатских государств. Отдельную зону образует одно государство – Монголия [5].

5. Системы экспортного контроля, осуществляемого на основе национальных законодательств различных государств мира, которые

координируют свою деятельность в рамках Комитета Цангера и Группы ядерных поставщиков.

6. Физическая защита, учет и контроль ядерных материалов на государственном уровне.

7. Ядерное разоружение, реализуемое в соответствии со ст. VI ДНЯО на основе конкретных много- и двусторонних (российско-американских) договоров.

Если рассматривать накопившиеся за 52 года проблемы режима нераспространения ядерного оружия, то необходимо констатировать, что они в основном характерны для нескольких ключевых элементов РНЯО. Прежде всего это касается ДНЯО.

Значение ДНЯО для установления преграды на пути распространения ЯО трудно переоценить. Если бы к 1968 году не был разработан и открыт для подписания ДНЯО, то к началу 1970-х годов в мире было бы более двух десятков стран, имеющих собственное ядерное оружие с тенденцией ускоряющихся темпов его расползания по миру. В этих условиях сдержать распространение ядерного оружия стало бы практически невыполнимой задачей. Поэтому вступивший в силу в 1970 году Договор о нераспространении ядерного оружия стал тем спасательным кругом для человечества, который не дал затянуть многие государства мира в водоворот ядерной гонки вооружений.

В то же время за прошедшие десятилетия со времени вступления ДНЯО в силу стали проявляться достаточно серьезные недостатки в действии этого договора [4].

1. Дискриминационный характер ДНЯО. Этот документ делит страны мира на тех, кто имеет право обладания ядерным оружием (ядерная «пятерка»), и на тех, кто такого права не имеет (все остальные – более чем 190 стран). В период переговоров по заключению ДНЯО неядерные страны пошли на такое решение в обмен на два условия: во-первых, приобретение доступа к

атомной энергетике (зафиксировано в статье 4) и, во-вторых, обещание ядерных держав стремиться к ядерному разоружению (статья 6).

2. В тексте ДНЯО отсутствуют обязательства ядерных держав не применять первыми ядерного оружия и не угрожать его применением.

3. Ядерные державы не выполняют своих обязательств по статье 6. Основное недовольство НЯОГ вызывает то обстоятельство, что четыре из них (США, Россия, Великобритания и Франция) в принципе не готовы говорить о всеобщем и полном ядерном разоружении. Хотя в 2019 году член «ядерного клуба» Китай в своей «Белой книге по национальной безопасности» выступил с призывом ко всем ядерным государствам о взаимном отказе от ЯО, однако его никто не поддержал.

4. В ДНЯО не дано определение ядерного взрывного устройства. А в ст. 5 ДНЯО говорится о передаче ЯВУ неядерным государствам со стороны ядерных государств на недискриминационной основе для мирного использования. Хотя очевидно, что ЯВУ для мирных и военных целей принципиально ничем не отличаются.

5. Еще одна сложная проблема ДНЯО – это отсутствие у него универсального характера. За его пределами остаются 4 государства – Индия, Израиль, Пакистан и КНДР. Все эти страны являются ядерными, хотя это и не признается Договором, поскольку три из них произвели ядерные испытания уже после того, как документ вступил в силу, а Израиль вообще не признает наличия у него ядерного оружия. Присоединение указанных государств к ДНЯО возможно только в качестве неядерных. В противном случае пришлось бы пересматривать соответствующие положения документа, на что государства-участники идти явно не готовы.

6. Выход и возможность выхода из Договора некоторых государств. Как известно, в январе 2003 года о выходе из ДНЯО заявила КНДР, которая в последствии полностью вышла из этого договора.

7. Отсутствие механизма принуждения государств к строгому соблюдению положений ДНЯО и четко установленных мер ответственности государств за их несоблюдение.

8. Устаревшие меры безопасности. Появление опасных негосударственных акторов (террористических и экстремистских структур), стремящихся к завладению ими ядерным оружием, требует выработки новых мер реагирования на террористические ядерные угрозы.

9. Проведение СВО на Украине вскрыло еще одну угрозу, реагирование на которую не предусмотрено, да и не могло быть предусмотрено в Договоре 1968 г. Это ядерный шантаж применения радиологического оружия («грязной ядерной бомбы») в отношении ядерного государства (России) со стороны неядерного государства (Украины). Современная ситуация такова, что коллективный Запад во главе с США закрывает глаза на эту угрозу, игнорирует принятие экстренных мер по ее блокированию и не дает возможности другим государствам – участникам ДНЯО, а также международным организациям, прежде всего ООН и МАГАТЭ, подключиться к решению этой проблемы.

Следующим ключевым элементом РНЯО, где также накопились серьезные проблемы, является ДВЗЯИ. Он был открыт для подписания 24 сентября 1996 года по решению Генеральной Ассамблеи ООН.

В отличие от ранее заключенных договоров в сфере запрещения ядерных испытаний, введенные ДВЗЯИ запреты распространяются на все среды (Договор 1963 г. разрешал подземные взрывы). Также устанавливается так называемый нулевой порог для мощности ядерных взрывов. Таким образом, запрет действительно носит всеобъемлющий характер.

Ключевой составной частью ДВЗЯИ является международная система мониторинга (МСМ). Данная система включает 337 объектов, расположенных по всему миру, включая 170 сейсмических, 11 гидроакустических, 60 инфразвуковых и 80 радионуклидных станций наблюдения. Эти объекты расположены в 90 странах мира и в акватории мирового океана. Сеть датчиков

создавалась таким образом, чтобы быть в состоянии надежно отличить ядерные взрывы от землетрясений.

К настоящему времени Договор подписали 185 государств, в том числе 41 государство из 44, необходимых для вступления договора в силу. Не подписали только «молодые» ядерные державы Индия, Пакистан, КНДР.

Ратифицировали Договор 170 государств, в том числе 36 государств из 44, необходимых для его вступления в силу. Помимо не подписавших ядерных держав его не ратифицировали другие ядерные державы: США, КНР, Израиль, а также Иран, подозреваемый в разработке ядерного оружия, и Египет [4].

Проблема ДВЗЯИ заключается в том, что в отношении него был создан прецедент, заключающийся в том, что инструмент для контроля действия Договора – МСМ – был создан и начал функционировать до его вступления в силу. В связи с этим США отказались от ратификации ДВЗЯИ, апеллируя к факту доступа к получению информации от успешно функционирующей международной системы мониторинга ядерных взрывов. Это они сочли достаточным, чтобы не связывать себя обязательствами о непроведении испытательных ядерных взрывов.

Очевидно, что договор «завис», в первую очередь из-за отказа США его ратифицировать. Если раньше американцы хотя бы на уровне риторики выражали свою поддержку ДВЗЯИ и ставили приоритетной задачей его ратификацию (как это было при Обаме), а также выделяли весьма значительные финансовые средства на работу ПК ОДВЗЯИ, то сейчас Вашингтон стремится закрепить сложившийся де-факто мораторий в качестве правовой нормы.

Имеются данные, что на Невадском ядерном полигоне начались работы по расконсервации оборудования. Это может свидетельствовать о начале реализации американских планов по модернизации своего ядерного оружия, создании нового поколения ядерных боевых блоков пониженной мощности.

Если США снова начнут ядерные испытания, то ДВЗЯИ прекратит свое существование, и важнейший элемент режима нераспространения ядерного

оружия будет разрушен. Соответственно, страны, которые подписали ДВЗЯИ и все эти годы сохраняли мораторий на ядерные испытания, в свою очередь, тоже могут начать ядерные испытания, что откинет мир на 50–60 лет назад и существенно усложнит всю систему международной безопасности и фактически положит конец РНЯО.

Что касается деятельности МАГАТЭ и проблемных аспектов, проявившихся в последнее время, то можно констатировать, что в настоящее время гарантии МАГАТЭ применяются в отношении 186 государств. Однако с годами эффективность деятельности этой организации стала существенно снижаться. Из некогда авторитетной организации, отличающейся принципиальным подходом к государствам, нарушающим требования ДНЯО о недопущении переключения с мирного на военное использование ядерных технологий, она превратилась в подчиненную США структуру, все больше выполняющую не свои уставные функции, а указания из Вашингтона. Нынешнее руководство МАГАТЭ в лице Совета управляющих МАГАТЭ и его Генерального директора Рафаэля Гросси полностью утратило способность объективно оценивать угрозы со стороны государств, проводящих политику ядерного шантажа в отношении других государств. Речь идет об угрозах со стороны Украины в применении радиологического оружия в отношении своей территории, территорий России и европейских государств, а также обстрелах ВСУ Запорожской АЭС. Также имеются сведения о еще одном серьезном нарушении со стороны Украины правил эксплуатации АЭС, заключающемся в размещении крупнокалиберных боеприпасов и ракет к установке HIMARS на территории АЭС. Засилье в Совете управляющих МАГАТЭ представителей коллективного Запада не позволяет давать адекватную оценку угрозам со стороны Украины и принимать в отношении нее жестких мер воздействия. Это резко снижает международный авторитет МАГАТЭ и возможность осуществлять эффективную деятельность в соответствии с Уставом этой организации.

Говоря о развитии идеи создания безъядерных зон на территории Земли в соответствии со статьей VII ДНЯО, можно заключить, что после Семипалатинского договора о безъядерной зоне 2007 г. процесс образования новых безъядерных зон остановился. Последняя попытка создания такой зоны на Ближнем Востоке была предпринята на обзорной конференции по ДНЯО в апреле–мае 2015 года, прошедшей в Нью-Йорке. Конференция завершилась даже без принятия итоговой декларации. При этом США, Великобритания и Канада заблокировали предложение по проведению конференции по созданию зоны, свободной от ядерного оружия на Ближнем Востоке, которое обсуждалось с 1995 года.

Несколько слов необходимо сказать о седьмом элементе режима нераспространения ядерного оружия – «Ядерное разоружение, реализуемое в соответствии со ст. VI ДНЯО на основе конкретных много- и двусторонних (российско-американских) договоров».

7 июля 2017 года в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке был принят Договор о запрещении ядерного оружия (ДЗЯО), в соответствии с которым запрещены разработка, испытание, хранение, приобретение, транспортировка и использование ядерного оружия [2].

ДЗЯО был открыт для подписания 20 сентября 2017 года и вступил в силу 22 января 2021 года (через 90 дней после ратификации пятьюдесятью государствами).

В переговорах о заключении ДЗЯО не принимали участие официальные ядерные державы (Россия, Великобритания, Китай, США и Франция), а также неофициальные (Индия, Пакистан, КНДР, Израиль). Спустя два часа после принятия документа Великобритания, США и Франция выступили с совместным заявлением, в котором сообщили, что никогда не станут его участниками. В МИД РФ также заявили, что Москва не ратифицирует договор, поскольку он противоречит национальным интересам страны.

Вместе с тем 24 июля 2019 года в Китае была обнародована новая официальная «Белая книга» по национальной обороне КНР, именуемая

«Национальная оборона Китая в новую эру». В этом документе сказано: «Китай выступает за полный и окончательный запрет и уничтожение ядерного оружия, не собирается участвовать в гонке вооружений ни с одной страной и будет поддерживать свой ядерный потенциал на минимальном уровне, отвечающем нуждам государственной безопасности». То есть Китай стал единственной ядерной державой, призвавшей остальные ЯОГ отказаться от ядерного оружия.

Среди других проблемных аспектов нераспространения ядерного оружия можно выделить следующие.

Длительное время находится в тупике ситуация на Конференции по разоружению, в рамках которой заблокированы переговоры по Договору о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ).

Американская сторона заблокировала свыше 20 различных международных инициатив, направленных на предотвращение размещения оружия в космическом пространстве, включая проект соответствующего российско-китайского договора.

Продолжается распространение технологий, чувствительных с точки зрения создания ядерного оружия, в связи с чем высказываются сомнения в жизнеспособности в современных условиях международно-правовых механизмов контроля над вооружениями.

Выход администрации Д. Трампа из Совместного всеобъемлющего плана действий (СВПД) по Иранской ядерной программе от 14.07.2015 и введение жестких санкций против Ирана и всех государств,купающих у него нефть. Администрация Д. Байдена, несмотря на заявления о возвращении в СВПД, ничего в этом направлении не предпринимает. Это только подстегивает Иран на дальнейшие шаги по развитию своей ядерной программы.

20 октября 2019 года президент США Дональд Трамп официально заявил о выходе из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД).

Одним из последних шагов в данном направлении стало заявление администрации США 21 мая 2020 года о выходе из Договора по открытому небу (ДОН).

Оценивая перспективы режима нераспространения ЯО, можно сказать следующее.

В последующий пятилетний срок ситуация в сфере международных отношений и ядерного нераспространения, вероятнее всего, будет лишь осложняться. США вряд ли откажутся от своих амбиций на мировое лидерство и навязывания своего видения построения мира. Руководство Канады, европейские лидеры, а также лидеры стран АТР, идущие в фарватере американской политики (Япония, Южная Корея, Австралия и др.), практически безропотно выполняли и будут выполнять все указания американского суверена.

Размещение американского ядерного оружия в неядерных странах – членах НАТО и привлечение их для участия в военных учениях с имитацией нанесения ударов, в том числе и ядерными средствами, напрямую ведут к нарушению статей 1 и 2 ДНЯО.

Попытки остановить продвижение российских вооруженных сил в рамках спецоперации по защите ДНР и ЛНР вглубь Украины будут толкать украинское руководство на безответственные и очень опасные попытки нанесения ударов по объектам атомной энергетики и химически опасных предприятий. При этом роль международных организаций, призванных не допустить возможных катастрофических последствий этих шагов (ООН, МАГАТЭ, ОЗХО и др.), практически свелась к нулю, что в немалой степени происходит ввиду засилья в этих структурах представителей США, Великобритании и других стран Запада, навязывающих остальным государствам свое видение возникающих проблем (во всем виновата Россия и Путин).

Ситуация со вступлением в силу ДВЗЯИ продолжит заходить в тупик, главным образом из-за позиции США, которые не хотят связывать себя обязательствами полного запрещения проведения ядерных испытаний.

Израиль – единственное ближневосточное государство, де-факто обладающее ядерным оружием, которое не присоединилось к ДНЯО и вряд ли в ближайшей перспективе присоединится. В этом же регионе продолжает усиливаться угроза распространения ядерного оружия и также попадания его в руки террористов.

Усиление политики сдерживания Ирана жесткими методами может лишь ускорить появление у этой страны ядерного оружия. Неминуемым последствием этого может стать региональная гонка ядерных вооружений и появление этого оружия у непосредственных противников Ирана – саудитов.

Пакистан и Индия по-прежнему остаются вне рамок ДНЯО и РНЯО. При этом периодические обострения отношений между этими государствами чреваты непредсказуемыми последствиями, связанными с применением в этом густонаселенном регионе мира ядерного оружия.

В течение ближайших пяти лет вряд ли разрешится проблема ядерной программы Северной Кореи. Вне процесса разоружения, скорее всего, будут оставаться другие ядерные государства – Великобритания, Франция, Китай, не говоря о неофициальных ядерных государствах.

Все указанные и некоторые другие проблемы свидетельствуют о развитии кризисного состояния режима нераспространения ядерного оружия. И все же государствам необходимо руководствоваться здравым смыслом и общечеловеческими ценностями, чтобы преодолеть все преграды и укрепить доказавший свою жизненную важность режим ядерного нераспространения.

Литература

1. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний принят 50-й сессией Генеральной Ассамблеи ООН (10 сентября 1996 года) и открыт для подписания 24 сентября 1996 года. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1902054> (дата обращения: 29.01.2022 г.).

2. Договор о запрещении ядерного оружия. История и основные положения. – URL: <https://tass.ru/info/10512613> (дата обращения: 29.01.2022 г.).
3. Договор о нераспространении ядерного оружия. Одобрен резолюцией 2373 (XXII) Генеральной Ассамблеи от 12 июня 1968 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/npt.shtml (дата обращения: 29.01.2022 г.).
4. *Ермухамбетова М.В., Миронов С.И.* Пятьдесят лет нераспространения ядерного оружия: итоги, проблемы, перспективы // Дипломатическая служба. – Том 18. – №5. – 2022.
5. История ядерного разоружения. – URL: <https://habr.com/ru/post/539504/> (дата обращения: 29.01.2022 г.).
6. Международное агентство по атомной энергии. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 29.01.2022 г.).
7. Система международного режима ядерного нераспространения. – URL: http://2014.atomexpo.ru/mediafiles/u/files/Materials/simposium/A.I._Iojr_ysh___E.V._Misatyuk.pdf (дата обращения: 29.01.2022 г.).

Малов А.Ю.,
кандидат исторических наук,
Дипломатическая Академия МИД России, Москва.
Andrey Yu. Malov,
Ph.D,
Diplomatic Academy of MFA of Russia, Moscow.
E-mail: aymalov5353@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ И СУДЬБА РЕЖИМОВ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ (НА ПРИМЕРЕ ЕВРОПЫ)

NON-PROLIFERATION ISSUES, ARMS LIMITATION AND DISARMAMENT PERSPECTIVES (ON THE EXAMPLE OF EUROPE)

Попытки России на рубеже 2021 и 2022 годов договориться о взаимных долговременных гарантиях безопасности привели лишь к высокомерному отрицанию нашего права на равную и неделимую безопасность. Запад явно дал понять, что никаких гарантий России предоставлять не намерен и в свою очередь в гарантиях не нуждается и что в лице России не видит равного партнера для стратегического диалога [3].

Для западных элит явились определенным шоком шаги России на повышение ставок при выдвижении своих инициатив о гарантиях безопасности в ноябре 2021 года. Этим Россия перехватывала инициативу в формировании новых основ поддержания европейской безопасности, предполагающих отход от натоцентричного ее понимания и возврат к базовым принципам, зафиксированным в основополагающих документах, а также заставляла Западную Европу реагировать, тем самым делая более прозрачными ее стратегические намерения и одновременно на тактическом уровне вынуждая западных представителей вернуться к ряду конкретных вопросов поддержания стабильности в Европе, ранее «с порога» отвергаемых натовцами.

К сожалению, выдвигаемые Россией предложения по обоюдным гарантиям безопасности были фактически отклонены.

Одновременно было вновь подтверждено, что Россия исторически и геополитически, ценностно и психологически рассматривается Западом и его военно-политическим ядром – НАТО как ключевой неуступчивый оппонент, отвергающий «концепцию миропорядка, основанного на "правилах"», разрабатываемых в недрах западных элит [8].

В то же время этими элитами ведется «большая игра» не только за новую устраивающую их архитектуру международной безопасности, но и за сам миропорядок, уклад жизни и, видимо, за самое главное – самого человека как вида и его место в человеческой цивилизации. Поэтому, несмотря на частный, хотя и важный случай безопасности такого ключевого региона как Европа, ставки в этой геополитической «игре» крайне высоки.

Что касается НАТО, то главным фактором, оправдывающим само существование Альянса в современных условиях, будет оставаться Россия и необходимость ее сдерживания как в военно-политическом смысле, так и в «ценностном» измерении, а также в социально-экономическом плане.

Этим целям отвечает новая редакция стратегической концепции Альянса «НАТО–2030», которая была вынесена на обсуждение и согласована в своей основе еще на саммите Альянса в 2021 году.

Мадридский же саммит НАТО, принявший новую стратегическую концепцию «НАТО 2022» и проложивший дорогу новому этапу расширения за счет Швеции и Финляндии, помимо России, которая квалифицируется как прямая и непосредственная угроза, нуждающаяся в жестком сдерживании, называет и Китай, чье «поведение» квалифицируется как противоречащее интересам Альянса [7].

Вряд ли можно рассматривать решения саммита как нечто неожиданное. Принципиально новым является то, что Альянс впервые за многие годы настроен на практическую реализацию принятых решений.

При этом сталкивается с институциональной проблемой преодоления предыдущей расслабленности от «легкой» победы в холодной войне, от готовности к борьбе с заведомо слабыми противниками, а также от снижения

психологической готовности к войне как армий государств-членов, так и общества в целом.

Проводимая Россией на Украине специальная военная операция (СВО) в данном контексте играет роль мобилизующего фактора и триггера для запуска реальных практических военных приготовлений Альянса, нацеленных на Россию.

Таким образом, идея Большой Европы без разделительных линий и блокового противостояния оказалась не просто нереализованной, а решительно отвергнутой Западом. Закрепленные на высшем уровне в основополагающих документах ОБСЕ обязательства не укреплять свою безопасность за счет безопасности других оказались не просто проигнорированными, а фактически растоптанными западниками.

Одновременно все большую динамику набрал крайне деструктивный процесс идеологизации геополитического противостояния, сопровождаемый «дегуманизацией» оппонента – России.

Как известно, одной из приоритетных задач администрации Дж. Байдена при приходе к власти являлась консолидация Евроатлантики на принципах возрождаемого американского руководства западным миром.

Одновременно Европу начали жестко принуждать к осознанию, что она обязана увеличить свой вклад в европейскую безопасность, как ее понимают в Вашингтоне.

При этом военная операция на Украине представляет собой лишь частный случай развернутой Западом глобальной войны.

К характерному признаку глобальной войны следует отнести ее ожесточенный характер. На крайне решительный настрой западных элит указывает ряд признаков.

Это высокая степень дисциплинированности западных союзников, которые, несмотря на разногласия, действуют как единый инструмент в руках Вашингтона. Четко прослеживается согласованный характер действий как по их содержанию, так и по времени их осуществления.

Мы имеем дело с открытым, ожесточенным и бескомпромиссным противоборством, которого не знали даже самые «холодные» периоды холодной войны.

С этим связаны попытки реализовать политику отмены русской культуры, русского мира, отключения России от глобальных платформ, составляющих основу процесса глобализации, включая финансовую, экономическую, научно-техническую, информационную, культурную, спортивную и прочие сферы, которые во многом контролируются западными элитами.

При этом Запад исходит из того, что у России не хватит сетевых возможностей и союзников для создания альтернативы существующим глобальным платформам.

В попытках лишить Россию доступа к будущему западные элиты также надеются на то, что, на их взгляд, у России нет должной проработанности целеполагания российского государственного и общественного строительства, отсутствует универсально признанная идеология развития [16].

В стратегическом плане расчет делается на то, что, будучи отрезанной от Запада, Россия не будет принята и Востоком «за своего» и что характер отношений России с Китаем и другими «великими азиатами» (Индия, Пакистан, Вьетнам, Индонезия, Малайзия и др.) носит якобы весьма ситуативный характер. Одновременно, по оценкам западников, у России практически нет надежных союзников в ОДКБ, и она может полагаться лишь на Белоруссию.

Это предельное давление со стороны Запада, прежде всего Европы, что характерно для глобальной войны. Речь идет о серьезных экономических потерях самой Европы, способных перетечь в социальные и политические проблемы. Несмотря на издержки Запада, особенно Европы, в проведении такого курса, он продолжает следовать линии санкционного давления, что свидетельствует о крайней решительности настроя западных элит. Сама природа отношений России с Западом при этом кардинально меняется.

В информационном плане к характерным чертам противоборства следует отнести прежде всего единство информационной повестки дня практически у всех западных СМИ с явными признаками цензуры, массовые вбросы дезинформации и откровенной лжи и налаженную систему манипуляции общественным мнением и индивидуальным сознанием, т.е. и в этой сфере налицо все признаки реальной масштабной войны.

На внешнем контуре мы являемся свидетелями значительных усилий по оказанию давления на колеблющихся и симпатизантов России, с целью пересмотра их линии на ее поддержку, либо на сохранение нейтрального подхода. Яркими примерами в этой связи являются Сербия и Индия.

В пользу решительного настроя западных элит в отношении России говорит ясно декларируемая цель по «деимпериализации» России, т.е. силовое изменение ее курса путем запуска механизма распада страны, устранения российских элит.

К признакам глобальной войны следует также отнести и то, что в результате противостояния будет кардинально изменена как геополитическая картина мира, так и вся система международных отношений.

Применительно к Украине эволюция поставок Западом вооружений от достаточно ограниченного набора к высоко эффективным современным образцам вооружений свидетельствует о повышении ставок Западом в его противодействии России.

На данный момент гибридный характер войны НАТО применительно к Украине определяется формулой «чужими руками, на чужой территории». Он сводится к применению политических, экономических, финансовых, информационно-когнитивных средств воздействия с целью максимально ослабить Россию. Он также предполагает поставки киевскому режиму обычных вооружений во все большем количестве и с нарастающим качеством и возможностями, одновременное натаскивание украинского контингента на ведение боя с использованием современных средств связи, разведки и

целеуказания, а в последнее время и прямое участие натовских военнослужащих «под чужим флагом».

Таким образом, по масштабу гибридная агрессия Запада против России носит глобальный характер со всеми признаками мировой войны: наличие коалиции с руководящим Центром – Вашингтоном, непосредственное соприкосновение с противником, предельная мобилизация и напряжение сил, задействование всего спектра воздействия, от экономического до когнитивно-психологического, решительность намерений и мобилизация воли, неразборчивость в средствах достижения поставленных задач и целей, значительный охват втянутых в противостояние государств.

Фактически человеческая цивилизация стоит перед выбором в своем развитии. Это может быть движение к глобализированному миру под управлением наднациональных экономических и финансовых элит, в котором на фоне «расчеловечивания» человека нет места суверенно значимым государствам. Общую характеристику такого мира дал в своей работе «Великая перезагрузка» председатель Всемирного экономического форума Клаус Шваб [4].

Другой вариант – мир пойдет по пути многополярности, где субъекты мировой истории остаются быть государства и где выстраиваются такие взаимоотношения, которые, в частности, закреплены в Совместном заявлении России и Китая [6].

В совместном Заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики, принятом 4 февраля 2022 года отмечается «тенденция перераспределения баланса мировых сил», при котором «растет запрос мирового сообщества на лидерство в интересах мирного и поступательного развития». При этом построение мира видится на основе «диалога и взаимного доверия», а также с учетом отстаивания таких ценностей, как «мир, развитие, равенство, справедливость, демократия и свобода», обеспечения «права народов на самостоятельный выбор пути развития» и построения «миропорядка, основанного на международном праве».

Одновременно в Заявлении дана исчерпывающая оценка «силам, представляющим меньшинство на мировой арене», стремящимся «отстаивать односторонние подходы к решению международных проблем и прибегать к силовой политике», а также практикующим «вмешательство во внутренние дела других государств», что фактически препятствует «развитию и прогрессу человечества».

Так что разлом мира уже фактически произошел.

Ожесточенный характер противоборства, решительность намерений и объективный разлом по коренным ценностям и интересам приведут к формированию самостоятельных экономических объединений и враждующих коалиций, а также к формированию зон противоборства.

К одной из таких зон следует отнести линию противостояния Россия–НАТО на европейском ТВД. К другим – зону Закавказья и Центральной Азии. К третьей – регион АТР с его конфликтными очагами.

В рамках данных зон противоборства уместно прогнозировать возрастание возможностей прямого столкновения противоборствующих вооруженных сил вплоть до втягивания в ядерный конфликт.

При этом западные, прежде всего американские, элиты на фоне системных проблем с сохранением империи доллара заинтересованы в поддержании в Европе обстановки военного напряжения и хаоса. Тем самым запускается процесс активизации американского ВПК в качестве импульса для промышленного роста, обеспечивается переток инвестиций из Европы в США, ослабляются европейские бизнес-конкуренты.

На этом фоне весьма показательны процессы, происходящие в НАТО.

Еще на этапе работы «группы мудрецов» по выработке новой стратегической концепции «НАТО–2030», включая ее закрытый компонент, отмечалась необходимость в Альянсе, сильном в военном отношении, сплоченном в политическом, способном применять на практике широкий гибридный подход в глобальном масштабе.

Констатировалось, что для этого Альянсу необходимы серьезные инвестиции в ВС, инфраструктуру и в целом в военные возможности, дальнейшее политическое сплочение блока с целью превращения Альянса в глобальный инструмент военных гарантий процесса установления «нового мирового порядка» по лекалам западных элит в условиях всеохватывающей конкуренции

На европейском ТВД к числу практических мер укрепления Альянса следует отнести усиление систем ПВО и ПРО, наращивание передовых обычных возможностей с размещением постоянно действующих и ротлируемых контингентов США, активизацию разведки и военных учений, разворачивание инфраструктурных и логистических возможностей Альянса.

К отдельным качественно новым мерам следует отнести придание деятельности НАТО многосферного, мультидоменного характера. К новым сферам деятельности необходимо причислить космическую и цифровую киберсферу, а также попытки выработать набор ментально-когнитивных технологий для обработки массового и индивидуального сознания.

Важность последнего компонента в многосферных операциях, планируемых НАТО, резко повышается и начинает приобретать системный характер, под который подводятся новые организационные, финансовые, технические возможности, создаются соответствующие учебные центры, формируются профильные подразделения [10; 12; 13; 14; 15; 17].

К настоящему времени мы являемся свидетелями активной фазы вплетения космоса в сферу объединенных интересов НАТО: на встрече министров обороны стран НАТО еще в июне 2019 года предварительно одобрена космическая политика Альянса [5; 1; 11; 18].

Как известно, расширение НАТО шло по некоторым векторам: захват постсоветского пространства, развитие сети партнерских отношений как по горизонтали, так и по вертикали, сохранение военного и политического стержня в лице США в качестве системообразующего фактора, а в последнее

время попытки подчинения членов Альянса единой системе ценностных установок.

Одновременно мы сталкиваемся по сути с сознательным делегированием определенного набора военных функций со стороны Вашингтона ряду своих евросоюзников с целью формирования из них ударного расходного «кулака» в деле противоборства с Россией.

При этом речь идет не только об обычных вооружениях, но и о возможностях поиска путей т.н. гибридного использования ЯО. В пользу этого тезиса говорит программа совместного использования ЯО – nuclear sharing, которая включает в себя подготовку инфраструктуры, персонала, летчиков из стран – членов НАТО, которые де-юре не являются ядерными государствами, для вероятного применения американских авиационных бомб свободного падения в ядерном снаряжении. Таким образом, в практическом плане идет подготовка европейских возможностей для наработки компетенций применения американского ТЯО.

Под эти планы также осуществляются и поставки вооружений, в частности авиационных боевых платформ F-35 как потенциальных носителей ядерных боеприпасов. При этом Вашингтон, видимо, не оставляет надежд в случае необходимости прибегнуть к применению ЯО чужими руками и при этом «отсидеться за океаном» и уйти от ответственности и возмездия за его применение.

В этом плане крайне своевременно явилось принятие в России «Основ государственной политики в области ядерного сдерживания», увидевших свет в июне 2020 года. В документе четко говорится о возможностях нанесения ответного или ответно-встречного удара с применением ЯО против центров принятия решений [9].

На этапе расширения НАТО на постсоветское пространство ставилась задача недопущения медленного дрейфа Альянса в сторону собственно политического союза.

В наше время мы являемся свидетелями возврата НАТО практических военных функций и военных возможностей, нацеленных на реальное применение, при одновременной политической консолидации участников Альянса.

Все эти мероприятия вместе с натовским «миротворчеством» заложили основу процесса глобализации НАТО.

В отношении судьбы режимов безопасности в Европе следует констатировать их практический распад. В условиях вступления в фазу фактического противоборства России и НАТО на «площадке» Украины говорить о таких режимах, как «структурированный диалог по безопасности», Венский договор 2011 г. не приходится. С уходом США, а затем и России из Договора по открытому небу (ДОН) он утратил практическое значение.

К единственной остающейся площадке можно было бы отнести Форум ОБСЕ по сотрудничеству в области безопасности (ФСОБ). Однако сам Форум и его пленарные заседания, равно как и Постоянный совет ОБСЕ, превратились в поле ожесточенных политических баталий и огульных обвинений в адрес России. На ФСОБ дело дошло до того, что его пленарные заседания западники посещают по выбору, делят участников Форума на «угодных» и «неугодных», тем самым «через колено ломают несущие опоры военно-политического диалога» по вопросам безопасности в Европе [2].

Несмотря на практический коллапс деятельности ОБСЕ в его измерении военной безопасности, выходить из ее структур, включая ФСОБ, представляется контрпродуктивным и в настоящее время преждевременным.

Следует продолжать терпеливо и последовательно использовать площадки ОБСЕ для разъяснения подходов России к обеспечению европейской безопасности.

Литература

1. В Европе создадут первый в мире военный интернет // Melcon. – URL: <http://www.melcon.iv>news/2019/06/29/ministry-oborony-nato>

2. Выступление руководителя Российской Федерации на переговорах в Вене по вопросам военной безопасности и контроля над вооружениями на 1019-м пленарном Форума ОБСЕ по сотрудничеству в области безопасности 27 июля 2022 года. – URL: [https:// www.mid.ru](https://www.mid.ru).
3. Договор между Российской Федерации и Соединенными Штатами Америки о гарантиях безопасности. – URL://www.mid.ru/foreign_policy/rso/nato/1790818
4. *Клаус Шваб, Тьерри Маллере*. COVID-19: Великая перезагрузка // Всемирный экономический форум. – Женева, Швейцария, 2020.
5. НАТО утвердила концепцию альянса по сдерживанию в космосе // ТАСС. – URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6600988>
6. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международных отношениях, вступающих в новую эпоху, и глобальном устойчивом развитии. – URL: [http:// www.kremlin.ru](http://www.kremlin.ru)
7. Стратегическая концепция НАТО 2022 года. – URL://<http://www.nato.int.290622-strategic-concept-ru.pdf>
8. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. –URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>
9. Указ Президента Российской Федерации от 02.06 2020 г. №355 «Об основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания». – URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/45562>
10. *August Cole, Herve Le Guyader*. NATO 6th Domain of Operations, September 2020.
11. Defense Space Strategy Summary. June 2020 // Department of Defense, United States of America. – URL: <https://www.defense.gov/Newsroom/Releases/Release/Article/2223539/departement-of-defense-releases-defense-space-strategy/>
12. Ensuring U.S. leadership in space // Space Foundation. – March 4, 2016. – URL: <http://www.spacefoundation.org>
13. *Green Stuart A*. Cognitive Warfare. – The Augean Stables, Joint Military Intelligence College, July 2008. – URL: www.theaugeanstables.com/wp-content/uploads/2014/04/Green-Cognitive-Warfare.pdf
14. *Herve Le Guyader*. The Weaponization of Neurosciences. Innovation Hub Warfighting Study. February 2020.

15. *Matt Chessen*. The MADCOM Future: How AI enhance computational propaganda // The Atlantic Council, Sep 2017.
16. Modern Political Warfare. Current Practices and Possible Responses. – Cal., RAND. – 2018. – P. 8.
17. Overextending and Unbalancing Russia. RAND. – 2019.
18. Resiliency and Disaggregated Space Architectures, White Paper // Air Force Space Command. – URL: <http://www.afspc.af.mil/shared/media/document/AFD-130821-034.PDF>

Деньщиков А.Л.,
кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.
Alexander L. Denshchikov,
PhD (Political Sciences),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: alexander.denshchikov@gmail.com

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР СНГ: 22 ГОДА НА СТРАЖЕ БЕЗОПАСНОСТИ

ANTITERRORISM CENTER OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES: 22 YEARS ON GUARD FOR SECURITY

Прошло уже более 20 лет с момента образования Антитеррористического центра государств – участников СНГ. За это время им был пройден непростой путь. Работать приходилось в условиях обострения локальных международных конфликтов, глобальных экономических кризисов, в периоды изменения политического ландшафта. И все это сопровождалось разрастанием террористической угрозы, которая постоянно трансформировалась, приобретала новые качества, часто выступая как самостоятельный инструмент в геополитических и геоэкономических мировых процессах.

Включение международных террористических организаций в состав активных политических игроков, переформатирование самой парадигмы террора и технологий борьбы с ним – все это, конечно же, накладывало отпечаток на контртеррористическую политику государств СНГ.

Однако за прошедшие годы удалось создать устойчивую, многофакторную модель защиты всего Содружества от террористических угроз. Решение этой непростой задачи стало результатом общего понимания повышенной опасности, исходящей от структур международного терроризма, готовности государств СНГ к сотрудничеству и взаимодействию на концептуальном и практическом уровне.

Будучи специальным субъектом, координирующим взаимодействие органов безопасности и специальных служб стран Содружества в сфере противодействия терроризму и иным насильственным проявлениям экстремизма, Антитеррористический центр всегда подчинял свою работу результатам оценки террористических угроз в проекции на перспективу, заранее согласованным приоритетам сотрудничества. На фоне трансформаций современного терроризма, обусловленных, главным образом, технологическими решениями нового уровня, совместно с партнерами удалось провести модернизацию организационно-управленческих решений в сфере борьбы с терроризмом, обеспечить их эффективность. В значительной степени это стало возможным благодаря ответственной позиции руководителей национальных специальных служб и антитеррористических центров государств Содружества.

Работа АТЦ СНГ системно ориентирована на решение практических задач борьбы с терроризмом, согласование позиций представляемых компетентных органов и формирование оптимальных, апробированных практик в этой области. За последние годы во взаимодействии с партнерами удалось значительно расширить спектр направлений совместной деятельности, активизировать такие направления, как информационное противодействие идеологии терроризма, борьба с финансированием и материально-техническим обеспечением террористических организаций с учетом их перехода в цифровое поле и использования в преступных целях беспилотных аппаратов. Параметры безопасности государств – участников СНГ всегда рассматривались в контексте общего состояния складывающейся обстановки в евразийском регионе как важная часть социальных и политических процессов, происходящих в современном мире. И Антитеррористический центр СНГ, и компетентные органы каждого суверенного государства поддерживают международные инициативы в сфере борьбы с терроризмом, развивают практические проекты по их реализации. Отмечу, что здесь накоплен уникальный опыт. Не будет преувеличением

сказать, что Программа сотрудничества государств Содружества в области борьбы с терроризмом является элементом Глобальной контртеррористической стратегии ООН.

Террористические угрозы давно не являются локальными. Генезис и субъективный состав террористической активности в различных регионах мира сильно варьируются, отличаются правовые и управленческие механизмы обеспечения безопасности.

Именно по этой причине на региональном уровне – на пространстве СНГ – и стало возможным решение задачи снижения уровня террористических угроз. Совокупность региональных стратегий и инициатив, поддержанных на самом высоком международном уровне, – это и есть та самая система безопасности, к созданию которой мы все стремимся.

Построение системы безопасности в условиях очень динамичного развития общей ситуации в мире было бы невозможным без задействования, помимо ресурса органов безопасности и спецслужб стран Содружества, потенциала других органов отраслевого сотрудничества СНГ.

Важным системным фактором является взаимодействие с Контртеррористическим и санкционными комитетами СБ ООН, Региональной антитеррористической структурой ШОС, ОДКБ. Меморандум о взаимопонимании между Антитеррористическим центром СНГ и Организацией Объединенных Наций в лице ее Контртеррористического управления дал возможность инициировать совместные проекты и программы в области борьбы с терроризмом для поддержки сбалансированной имплементации Глобальной контртеррористической стратегии ООН, осуществлять обмен информацией, проводить совместные мероприятия и консультации в области борьбы с терроризмом.

В течение последних лет сделаны серьезные шаги к привлечению в противодействие терроризму на пространстве СНГ структур гражданского общества – общественных организаций, фондов, конфессиональных объединений государств Содружества.

Реализуемые сегодня совместные масштабные проекты позволяют говорить о том, что на пространстве СНГ сформирован серьезный субъект противодействия терроризму.

В 2020 году государства Содружества вступили в сложный период, вызванный экономическими последствиями пандемии COVID-19. Было бы ошибочным полагать, что грядущие изменения жизненного уклада не коснутся экстремистской и террористической активности. Уже сейчас эти угрозы претерпевают такие изменения, которые заставляют нас рассматривать борьбу с терроризмом и экстремизмом не просто как систему скоординированных мер, а как деятельность в парадигме стратегического сдерживания. Развитие ситуации по «кризисному» сценарию, будь то пандемия, экономический кризис, глобальная гуманитарная проблема, всегда ставит перед государствами нестандартные сложные задачи, для решения которых в том числе требуется консолидация деятельности органов безопасности, спецслужб и правоохранительных органов.

Очевидно, что, опираясь на уже имеющийся многолетний опыт сотрудничества в самых непростых условиях, надо быть готовыми корректировать имеющиеся и находить новые организационные и правовые решения, формировать такую концепцию взаимодействия, которая адекватно отвечала бы новым вызовам и угрозам. И у нас есть все основания полагать, что объединенные усилия позволят создать более сложные и более эффективные модели противодействия масштабной террористической активности.

В это непростое время готовность компетентных органов государств – участников СНГ к совместной работе по обеспечению национальной и коллективной безопасности наших стран, тесное и конструктивное взаимодействие будет и впредь служить мирному и поступательному развитию стран СНГ, содействовать укреплению дружбы и доверия между нашими народами.

Тимакова О.А.,

кандидат политических наук,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Olga A. Timakova,

PhD (Political Sciences),

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: o.timakova@dipacademy.ru

ОТНОШЕНИЯ НАТО-ЕС: РОЛЬ СТРАН-ЧЛЕНОВ

NATO-EU RELATIONS: MEMBER STATES ROLE

The architecture of European security is characterized by the existence of a large number of international organizations with similar powers and membership. NATO is considered as the basis of the European security system. The European Union concentrated its efforts on the development of the Common Foreign and Security Policy (CFSP) and the Common Security and Defense Policy (CSDP) only after the signing of the Lisbon Treaty. 21 states from 27 EU member states and 30 NATO member states simultaneously belong to both organizations. Organizations call one another strategic partners, where the EU is the “European pillar of NATO” [1]. Despite this, relations between them are developing extremely slow, and according to European analysts, they are in a state of “frozen conflict” [16].

Any member state of one or both organizations can block decisions to deepen relations. Most obviously, the problems in NATO–EU relations are related to the unresolved conflict between Greece, Turkey and Cyprus. According to the agreed opinion of Western experts it is them who slows down further interaction [12]. In 2004, Turkey vetoed cooperation between the two organizations immediately after the admission of Cyprus to the EU [2]. Moreover, Turkey limited the participation of Cyprus in the intelligence agreement [3]. The proposals put forward to resolve this conflict through the admission of Cyprus to NATO, and Turkey to the EU are unimplementable at this stage.

Turkey's active policy in general causes controversy with European NATO members. In particular, there were even military incidents in the Mediterranean Sea [13]. R. Erdogan's position is such that the policy of the Alliance cannot really be carried out without Turkey, which is ready to defend its own interests.

Declaring Russia as “the most significant and immediate threat to the security of the allies” [15] in the new Strategic Concept will result in attempts to force Turkey to abandon close cooperation with the Russian Federation. Nevertheless, R. Erdogan's victory in “blackmailing” NATO allies on the issue of Sweden and Finland [8] joining the Alliance suggests that Turkey is likely to maintain pragmatic relations with Russia at the same level. An important aspect in this situation is the economic and geopolitical vulnerability of Turkey to Russia.

However, not only the above three countries enjoy the right to veto on deepening the relations. The UK left the European Union in January 2020. At the moment, London and Brussels are in a state of transitional period. The EU invited the UK to sign an additional agreement on foreign policy, security and defense along with the new cooperation agreement. However, the B. Johnson government initially rejected the proposal. And the announcement in the fall of 2021 of the AUKUS agreement brought a significant discord in relations in the US–UK–EU triangle. Therefore, the Strategic Compass merely expresses an openness to a closer CFSP relationship with the United Kingdom. The exit of Great Britain – the largest military force of the European Union – from the EU has led to an even greater asymmetry in the military potentials of the two organizations. The resulting gap between the EU and the UK requires France to form a new bloc that advances the agenda of a single European army [5].

France is generally presumes that greater cooperation between institutions could undermine the “strategic autonomy” of the EU [14; 4; 17]. Although under the conditions of the Russia’s special military operation, France is ready not to block NATO initiatives in favor of developing the EU defense potential, the situation with AUKUS indicates serious contradictions in the national interests of the United States and France [11].

The cornerstone of the European Defense Initiative is the PESCO project, which is designed to unite efforts and distribute the responsibilities and powers of European states in strengthening the security of the EU. The basis of criticism of PESCO is the fear that this structure will duplicate the activities of NATO [6]. The EU leadership hastened to confirm that all PESCO projects are non-competing, but complementary to NATO's potential [18].

According to British experts, Russia's special military operation has shown that the “strategic autonomy” of the EU is devoid of any content and prospects [9]. And PESCO has not led to a deepening of cooperation within the EU, as it implements projects that either way would have been launched without this program [19].

One of the main obstacles to the development of a CFSP is the inconsistency and divergence in the perception of threats among Member States. The asymmetry in the perception of various threats and in their priority by member countries has significant consequences for the EU – it limits the ability of Brussels to become an actor in international security [20]. EU Member States also disagree on the geographical and functional level of ambition they must adopt in their quest for “strategic autonomy”. Moreover, within the framework of the Treaty on European Union there is Article 42(7), which implies “the obligation to provide support and assistance by all means within the power of [EU Member States]”, in the event of armed aggression against one of the allies [7]. In particular, in 2015, when France evoked this article of the treaty, there were significant disagreements between European states on the interpretation of the provisions of this article [10].

In the end the reason for the dysfunctional relations between the EU and NATO lies largely in the positions of the member countries of these organizations. The lack of harmonization in relations between the EU and NATO structures indicates a lack of political will and a strategic vision for the development of cooperation. At the moment, the national interests of such NATO member states as Great Britain, Greece, Cyprus, Turkey and France prevail.

Литература

1. A Strategic Compass for Security and Defence - For a European Union that protects its citizens, values and interests and contributes to international peace and security. Working document of the European External Action Service // European External Action Service. – 09 November 2021. – URL: <https://club.bruxelles2.eu/wp-content/uploads/2021/11/boussolestrategiquecom-off@ue211109.pdf> (accessed: 31.01.2023).
2. *Acikmese S.A., Triantaphyllou D.* The NATO-EU-Turkey trilogy: the impact of the Cyprus conundrum // Southeast European and Black Sea Studies. – 2012. – № 12(4). – P. 555–573.
3. Agreement between the European Union and the North Atlantic Treaty Organization on the security of information // EUR-Lex, L80/36. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A22003A0327%2801%29> (accessed: 31.01.2023).
4. *Besch S., Scazzieri L.* European strategic autonomy and the transatlantic bargain // Centre for European Reform. – 10 December 2020. – URL: <https://www.cer.eu/publications/archive/policy-brief/2020/european-strategic-autonomy-and-new-transatlantic-bargain> (accessed: 31.01.2023).
5. *Billon-Galland A., Raines T., Whitman R.G.* The future of the E3: Post-Brexit cooperation between the UK, France and Germany // Chatham House. – 28 July 2020. – URL: <https://www.chathamhouse.org/2020/07/future-e3> (accessed: 31.01.2023).
6. *Biscop S.* European defence: what's in the CARDS for PESCO? // Egmont. – 19 October 2017. – URL: <https://www.egmontinstitute.be/european-defence-whats-cards-pesco/> (accessed: 31.01.2023).
7. Consolidated version of the Treaty on European Union // EUR-Lex. – 09 May 2008. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:12008M042> (accessed: 31.01.2023).
8. *Dalay G.* Deciphering Turkey's geopolitical balancing and anti-Westernism in its relations with Russia // SWP. German Institute for International and Security Affairs. – 20 May 2022. – URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/deciphering-turkeys-geopolitical-balancing-and-anti-westernism-in-its-relations-with-russia> (accessed: 31.01.2023).
9. *Dalay G.* Turkey gains much from NATO, but a rocky road lies ahead // Chatham House. – 12 July 2022. – URL:

- https://www.chathamhouse.org/2022/07/turkey-gains-much-nato-rocky-road-lies-ahead?utm_source=Chatham%20House&utm_medium=email&utm_campaign=13362687_MENAP%20-%20Newsletter%20-%202002.08.2022&utm_content=CTA&dm_i=1S3M,7YEPR,NUTA1M,WI MWT,1 (accessed: 31.01.2023).
10. *Deen B., Zandee D., Stoetman A.* Uncharted and uncomfortable in European defence // *Clingendael*. – 27 January 2022. – URL: <https://www.clingendael.org/publication/uncharted-and-uncomfortable-european-defence> (accessed: 31.01.2023).
 11. EU-NATO Cooperation and the Strategic Compass // European Union Institute for Security Studies. – 14 October 2021. – URL: <https://www.iss.europa.eu/sites/default/files/EUISSFiles/SI-EUISS%20-%20EU-NATO%20and%20Compass%20-%20Final%20Report.pdf> (accessed: 31.01.2023).
 12. *Ewers-Peters N.M.* Understanding EU-NATO Cooperation: how member-states matter. London: Routledge. – 2021. – 220 p.
 13. *Got A.* Turkey's crisis with the West: how a new low in relations risks paralysing NATO // *War on the Rocks*. – 19 November 2020. – URL: <https://warontherocks.com/2020/11/turkeys-crisis-with-the-west-how-a-new-low-in-relations-risks-paralyzing-nato/> (accessed: 31.01.2023).
 14. *Martill B., Sus M.* Post-Brexit EU/UK security cooperation: NATO, CSDP+, or “French connection”? // *The British Journal of Politics and International Relations*. – 2018. – № 20(4). – P. 846–863.
 15. NATO 2022 Strategic Concept // NATO. – 30 June 2022. – URL: <https://www.nato.int/strategic-concept/> (accessed: 31.01.2023).
 16. *Odgaard L. (ed.)* Strategy in NATO: preparing for an imperfect world. New York: Palgrave Macmillan. – 2014. – 228 p.
 17. *Perruche J.-P.* From exception to facilitator: what place for France in the EU/NATO partnership in the post-Cold War global world? // *Journal of Transatlantic Studies*. – 2014. – № 12(4). – P. 432–442.
 18. Remarks by High Representative/Vice-President Federica Mogherini at the Press Conference Following the Foreign Affairs Council (Defence). Speech held on 6 March 2018 // European Union External Action Service. – 06 March 2018. – URL: https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/40897/remarks-hrvp-mogherini-press-conference-following-foreign-affairs-council-defence_en (accessed: 31.01.2023).
 19. *Twort L.* EU ‘Strategic Autonomy’ and the ambition of PESCO // *RUSI*. – 04 July 2018. – URL: <https://www.rusi.org/explore-our->

research/publications/commentary/eu-strategic-autonomy-and-ambition-pesco (accessed: 31.01.2023).

20. *Zięba R.* The Euro-Atlantic security system in the 21st century: from cooperation to crisis. New York: Springer. – 2018. – 291 p.

Сидорова Л.Н.,

кандидат политических наук,

Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Lidiiia N. Sidorova,

PhD (Political Sciences),

Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.

E-mail: lidiiia.nik.sidorova@gmail.com

РАСШИРЕНИЕ НАТО НА СЕВЕР: ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ

NATO's NORTHWARD ENLARGEMENT: CAUSES AND CONSEQUENCES

The Protocols on the accession of Finland and Sweden to NATO were solemnly signed on July 5, 2022 at the NATO headquarters in Brussels. Shortly after the launch of the active phase of accession, the head of the Finnish Foreign Ministry, Pekka Haavisto, optimistically assumed that it would take several weeks to overcome the differences between Finland and Sweden, on the one hand, and Turkey, on the other, which slow down the procedure for the entry of former neutrals – Finland and Sweden – into NATO.

However, the issue has not been resolved by the end of 2022. But whatever the outcome of this Turkish-Swedish bargaining, it can be stated that the so-called neutrals, who closely and actively cooperated with the Alliance, went to bring the formal status in line with the actual one. And this step significantly changes the security situation in the European North.

The argument about Russia's encroachment on the right to join turned out to be decisive

The Finnish authorities (first of all, President Saule Niinisto with the support of Prime Minister Sanna Marin, the Ministers of Defense and Foreign Affairs, as well as the active participation of the ruling Social Democratic Party) became the conductor of the idea of joining. It was they who during March–April 2022, via dozens of formal and informal meetings, convinced their Swedish colleagues of the inevitability of joining, which should be decided “as soon as possible”.

But the very idea of joining the Alliance does not belong to Helsinki, much less Stockholm. It was hatched by the leadership of the NATO bloc at the end of 2021 as one of the options for responding to the requirements formulated by Russia on security guarantees, which included non-expansion of NATO [2]. A simple analysis of the sequence of events around the entry proves this.

The first signal of the upcoming turn to NATO was the mention of this issue in the New Year's address of the President of Finland on the occasion of the onset of 2022, Sauli Niinisto said that his country “retains the opportunity to apply for NATO membership if it decides so itself”, but is in no hurry to use this option yet. The same idea was reproduced by 36-year-old Prime Minister Sanna Marin on January 2, 2022 [5]. And the topic is not New Year's, and the elections are far away: these statements had to have some other background.

Finland's politicians have repeatedly confirmed during January 2022 that there are no changes in the foreign policy course. Even after Anthony Blinken's statement that Finland wants to join NATO, made in an interview with MSNBC on January 13, 2022 following a meeting of European Union foreign ministers in France [10]. It is noteworthy that Blinken was also supported by the Norwegian Secretary General of NATO, Jens Stoltenberg: on the same day Finland and Sweden were promised that the process of joining NATO for Sweden and Finland could go very quickly [8]. However, Finnish Foreign Minister Pekka Haavisto said on January 14, 2022, that his country was not even discussing this issue [5]. The January events show that the plans of the collective West included the scenario of the Northerners joining NATO even before the start of a special military operation in Ukraine.

Later, President Niinisto will say that the "turning point" for him was not the fact that Russia used force during a special military operation, but Russia's demands for security guarantees announced in Moscow in December 2021 [2]. From the Finnish position, Russia's demand for non-expansion of NATO to the east extended to Finland and Sweden. However, apparently, this idea was "found" as an argument much later – already for the purpose of strengthening the position for membership during the final stage of broad discussions in parliament in May 2022. Sauli Niinisto

commented on this: “Russia does not see us as it saw us, that is, as militarily non-aligned, fully sovereign stable states” [7].

It remains unknown whether such a perception is a consequence of exaggerating the importance of one's country in the international arena, which means a distortion of reality in the minds of the political elite, or only a tool for forming public opinion. However, this argument was picked up and developed by the Prime Minister. So, during the final debate in Parliament on May 16, 2022, Sanna Marin stated: “At the end of last year, Russia proposed to the EU and NATO countries, including Finland, to stop the expansion of NATO. Accepting Russia's demands would mean a significant deterioration not only of our sovereignty, but also of our security” [9]. That is, the requirement of a NATO guarantee of non-expansion was interpreted as an encroachment on the freedom of choice of Sweden and Finland to be or not to be in the Alliance.

That is, the demand not to go where they were not going is regarded as an encroachment on the part of Russia, and the demand to extradite the Kurds - “terrorists” and “Gülenist traitors” – only as a bargaining chip.

Does high speed reduce risks?

Discussing the issue of joining NATO, the Finns prepared a government report, the Swedes – a parliamentary one. They were published exactly one month apart on April 12 and May 12, 2022, which just symbolizes the gap between Finnish determination and Swedish thoughts.

Parliamentarians chaired by Foreign Minister Anne Linde and with the participation of Defense Minister Peter Hulqvist recorded: “There is no guarantee that in the event of a threat of attack or attack, Sweden will receive assistance” [4, p.7]: there is no partner dimension in NATO's collective defense, there is only Article 5, which concerns exclusively allies.

Bilateral defense alliances with mutual defense guarantees outside the existing European and Euro-Atlantic structures are called unrealistic in the Swedish review. But the preamble also contains a verdict on the European defense identity: “It is

obvious that there is no political will among the member states to develop collective defense within the EU" [4, p.8]. That is, in fact, there is nothing to hide behind and there is no one to count on.

It is significant that already in the preamble of the document, the emphasis is not on the dilemma of entry, but on the "risks of the transition period", when "it cannot be excluded that Sweden will be subject to Russian provocations and countermeasures" [4, p. 8], but "attempts to influence", according to the logic of Swedish strategists, will probably cease simultaneously with the completion entry procedures.

Accusing Russia of a forceful solution to the Syrian crisis, Swedish politicians find "a mutually reinforcing link between Russia's internal repression and external aggression" [4, p.11], and they also hold it responsible for lowering the thresholds for the use of nuclear and chemical weapons. The attribution of Sweden to the category of "unfriendly" countries is called another "outburst of anger working for the domestic Russian audience" [4, p.12].

What was the surprise when, instead of the expected "provocations" or, at least, a performance, a regrouping of forces, etc., there was only a rather restrained statement by the Russian Foreign Ministry that "the choice of ways to ensure national security is an internal matter of any country", and regret that "the choice of those who are today having politicians in power in Sweden does not meet the long-term interests of the Swedish people" [1].

And even the head of Finnish intelligence, Antti Pelttari, was surprised by the lack of pressure from Russia because of the country's desire to join NATO, as he told the Financial Times newspaper [6]. All this actually confirms the fidelity of Russia's chosen strategy of minimal response to the behavior of its neighbors in the Northern European region.

There were no ardent opponents of the idea of joining in the Finnish establishment: the objectors – they are led by the left – protest only against haste and for holding a referendum. In Sweden, there are forces that are fundamentally

antagonistic against joining a military organization, among whose members there are nuclear powers that do not plan to reduce or destroy nuclear weapons, there are countries involved in conflicts, but most importantly: there are countries that do not share Swedish views on the world order, domestic politics and the use of force. In the situation of injection, these factors were not adequately taken into account. However, during the application approval procedure, they come to the fore.

The most voluminous and profound “dissenting opinion”, concluded in an unequivocal no to NATO membership, was composed by representatives of the Swedish left. Having branded the political regime in Russia to the nines, they are still sure that it was freedom from unions that allowed the Swedes to live in peace generation after generation and even participate in its transformation. It makes no sense to join a military alliance with the participation of nuclear powers, whose members are already involved in the confrontation (in general and many in their own – as, for example, Turkey with respect to the Kurds in Northern Iraq). The United States dictates its own terms in the Alliance, and the guarantee of non-deployment of nuclear and other weapons is fragile and illusory. The Finns also got it from the Swedish left: they force the Swedes to look at the situation not from the point of view of the interests of the entire region, but based on the actual Finnish needs.

The Finnish left is in favor of putting the issue to a referendum. Thus, Jussi Saramo pointed out the inadmissibility of haste, since there are no solutions to this issue without risk: “Our land in the eyes of Russia, first of all, can become the target of attacks and the front line of an imaginary Great War” [9], while now there are no threats of invasion.

Another representative of the Finnish left, Merja Killonen, expressed herself even more bitterly: “The question arises why Finland and Sweden did not take the initiative to mediate in the crisis in Ukraine. Instead, we became afraid, instilled fear in our neighbors, and now fear drives us with an empty mandate into the unknown, firmly relying on the protection of the NATO nuclear umbrella” [9].

Another powerful entry engine lies in the plane of global communications. It is known that Finnish Nokia OY and Swedish Ericsson AB became the subject of disagreements of American elites even under Trump. The decision of Finland and Sweden to join NATO could have been part of a big bargaining in an attempt to protect themselves from a hostile takeover of Nokia and Ericsson, i.e. a manifestation of subjectivity by the Wallenberg family. Both the northern telecommunications companies Ericsson and Nokia are engaged in the same business as Huawei. And they create opportunities for large American cloud providers, in particular Amazon Web Services and Microsoft, to participate in telecommunications [11].

Lobbyists are pushing conditions favorable to Amazon Web Service and Microsoft, working with the US Department of Defense under the Joint Warfighter Cloud Capability (JWCC) contract. That is, the decision actually taken can be considered as a link in the chain of building a new version of the now Euro-Atlantic "Privacy Shield", aimed at protecting data from China and Russia.

Indirect evidence that an agreement has been reached is the announcement in June 2022 of the start of construction of the third Microsoft data center in Finland in Vihti [3]. So the fact of joining NATO is no longer of fundamental importance – the stated intentions turned out to be enough.

Separated former neutrals

The January 2023 action of Rasmus Paludan to burn the Koran at the walls of the Turkish embassy, as well as the hanging upside down of an effigy of Erdogan that happened shortly before, were perfectly planned and almost achieved their goal, which suggests that they are not right-wing odious radicals, but those for whom Sweden will cease to be safe after joining NATO – and these are Kurds (the list of those required by Turkey for extradition has grown from 73 to 130), and Gulenists

The idea of joining “before Sweden” was born among the Finns situationally – in response to the complete refusal of the Turkish side from negotiations: Devlet Bahçeli said that continuing contacts with the Swedes would mean “betrayal of religion”. This actually meant that there was nothing to talk about with the Swedes,

and Turkey would never ratify the treaty on their accession. But after that, the Prime Minister and the Swedish Foreign Minister did not apologize, but expressed regret, which led not to a break in the negotiation process, but to a pause in it. It seems that the Turks will use this incident as an additional trump card in the pressure on Sweden - in terms of enacting legislation on freedom of speech. The Swedes found themselves in a situation of the need to change legislation under severe pressure from a foreign state, while not the most powerful, which reduces their already not particularly high status on the world stage in the most unprecedented way. In addition, the necessity of Sweden's submission to Turkey's demands builds a certain hierarchy within the Alliance itself, once again throwing Sweden to the periphery of the world games.

Литература

1. Заявление МИД России о членстве Швеции в НАТО 1024-16-05-2022 // МИД России. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1813545/
2. Соглашение о мерах обеспечения безопасности Российской Федерации и государств-членов Организации Североатлантического договора // Официальный сайт МИД России, 17 декабря 2021 г. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790803/
3. Microsoft построит в Финляндии третий дата-центр, 6 июня 2022. – URL: <https://yle.fi/novosti/3-12477994>
4. Ett försämrat säkerhetspolitiskt läge - konsekvenser för Sverige // Официальный сайт правительства Швеции. 13 мая 2022. – URL: https://www.regeringen.se/49a4b7/content-tassets/b33a04c7ad954881ad6a571dc8553dbe/ett-forsamrat-sakerhetspolitiskt-lage---konsekvenser-for-sverige_webb.pdf
5. Finland has no plans to join NATO - foreign minister. – URL: <https://www.devdiscourse.com/article/law-order/1883487-finland-has-no-plans-to-join-nato--foreign-minister>
6. Finland's spy chief surprised at lack of Russians reprisals over NATO bid // Financial Time. – URL: <https://www.ft.com/content/a7a6a109-acec-47e5-ad20-0cee0d12c2c0>
7. IL:n tiedot: Suomi päättää hakea Nato-jäsenyyttä 12. Toukokuuta // Iltalehti, 02 мая 2022. – URL: <https://www.iltalehti.fi/politiikka/a/f578c8d2-8950-4dc0-a74f-c48359b7b70b>

8. NATO Secretary General with the President of Estonia Alar Karis, 13 JAN 2022. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cVyzIakRrUs>
9. Pöytäkirjan asiakohta PTK 56/2022 vp // Официальный сайт парламента Финляндии – эдускунты. – URL: https://www.eduskunta.fi/FI/vaski/PoytakirjaAsiakohta/Sivut/PTK_56+2022+3.aspx
10. Secretary of State: U.S. is prepared if Russia does not choose diplomacy, dialogue // Телеканал MSNBC, 13 января 2022. – URL: <https://www.msnbc.com/morning-joe/watch/secretary-of-state-u-s-is-prepared-if-russia-does-not-choose-diplomacy-dialogue-130778181839>
11. The war in Ukraine is spurring transatlantic co-operation in tech // The Economist. – URL: <https://www.economist.com/international/2022/05/14/the-war-in-ukraine-is-spurring-transatlantic-co-operation-in-tech>

Охотенко Р.В.,

кандидат психологических наук,

директор Департамента информационной политики МЧС России, Москва.

Roman V. Okhotenko,

Ph. D.,

Director of the Information policies Department, Emercom of Russia, Moscow.

Арабидзе И.Т.,

кандидат социологических наук,

заместитель директора Департамента международной деятельности МЧС России, Москва.

Irakliy T. Arabidze,

Ph.D.,

Deputy Director of the International Department, Emercom of Russia, Moscow.

E-mail: ati30@mail.ru

ДИНАМИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ГУМАНИТАРНОГО РЕАГИРОВАНИЯ МЧС РОССИИ В СТРАНАХ АФРИКИ

EMERCOM OF RUSSIA EMERGENCY HUMANITARIAN RESPONSE IN AFRICA: DYNAMICS AND PERSPECTIVES

В современных реалиях, мировой порядок претерпевает очередные глобальные изменения, сменяются центры силы и сферы их влияния, образуются новые партнерства по различным векторам развития.

Геополитические потрясения 2022 года трансформировали не только внутреннюю, но и внешнюю политику Российской Федерации. Лишившись возможности экономического взаимодействия с западными игроками, что являлось одним из ключевых факторов развития страны и повышения ее статуса на международной арене, российские власти вновь обратили внимание на перспективный африканский регион. Данный регион имеет потенциал в различных сферах жизнедеятельности, поэтому является значимым партнером «на стадии становления». Отсутствие конфронтации позиций России и Африки по большинству принципиально важных международных вопросов представляет собой отправную точку формирования совместных проектов.

Так, наиболее приоритетной и динамичной сферой российско-африканских отношений является противодействие современным вызовам и угрозам, природным и техногенным катастрофам, риск которых зачастую не поддается прогнозированию. Суровые климатические условия, социальные проблемы (в т.ч. голод, высокие показатели бедности и смертности, низкое продовольственное положение), экологические проблемы напрямую влияют на темпы развития континента. Кроме того, в большинстве случаев национальных усилий и ресурсов профильных спасательных служб африканских стран недостаточно для реагирования на чрезвычайные ситуации. Качественное и оперативное обеспечение безопасности населения и территорий от характерных для региона рисков – определяющий фактор в процессе устойчивого развития стран Африки.

По данному направлению деятельности МЧС России по праву считается одной из наиболее эффективных в мире спасательных служб, занимая ведущую позицию в международном чрезвычайном гуманитарном реагировании. Совместно с профильными международными организациями (Всемирная организация здравоохранения, Всемирная продовольственная программа Организации Объединенных Наций, Международная организация гражданской обороны) МЧС России оказывает продовольственную, медицинскую и техническую поддержку нуждающимся странам Африки. Отдельное внимание отводится двусторонней чрезвычайной гуманитарной помощи в виде поставок материальных средств, необходимых для ликвидации последствий катастроф, противовирусных препаратов и задействования пожарной авиации. Документом, регламентирующим общие базовые принципы взаимодействия с африканскими партнерами в области предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, является Меморандум о взаимопонимании между МЧС России и Генеральным секретариатом Организации африканского единства¹ (ОАЕ), подписанный в 1996 году. Кроме того, имеется ряд

¹В 2002 году ОАЕ была преобразована в Африканский союз.

двусторонних нормативных документов, закрепляющих сотрудничество по линии спасательных служб с профильными ведомствами Африканского континента (Правительство Арабской Республики Египет, Министерство молодежи, спорта, культуры и профессиональной подготовки Руандийской Республики, Правительство Руанды).

Рассмотрим наиболее актуальные вопросы международного чрезвычайного гуманитарного реагирования на российско-африканском направлении. В течение 2017–2022 годов при участии и силами МЧС России странам Африки оказывалась всесторонняя гуманитарная помощь в преодолении последствий крупномасштабных чрезвычайных ситуаций и катастроф, таких как наводнения в Мозамбике, Зимбабве, Малави, Конго; засуха в Намибии; тропический ураган в Союзе Коморских Островов; эпидемии коронавируса в Кабо-Верде, Анголе, Зимбабве, Конго, Центральноафриканской Республики (ЦАР), Южной Африке (ЮАР); нехватка продовольствия в Судане; природные пожары в Алжире. Высококвалифицированные российские специалисты, использующие новейшие отечественные разработки в сфере информационных технологий, гражданской обороны и предупреждении чрезвычайных ситуаций, всего за пятилетний период на африканском направлении осуществили 14 гуманитарных операций. Помощь оказана 12 государствам общим объемом более 850 тонн. До 2020 года основным видом помощи являлись материальные средства, необходимые для преодоления негативных последствий разрушительных природных явлений. В 2020–2021 годах ключевым компонентом помощи становится медицинская номенклатура, востребованная в деле борьбы с распространением коронавирусной инфекции на Африканском континенте [1; 2]. Оперативные и адресные усилия МЧС России внесли значительный вклад в борьбу с современными биологическими опасностями и позволили не допустить масштабного распространения инфекции.

В рамках взаимодействия МЧС России с ВПП ООН, основой которого является Меморандум о взаимопонимании, подписанный 10 ноября 2002 года, за пятилетний период с 2017 года в Африку при участии МЧС России

поставлено более 16 тысяч тонн продовольствия на общую сумму свыше 30 млн долл. США. Проведено 24 гуманитарные операции, помощь оказана 17 странам – Намибии, Кении, Сомали, Судану, Конго, Уганде, Гвинеи, Чаду, Джибути, Мозамбику, Зимбабве, Малави, Мадагаскару, Бурунди, Сьерре-Леоне, ЦАР, Южному Судану.

В течение ряда лет МЧС России при координации и поддержке МИД России взаимодействует со Всемирной Организацией Здравоохранения (ВОЗ) по вопросам готовности и реагирования на чрезвычайные ситуации и оказания помощи пострадавшим государствам при ликвидации последствий катастроф и кризисов.

В частности, начиная с 2012 года, реализуется совместный проект в области чрезвычайной медицинской готовности и реагирования и поддержки национальных секторов здравоохранения в условиях катастроф и кризисов.

В сентябре 2021 года Правительством Российской Федерации принято решение о внесении очередного донорского взноса в ВОЗ в размере 3,5 млн долларов США¹ для целей данного проекта в 2021–2023 годах, который и реализуется в настоящее время в соответствии с распоряжением Правительства Российской Федерации от 25.09.2021 № 2678-р.

В 2018 году оказана чрезвычайная медицинская помощь Зимбабве в связи с неблагоприятной обстановкой из-за распространения холеры.

В рамках реализации в 2019–2021 годах совместного с ВОЗ проекта в области чрезвычайной готовности и реагирования оказана помощь ряду африканских стран. В 2019 году была оказана помощь Мозамбику, серьезно пострадавшему от тропического циклона. В страну были поставлены основные блоки чрезвычайного медицинского модуля, дополнительные блоки

¹Сумма российского донорского взноса расходуется на оплату трех основных компонентов проекта: 1,5 млн долл. США – на укрепление чрезвычайной медицинской логистики ВОЗ, 1 млн долл. США – на оплату содержания персонала штаб-квартиры ВОЗ, включая российского представителя, занимающего должность на уровне Р5 в Департаменте по чрезвычайному реагированию, 1 млн долл. США – на организацию и проведение учебных программ.

чрезвычайного медицинского модуля и противохолерные модули различной комплектации.

В 2019 году помощь была оказана Лесото (хирургические и травматические модули), Малави (межведомственные чрезвычайные медицинские модули, противохолерный модуль) и Зимбабве (межведомственные чрезвычайные медицинские модули, противохолерный модуль) [3].

В 2020 году в Республику Джибути в целях преодоления последствий крупномасштабного наводнения были доставлены комплекты товаров медицинского назначения (медицинские модули) терапевтического, противохолерного, противомаларийного профилей, а также тяжелые модули с оборудованием для оснащения противохолерных центров.

В 2021 году оказана срочная помощь Мозамбику в преодолении последствий разрушительных циклонов и штормов. Для удовлетворения острых потребностей населения доставлены комплекты товаров медицинского назначения терапевтического и противохолерного профиля.

Оказание существенной гуманитарной помощи нуждающимся странам на протяжении нескольких десятилетий позволило сформировать стабильную основу для развития российско-африканских отношений по другим перспективным направлениям деятельности. Стоит отметить, что МЧС России вносит свой вклад в укрепление систем гражданской обороны стран Африки не только путем оказания помощи при чрезвычайных ситуациях или стихийных бедствиях, но и предоставляет возможность местным специалистам спасательных служб и преподавателям обучаться по программам повышения квалификации в профильных учебных заведениях высшего образования Министерства. Благодаря привлечению потенциала Международной организации гражданской обороны (МОГО), членами и наблюдателями которой являются более половины стран Африки, а стратегическим партнером – Российская Федерация, сотрудничество в области образования, науки и техники является одним из важнейших механизмов

мягкой силы внешней политики. Обращаясь к идее неолиберального подхода [4], можно отметить, что «мягкая сила» ведет к взаимовыгодному обогащению и сотрудничеству участников, а наделение ею других может помочь достижению целей. Продвижение российского образования за рубежом включает:

- соглашения о взаимопонимании между университетами и ведомствами;
 - заключение двусторонних соглашений;
 - содействие выхода отечественных образовательных учреждений на внешние рынки;
 - поддержку развития инфраструктуры;
 - финансирование образовательных программ в стране присутствия;
 - создание скоординированной системы по привлечению иностранных студентов для обучения в своей стране;
 - поддержку создания новых учебных программ, учитывающих локальные особенности африканского континента, и т.д.
- В настоящее время прорабатывается вопрос по организации и проведению обучения специалистов из африканских стран по программам дополнительного профессионального образования в образовательных организациях МЧС России:
 - «Организация защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций и ведение гражданской обороны» – Академия гражданской защиты МЧС России (г. Москва);
 - «Пожарная безопасность» – Академия Государственной противопожарной службы МЧС России (г. Москва);
 - «Установление причин пожара» – Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России (г. Санкт-Петербург).

Определенные достигнутые успехи в процессе развития российско-африканских отношений свидетельствуют о возрождении некогда тесных и разноплановых партнерских контактов. МЧС России, осуществляя

чрезвычайное гуманитарное реагирование, образовательное и научно-техническое сотрудничество, а также развивая другие, не менее важные направления деятельности двусторонних отношений с чрезвычайными службами и компетентными органами стран Африки, вносит значительный вклад в объединении позиций на международной арене. Поддержка Российской Федерации динамично развивающегося населения Африканского континента дает возможность местным властям пересмотреть свое положение в глобальном геополитическом мире.

Источники

1. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2020 году». – URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/5304> (дата обращения: 15.12.2022).
2. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2021 году». – URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/5946> (дата обращения: 15.12.2022).
3. Государственный доклад «О состоянии защиты населения и территорий Российской Федерации от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в 2019 году». – URL: <https://mchs.gov.ru/dokumenty/4602> (дата обращения: 15.12.2022).
4. *Nye J.S.* Soft power // Foreign policy. – 1990. – №. 80. – С. 153–171.

**ТРАНСФОРМАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ В XXI ВЕКЕ: САНКЦИИ, КОНФЛИКТЫ
И ИМПЕРАТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА**

**Сборник материалов международной научно-практической
онлайн-конференции
1 декабря 2022 г.**

Ответственный редактор:

Иванов О.П., доктор политических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Рудницкий А.Ю., доктор исторических наук;

Миронов С.И., кандидат военных наук;

Фаустова Н.А., кандидат филологических наук